

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

К.Т. Сергазина

«ХОЖДЕНИЕ ВКРУГ»

Ритуальная практика
первых общин христоверов

Москва
2015

УДК 28
ББК 86.37
С32

Художник Валерий Хотеев

*Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ*

ISBN 978-5-7281-1673-8

© Сергазина К.Т., 2015
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	9
Дискуссии о происхождении христовщины	15
<i>Глава 1. Христоверы глазами их современников:</i>	
следственные дела XVIII века	19
Угличское дело 1717 года	21
Дело о князе Ефиме Мещерском	29
Московская и Санкт-Петербургская следственные комиссии	35
Дело Учминского монастыря 1733 года	40
<i>Глава 2. Вера Христова</i>	47
Аскетическое учение	48
Круг чтения христоверов	57
Молитвы	62
<i>Глава 3. Ритуальная практика христоверов</i>	71
«Хождение вкруг», или радение	72
Клятвы	79
Трапеза	84
Пророчества на собраниях	91
<i>Глава 4. «Богомерзкая противность»: распространенные мифы о христоверах</i>	95
«Хлыстовское причастие»	95
«Свальный грех» и заклание младенцев на радениях ...	98
«Лжехристы» и «антихристы»	101
<i>Заключение</i>	111

<i>Приложение 1.</i> Комиссия 1733–1739 годов и ее действия	113
<i>Приложение 2.</i> Следственная о раскольниках комиссия 1745–1757 годов и ее деятельность	120
<i>Приложение 3.</i> Статистические и топографические данные о «секте хлыстов»	133
<i>Приложение 4.</i> Копия указа императрицы Анны Иоанновны от 7 августа 1734 года	144
<i>Приложение 5.</i> Донесение игумена Кассиановой пустыни, что на Учме, Варлаама Самсонова	152
<i>Приложение 6.</i> Расспрос игумена Кассиановой пустыни Варлаама Самсонова, 1733 года	154
<i>Приложение 7.</i> Расспрос иеродиакона Гавриила по присланным из Синода пунктам	162
<i>Приложение 8.</i> Расспрос монаха Учемского монастыря Иоасафа Михайлова	168
<i>Приложение 9.</i> Расспрос крестьянина Ивана Ильина	177
<i>Приложение 10.</i> Расспрос крестьянина Никиты Никитина Сахарникова	184
<i>Приложение 11.</i> Сборник Василия Степанова (1720–1730-е годы)	189
Примечания	217
Список источников и литературы	233

* * *

В селе Красный Волок пригожий народ:
Лебедушки девки, а парни как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах;

Старухи в долгушках, а деды – стога,
Их рассказы внукам милей пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе – семискатный навес:
До горнего неба семь нижних небес,
Ступенчаты крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре – заутренний день.

Рундук запорожний – пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер.
Бревенчатый короб – утроба кита,
Где спасся Иона двуперстьем креста.

Озерная схима и куколь лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям на хартии вод
Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего Гостя готовьтесь принять!
Грядет Он в ночи, яко скимен и тать;
Будь парнем женатый, а парень, как дед...»
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глубы уходит столбом
До сердца земного, где праотцов дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов:
Летят они с вестью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

Николай Клюев, 1916 г.

От автора

Предлагаемое вашему вниманию исследование посвящено религиозной культуре христоверов, или «хлыстов», – русских сектантов-мистиков, появившихся на рубеже XVII–XVIII вв. Обращение к теме религиозной культуры христоверов позволяет по-новому взглянуть на проблему народной религиозности, способы трансляции монастырской культуры и особенности самосознания «русских мистических сектантов».

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе учения и практики первых общин христоверов. Центром повествования можно считать – и именно это было вынесено в название – попытку описать ритуальную практику первых общин христоверов, основываясь на рассказах участников. Обращение к аутентичным текстам (даже если мы имеем дело только с текстами допросов) позволит развеять целый ряд мифов, окружающих христоверов с самого начала существования их общин.

Хронологические рамки исследования предельно сжаты и определены его источниковой базой (нижняя граница – материалами дела 1717 г., верхняя – материалами второй следственной комиссии о раскольниках, охватывающими период с 1745 по 1757 г.). За эти рамки содержание работы выходит лишь в четвертой главе, в которой представлены сохранившиеся в литературе XIX–XX вв. (как полемической, так и художественной) мифы о хлыстах.

Авторы многих работ о христовщине – в основном дореволюционных – обращались к аутентичным текстам христоверов, однако рассматривали главным образом корпус духовных стихов, созданных или бытовавших в их среде. Следует

отметить, что одна из распространенных ошибок этих трудов – попытка представить аллегорическое толкование духовных стихов в качестве основы учения христоверов. При несомненной значимости духовных стихов для культуры христоверов их все-таки нельзя рассматривать как единую богословскую систему, альтернативную православному учению.

Основными источниками работы можно считать документы следствия 1733–1739 гг., проходившего в Москве после доноса Семена Караулова. До 1764 г. документы первой и второй следственных комиссий хранились при Сенате в московской Раскольнической конторе, после ее упразднения были переданы в Разрядный архив, а затем – в Московский архив Министерства юстиции¹. В настоящее время эти документы хранятся в одноименных фондах Российского государственного архива древних актов (фонды 301 и 302 РГАДА). Корпус сохранившихся документов комиссий представлен выдержками из делопроизводственных комплексов, которые пересылались в Синод и Сенат (экстрактами), протоколами допросов, донесениями, описями конфискованного имущества.

В книге большее внимание уделено материалам первой следственной комиссии в силу того, что, с одной стороны, в них представлены более ранние материалы, которые могут быть сопоставлены с предшествующими следственными делами 1717 г., а с другой стороны, не менее важным при выборе источниковой базы показалось мнение ряда исследователей о большей достоверности протоколов первой комиссии, обусловленной меньшим применением пыточных техник (среди протоколов первой комиссии почти нет «пыточных речей», в основном речь идет о расспросах – стадии дознания, которая предшествовала пытке, о «допросе без пытки»²).

Кроме документов первой и второй комиссий «о раскольниках» для анализа ранней христовщины привлекались избранные документы из фонда Канцелярии Синода РГИА (в частности, комплекс следственных дел, получивший среди исследователей название Угличского дела 1717 г.), фонда Тайной канцелярии РГАДА (дело о князе Ефиме Мещерском), из до-

кументов XIX в. – дела об «открывшейся в Москве секте хлыстов» (из фонда Московской духовной консистории ЦИАМ и фонда Канцелярии Синода РГИА, в которых в том числе содержатся копии указов 30-х годов XVIII в.).

Некоторые расспросные речи приведены в приложениях³. Поскольку за неимением самосвидетельств христоверов, полученных не в ситуации допроса, мы вынуждены реконструировать их учение по следственным материалам, нужно делать определенную скидку на степень достоверности наших источников. В работе мы пытаемся отделить собственно «хлыстовские тексты» от риторической формы, навязываемой следствием, в том числе на основе анализа лексических и грамматических структур (главным образом частотности повторов общих речевых оборотов в текстах допросов разных лиц).

В работе не анализируется дочерняя по отношению к хлыстовщине скопческая культура, а также возможные связи христоверов с общинами молокан, беседников, постников, что требует, на наш взгляд, отдельного фундаментального исследования и иной источниковой базы.

Методологическую основу работы наряду с методами исторической науки, главным образом синхронного метода в выборе источников и при источниковедческом анализе текстов (с опорой на работы А.С. Лаврова⁴ и Е.Б. Смилянской⁵), составили концепция фасцинации Ю.В. Кнорозова⁶ и анализ молитвы Н.Л. Мухелишвили и Ю.А. Шрейдера⁷. Анализ следственных материалов проводился в том числе с учетом опыта К. Гинзбурга⁸.

При анализе материалов мы исходим из ряда гипотез, позволяющих перенести исследование русских сектантов-мистиков в контекст православной традиции (главным образом ее народных форм):

– христовщина как согласие зарождается в рамках православной традиции (на первом этапе своего существования культура христоверов была связана с монастырями, на территории которых сохранялись явления, искоренявшиеся Синодом, в частности почитание юродивых и исцеление кликуш);

– как посмертное, так и прижизненное почитание хлыстовских лидеров необходимо рассматривать в контексте народной православной культуры: их почитание близко к почитанию местных святых;

– «хлыстовское причастие», или вкушение на собраниях хлеба и кваса, нужно рассматривать не как альтернативное таинство евхаристии, но как реликт и переосмысление церковных практик (в том числе чина о панагии, потребления хлеба, освященного на вечерне, антидора, артоса, а также других неевхаристических трапез) и поминальной традиции (кутья, кануны);

– самосознание первых христоверов было церковно-православным, «сектантская идентичность» формируется во многом благодаря гонениям XVIII и XIX вв.

Употребляя в тексте дихотомию «официальное» и «народное» православие, мы имеем в виду не более чем разные формы одной и той же православной культуры, связанные скорее как текст и его интерпретация, закон и его (не)исполнение.

Подробный анализ дореволюционных трудов, посвященных христовщине, представлен в работе А.А. Панченко «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект»⁹, самом крупном из современных исследований культуры христоверов. Из всего корпуса этих трудов наиболее значимыми для нашего исследования можно считать работы В.В. Нечаева¹⁰, И.А. Чистовича¹¹ и Г.В. Есипова¹², вводящие в научный оборот архивные материалы о христоверах.

Работа В.В. Нечаева представляет собой аннотированную опись документов, хранящихся в фондах первой и второй следственных комиссий о раскольниках, дополненную вводными замечаниями автора и приложениями, содержащими статистические и топографические данные о христоверах XVIII в., сопоставление аллегорических образов из первого известного сборника молитв¹³ с духовными стихами, собранными на столетие позднее, а также публикации отдельных фрагментов допросов христоверов¹⁴.

Среди работ современных исследователей христовщины и того исторического контекста, в котором возникают и формируются общины христоверов, нужно отметить труды Александра Сергеевича Лаврова¹⁵, Елены Борисовны Смилянской¹⁶, Александра Александровича Панченко¹⁷, прот. Андрея Бермана¹⁸, Юджина Клэя¹⁹. Знакомство с этими работами и их авторами определило основное направление представленных в книге исследований. Нельзя не отметить также историософскую работу Александра Эткинда²⁰, во многом способствовавшую развитию моего интереса к теме русского мистического сектантства. Огромная им благодарность.

Мне хотелось бы также поблагодарить моих учителей – Николая Витальевича Шабурова, Николая Львовича Мусхелишвили, Алексея Викторовича Юдина, без мудрых советов которых не только данная книга, но и диссертация не были бы написаны.

Искренняя благодарность Елене Сергеевне Новик, Евгению Борисовичу Рашковскому, Андрею Борисовичу Морозу, Дмитрию Леонидовичу Спиваку и уже упоминавшимся Александру Александровичу Панченко, Александру Сергеевичу Лаврову и о. Андрею Берману за их отзывы на мои работы (дипломную и диссертационную). Отдельно благодарю Людмилу Геннадьевну Жукову, помогавшую мне на разных этапах моего пути и любезно согласившуюся рецензировать настоящую книгу.

Я очень признательна Александру Сергеевичу Агаджаняну за предоставленную возможность ознакомиться с работами Юджина Клэя.

Андрею Андреевичу Игнатьеву, Илье Викторовичу Семеновенко-Басину, Глебу Гарриевичу Ястребову, Александру Геннадьевичу Кравецкому, Анне Ильиничне Шмаиной-Великановой и Петру Георгиевичу Чистякову я очень благодарна за возможность обсудить с ними многие темы, с которыми я сталкивалась на разных этапах работы над сюжетами, посвященными христоверам.

Отдельная благодарность Российскому государственному гуманитарному университету, предоставившему необходи-

мую базу для проведения исследований и поддерживавшему мои изыскания внутренними грантами. Именно здесь, на базе Учебно-научного центра изучения религий РГГУ, в 2005 г. мною была защищена кандидатская диссертация «Хлыстовство как культурно-исторический феномен (на материале общин первой половины XVIII века)», составившая основу этой книги.

ДИСКУССИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХРИСТОВЩИНЫ

Представители рассматриваемого религиозного движения назывались по-разному. Самое старое из названий их веры – «христовщина», переосмысленное самоназвание «вера Христова». Название «хлысты» появилось позднее. Существует несколько объяснений его происхождения:

- от слова «холостые», что указывает на хлыстовскую аскетику;
- от слов «хлестать», «хлыст» (в некоторых общинах известны случаи самобичевания);
- как искаженное «христы» (указание на хлыстовское лидерство).

Первый вариант происхождения слова кажется мне наиболее вероятным.

В тексте члены согласия («согласники»), о котором идет речь в следственных документах, называются «христоверами», в качестве общего названия их учения и практики вместо «веры Христовой» употребляется название «христовщина» (по аналогии с названиями направлений староверия). Употребление слов, содержащих пейоративную семантику («хлысты», «хлыстовство», «раскольники», «еретики» и др.), сведено к минимуму и употребляется главным образом в устойчивых сочетаниях – «мифы о хлыстах», «хлыстовское причастие», «хлыстовская Богородица».

Вопрос о происхождении христоверов ставился многими поколениями ученых. Ответ на него позволил бы с большей определенностью говорить об истоках их литургической практики и переосмыслить некоторые мифы о хлыстах.

Существует несколько довольно противоречивых точек зрения на вопрос о происхождении христоверов. Родиной христовщины исследователь середины XIX в. Н.И. Барсов считал Костромскую губернию¹.

Согласно поздним хлыстовским легендам, опубликованным в конце XIX в., первая хлыстовская община была основана около 1645 г. во Владимирской губернии. Там, в городе Стародубе, Дани-

ла Филиппович провозгласил свои двенадцать заповедей: «Однажды² он взошел на гору Городину и здесь-то среди ангелов, архангелов, серафимов и прочих небесных сил сошел с неба сам Господь Саваоф. Силы небесные вознеслись назад на небо, а Господь Саваоф остался на земле в образе человека, воплотившись в Данилу Филипповича... Данила Филиппович стал “живым богом” и назывался “верховным гостем”, “превысшим богом”, “богатым гостем”, его последователи стали именоваться “людьми божьими”»³.

Некоторые исследователи XIX в. принимают традиционную хлыстовскую версию, но с определенными оговорками.

И.М. Добротворский полагал, что учение христоверов занесено к нам с Запада, через Запорожскую Сечь и Польшу, и распространилось под влиянием масонов в первой половине XVII в., когда Люди Божии, «пораженные оскудением в мире чистоты и благочестия, собрались на святое место и своими молитвами созвали с неба на землю Господа Саваофа – Данилу Филипповича»⁴.

П.И. Мельников, рассуждая о происхождении христоверов, допускает, что они могут быть преемниками болгарских богомилов или появиться в результате синтеза различных религиозных течений прошлого, занесенных на русскую почву: «Ересь так называемых Божиих людей давно возникла между русскими людьми. Когда именно появилась у нас, определить трудно, даже почти и вовсе нельзя. Может быть, это преемники болгарских богомилов, пришедших к нам еще при Владимире одновременно с православным духовенством; может быть, это слияние манихейства, павликиан, монтанов, богомилов с языческими верованиями и даже некоторыми обрядами давно обрусевшей мордвы»⁵.

Н.И. Барсов, сопоставляя хлыстов с гностиками, манихеями, богомилами, а также квакерами, с которыми соотносили христоверов синодальные чиновники XVIII в., различает в учении хлыстов «первоначальную фабулу, идущую издалека, от самых первых веков христианства, и позднейшие наслоения, плод бытовых условий русской жизни»⁶.

Н.В. Реутский, а вслед за ним и современные исследователи христовщины считают повествование о Даниле Филипповиче легендарным и связывают легенду со староверами поморского согласия. Указывая, что первыми христоверами были насельники монастырей и монастырские крестьяне, Реутский все же не считает христовщину русским аутентичным явлением и говорит о влиянии учения Квирина Кульмана.

Другим источником вероучения и практики христоверов Н.В. Реутский считает учение старца Капитона⁷. Капитон родился в селе Даниловском Костромского уезда, в 1620-е годы жил в пустыни на р. Ветлуге, затем основал скиты на р. Шуге. Старец носил вериги и был крайним аскетом, его последователи постились по средам, пятницам и субботам и даже на Рождество и Пасху⁸. Капитон не признавал новых икон, например икону Христа в образе архиерея и Богородицу в царских одеждах⁹. Неясно, связано ли подобное отношение к иконам с неприятием пришедшей с Запада реалистичной манеры письма, свойственное ревнителям благочестия XVII в., или с отрицанием всех икон нового, никоновского, письма, характерным для староверов.

Многие исследователи считали Данилу Филипповича учеником Капитона¹⁰, хотя распространены версии и староверческого происхождения «первого наставника» христоверов: «он сначала был перекрещенец, и потому имел много старообрядческих книг»¹¹, которые и бросил в Волгу вместе с новыми.

Преемником Данилы Филипповича, согласно легенде, был Иван Тимофеевич Суслов¹², похороненный в Москве в Ивановском монастыре: «Для утверждения между людьми истинной веры Данила Филиппович избирает себе помощника Ивана Тимофеевича Суслова. Он возносит его на три дня при свидетелях с собой на небеса, после чего Суслов делается сыном Божиим, Христом, и начинает утверждать между людьми истинную веру. Саваоф через некоторое время возносится на небо»¹³.

Корни легенды о Даниле Филипповиче, вероятно, следует искать в повествованиях о староверах-поморцах.

Современные исследователи хлыстовства А.А. Панченко и Ю. Клэй считают, что христовщина зародилась, безусловно, на русской почве, и вслед за Н.В. Реутским называют одним из ее источников учение Капитона. При этом Ю. Клэй подчеркивает, что первые общины христоверов появились в Верхнем Поволжье, недалеко от Нижнего Новгорода, и только в XVIII в. христовщина распространилась в Москве¹⁴. Источники литургической практики христоверов Ю. Клэй видит в традиции старчества, юродства и исихазма. А.А. Панченко подчеркивает культурно-историческую связь христовщины со староверами-беспоповцами¹⁵ и полицентричный характер ранней христовщины. Исследователь считает, что первые общины формировались вокруг харизматических наставников: «Таких лидеров в ранней истории христовщины могло

быть много. Судя по всему, первоначально они вели страннический образ жизни, путешествуя со своими учениками по городам и селам... Впоследствии, когда хлыстовское учение получило достаточное распространение, сектантские “христы”, “богородицы” и “пророки” становились оседлыми горожанами, крестьянами или иноками»¹⁶.

А.А. Панченко допускает, что Данила Филиппович и Иван Тимофеевич были лидерами общин Поволжья и Подмосковья в конце XVII – начале XVIII в., хотя и не считает их общины ни первыми, ни единственными¹⁷.

А.Г. Берман предлагает рассматривать христовщину в контексте культуры «православного прицерковного круга». Опираясь на труды А.А. Панченко и Ю. Клэя, Берман признает одним из источников христовщины исихазм и в качестве доказательства приводит параллели между хлыстовством и одной из ранних христианских ересей (мессалианством)¹⁸.

Хотя вопрос о генезисе хлыстовства продолжает оставаться открытым, в настоящее время исследователи единогласно признают, что христовщина возникла в русской православной среде и что основу первых богослужений христоверов составляла практика рецитации Иисусовой молитвы.

На мой взгляд, о генезисе христоверов невозможно говорить без учета русской монастырской традиции XVIII в. Ее влияние, впрочем, отмечали и предшествующие исследователи – в частности, Н.В. Реутский и Ю. Клэй. Н.В. Реутский писал о заимствовании внешней атрибутики и безбрачного образа жизни: «Отвержение мясной пищи, черный цвет платья, приветствие братьев низкими поклонами во все стороны, земные поклоны и целование руки у учителей и наставников, замкнутость жизни – все это заимствовано хлыстами из монастырских обычаев»¹⁹. Ю. Клэй подчеркивал значимость влияния старчества как особого феномена русской религиозности²⁰.

Комплексное изучение культуры первых общин христоверов требует также исследования той группы монашествующих, которая симпатизировала старому обряду, но не порывала с Церковью догматически. Одними из вероятных источников христовщины (по крайней мере, ритуальной практики первых общин христоверов) можно считать такие феномены святости/одержимости, как юродство и кликота.

ХРИСТОВЕРЫ ГЛАЗАМИ ИХ СОВРЕМЕННИКОВ: СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА XVIII ВЕКА

Документально историю христовщины можно проследить с начала XVIII в. Одним из первых документов о христовщине считают так называемое Угличское дело 1717 г., сюжеты которого были положены в основу указов 1733–1734 гг.

Нужно отметить, что одним из первых названий, которому христоверы обязаны представлением о схождении Святого Духа на пророков, становится именование «квакерская ересь». Корпус документов, сохранившихся в Синоде, в котором находятся и материалы Угличского дела, получил название «следствие о секте квакеров»¹.

Как следует из анализа следственных материалов, христовщина распространялась в Московской, Ярославской и Тульской губерниях. Первыми собраниями христоверов были московское, угличское и венёвское.

Анализ материалов следственных комиссий позволяет рассмотреть социальный состав общин XVIII в. и выделить способы трансляции религиозной культуры христоверов, среди которых особое место уделено проповеди по церковным книгам среди сельского клира. Важную роль в распространении христовщины играли странствующие монахи и торговцы, распространявшие на ежегодных ярмарках не только товары, но и религиозные учения.

Из данных комиссии 1733–1739 гг. известно, что главными центрами московских общин стали женские монастыри: Ивановский, Варсонофьевский и Никитский, а также следующие частные дома:

- 1) дом отставного солдата Прокопия Лупкина на Швивой горке в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Болвановке;
- 2) дом Семена Мелоскина под Новодевичьим монастырем в Кочках;
- 3) дома посадских людей Ивана Никитина, Иоакима Федорова и Бориса Калашникова в Кудрине;

4) дом ямщиковой дочери Марии Анкудиновой в Дорогомиловской ямской слободе;

5) дом купца Степана Яковлева за Пречистыми воротами;

6) дом дворового человека князя Голицына Алексея Иванова на Шаболовке;

7) дом Алексея Перфиньева за Серпуховскими воротами;

8) дом мастера казенной парусной фабрики Лаврентия Ипполитова в Преображенской слободе.

Собрания московской общины проходили в доме Прокопия Лупкина, в Ивановском монастыре в келье старицы Настасьи Карповой, а также в Георгиевском, Варсонофьевском и Никитском монастырях. Членами московских общин также были монахи Чудова и Петровского монастырей. Известны христоверы из Богословской пустыни и Кассиановой пустыни, что на Учме. Среди христоверов первых общин – несколько белых священников с членами семей, а также другие представители клира, монастырские крестьяне Николо-Перервинского и Симонова монастырей, посадские люди. Известно также, что к стрельцу Прокопию Лупкину – лидеру одной из московских общин – приходил старец Симонова монастыря Зосима.

Собрания угличской общины проходили в деревнях Угличского уезда Данильцевой (в доме Никиты Антонова Сахарникова), Харитоновой (в доме Еремея Бурдаева) и Ананьиной (в доме Никиты Васильева в дни больших церковных праздников – на Николу Вешнего (9 мая), Покров Богородицы (1 октября), а также во время Онуфриевской ярмарки (приуроченной, вероятно, к дню преподобного Онуфрия, 12 июня). На Онуфрия из Москвы приезжал Прокопий Лупкин. Известно также, что учение христовщины было известно в деревнях и до приезда Лупкина – одним из учителей угличской общины начала XVIII в. был крестьянин деревни Данильцевой вотчины Симонова монастыря Тимофей Трофимов.

Венёвская община в 1720-х годах собиралась в домах Герасима Муратина и Семена Миляева. Оба были посадскими людьми. Герасим Муратин, очевидно, был родственником иеромонаха Петровского монастыря Филарета (в миру венёвского купца Федора Григорьева Муратина), сначала члена общины Лупкина, потом – Настасьи Карповой. Из показаний иеромонаха Филарета известно, что Настасья приезжала в Венёв к Семену Миляеву, а также ездила в Волок Ламский.

Эти общины были связаны между собой единым учением и сходной религиозной практикой.

Угличское дело 1717 года

Материалы следственного дела Угличского духовного приказа «О пойманных в Угличе в 1716 году еретиках» были частично опубликованы И.Г. Айвазовым в «Миссионерском обозрении» в 1916 г.² В 1985 г. Ю. Клэй опубликовал тексты повторно с незначительными исправлениями³. Оригинал дела хранится в фонде Канцелярии Синода РГИА⁴.

Суть Угличского дела такова. 12 июня 1717 г. крылосный (поющий в церковном хоре, на клиросе. – К. С.) монах Угличского Покровского монастыря Антоний прислал Ростовскому и Ярославскому епископу Досифею письмо следующего содержания: 7 июня Антоний шел в Александрову пустынь помолиться и по пути остановился на ночлег в деревне Харитоновой во дворе крестьянина Еремея Васильева Бурдаева. В доме Бурдаева Антоний познакомился с двумя угличскими посадскими вдовами, идущими в деревню Данильцеву вотчины Симонова монастыря к «своим учителям». Учение их, по словам Антония, вдовы Капитолина и Авдотья изложили ему так: «Учат де женатых с женами не спать, и холостых не жениться, и хмельного ничего не пить, а в церковь ходить велят и принимать святые тайны ради лица. И в милотях они ходят, и Дух Святый на них сходит. И после того говорят многие речи, будто что прорицая»⁵.

Об этом учении Антоний и донес епископу.

Однако, как отмечают современные исследователи, находка Антония не была случайной: архимандрит Покровского монастыря Андроник еще в 1715 г. от священника Дмитриевской угличской церкви узнал о собраниях в доме Еремея Бурдаева. Антоний был подослан в дом Бурдаева как керженский старовер⁶. В результате провокации в духовном приказе было допрошено 19 человек, задержанных в доме Бурдаева. Из них:

– крестьяне деревни Харитоновой вотчины Воскресенского монастыря Еремей Васильев Бурдаев⁷, его жена Авдотья Гаврилова и дочь Елена, брат Петр и свояченица Наталья;

– крестьянин деревни Данильцевой вотчины Симонова монастыря Черемошской волости Никита Антонов Сахарников и его сын Никита⁸;

– крестьянка деревни Текленева вотчины Алексеевского монастыря Офимья Гаврилова Гладышева;

– угличские посадские вдовы Капитолина Иванова Пастухова и Авдотья Галактионова Кашина;

– села Никольского Ярославского уезда крестьянин Иван Ильин⁹;

– крестьянин боярина Бориса Петровича Шереметева Прокопий Данилов Лупкин с работниками: Алексеем Сидоровым Портным, Федотом Тихоновым Овчинниковым, Иваном Васильевым Бардиным, Григорием Даниловым, Никитой Васильевым Блиновым, дочерью его Марфой и племянницей Аксиньей¹⁰.

В деле, хранящемся в Синоде¹¹, среди участников упомянуты Еремей Бурдаев, Прокопий Лупкин, Никита Сахарников, Иван Ильин, Иван Васильев Бардин, Петр Васильев Бурдаев, Григорий Данилов, Никита Васильев Блинов, Алексей Сидоров, Федот Тихонов Овчинников, Никита Никитин Сахарников, Бурдаева жена Авдотья Гаврилова, Бурдаева дочь Елена, Никиты Васильева дочь Марфа.

Из материалов допросов узнаем, что раз в году в дом Никиты Антонова Сахарникова (он же Никита Антонов) в деревню Данильцеву съезжались семьями крестьяне, которых хозяин учил творить молитву Иисусову «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», не пить пива и вина, «не жить блудно» и креститься двуперстно. Проповедь содержала и эсхатологический момент: «Ныне последние времена. Народился Антихрист от старичья роду и вооружился и станет Царю белому помочи давать и пойдет под Царьград, как возьмет Царьград, назовется богом. А ныне живет в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург запустеет, так же как Содом Гомор»¹².

По словам Никиты Антонова, об антихристе по неизвестной книге проповедовал некий батрак Иван Васильев, живший у Никиты Антонова «с Онофреева дни до Митричех дни», а учение перенял Никита от Тимофея Трофимова, крестьянина той же деревни Данильцевой «тому лет десять», т. е. около 1707 г. Тимофеем Трофимов учил «вина и пива не пить и с женой ничего не творить», «слагать крест двумя персты» и «ходить вкругу». Этому же учил Никита Антонов приходящих к нему крестьян. Никите Антонову приезжающие давали милостыню («денег подесятку»), он же одаривал их пряничными орешками и калачами, привезенными из Москвы от Прокопия Лупкина.

С Прокопием Лупкиным Никита Антонов познакомился в 1715 г. в Москве, когда решил нанять для своего сына прилавок для продажи масла. В доме Лупкина Никита с Прокопием разговаривались, и оказалось, что Прокопий – последователь того же

учения, что передал Тимофей Трофимов Никите. С тех пор Прокопий стал ежегодно заезжать в деревню к Никите по пути на ярмарку.

Кроме Никиты Антонова собрания в своем доме устраивали Никита Васильев (в деревне Ананьиной) и уже упомянутый Еремей Бурдаев (в деревне Харитоновой). В 1716 г. к Еремею Бурдаеву пришел ночевать «проезжий человек» крестьянин Никита Антонов, который рассказал, что делается у них «доброе дело». Весной на Николу Вешнего (9 мая) поехал Еремей с женой, сыном, невесткой и двумя дочерьми к Никите. В то время в доме Никиты уже было человек двадцать в рубашках и босиком. Мужчины и женщины «махали руками» и пророчествовали. Никита учил Еремея «не пить вина и пива и не жить с женой блудно» и просил дать обет перед иконой Богородицы, что Еремей с женой и исполнили, сняв икону.

На Покров Богородицы (1 октября) в том же 1716 г. семья Бурдаевых вновь приехала к Никите Антонову и «он, Никита, учил его, Еремея, креститься, слагая руки двумя персты, а не тремя, и в церковь ходить и Святых Таин причащаться велел. И давал ему, Еремею, орешков пряничных и калачи по кусочку... А те калачи и орешки пряничные привозил он, Никита, с Москвы от Прокопия Данилова»¹³.

В том же году на Онуфрия семья Бурдаевых приехала в третий раз в деревню Данильцеву в дом Никиты Антонова, где Еремей познакомился с самим Прокопием Лупкиным.

На обратном пути с Онуфриевской ярмарки в девятую пятницу Лупкин с товарищами и Никитой Антоновым заехали к Еремею Бурдаеву и «ночевали одну ночь и быв, пели молитву Иисусову, и по избе ходили в рубахах босяками... и говорили стихи». Напоследок Еремей дал Никите Антонову «на милостыню денег по десятку». Видимо, Никита Антонов вызывал у Бурдаева большее доверие, чем Лупкин. Известно, что на собраниях Лупкин и Никита сидели вместе, что Никита был «старик», а Лупкина звали «кривым». Похоже, что даже в Москве Никиту Сахарникова знали больше, чем Лупкина. Так, москвич Иван Васильев Бардин рассказывал, что его вероучитель Иван Онофреев Кувальда, аскетические требования которого были такими же, как у Никиты, в 1716 г. перед смертью сказал: «Есть в Ярославском уезде в вотчине Симонова монастыря в деревне Данильцове старик, а зовут его Никитою Антонов сын – добрый человек»¹⁴.

Прокопий (Прокофей) Данилов Лупкин был отставным стрелцом полка Бенедикта Батурина, уволенным со службы по причине «падучей болезни», эпилепсии. Лупкина считают одним из первых лидеров христовщины, главой крупной московской общины христоверов, хотя, согласно его показаниям, в Москву он приехал не раньше 1713 г. и только в 1717 г. нашел постоянную пристанище «на Москве в Нижних Садовниках у крестьянина боярина Бориса Петровича Шереметева на постоянном дворе», где «промышлял лошадыми»¹⁵. Лупкин был участником двух Азовских походов, прожил в Азове два года, а после царского указа о роспуске гарнизона записался в Нижний Новгород, откуда и переехал в Москву. Неясно, где Лупкин познакомился с учением – в Нижнем Новгороде или уже в Москве. Если в Москве, то его учительский стаж гораздо меньше Никитино.

После знакомства с Никитой Антоновым в 1715 г. Лупкин ежегодно по дороге на Онуфриевскую ярмарку заезжал в деревню Данильцеву.

У Никиты Антонова в 1716 г. Лупкин пробыл три дня (с 9 по 12 июня), в 1717 г. – шесть (приехал за три дня до Троицы).

Ночами в доме Никиты Антонова устраивался «съезд», собрание, в позднейшей традиции известное как «радение»¹⁶. Проходило оно следующим образом. В переднем углу комнаты (под иконами) сидел Лупкин в камзоле, на лавках вдоль стен – около двадцати его согласников, босиком, в рубашках и сарафанах. Некоторых из них «подымало с места Духом Святым». В духе «говорят они, что веруйте в Отца и Сына и Святую Троицу, а ничего не прорицают и не велят вина и пива пить и с женами спать». Аскетическая проповедь не называется здесь пророчеством, но своей лаконичностью, четкостью и ритмом похожа на него.

Сам Лупкин, если верить его показаниям, ни на одном собрании «в духе» не ходил, о пришествии антихриста не проповедовал, книг вслух не читал, а только учил, что если кто не будет матерно браниться, вина и пива пить и с женами спать, станет святым¹⁷.

В текстах, опубликованных И.Г. Айвазовым, подчеркивается роль Лупкина не как установителя ритуала, но как учителя, проповедника. Согласно показаниям Лупкина в Угличской канцелярии, в деревне уже знали, как петь Иисову молитву «в роспев», но неизвестно, умели ли «ходить вокруг ради труда». Никита Антонов утверждал, что «ходить вокруг» его учили Тимофей Трофимов и Прокопий Лупкин.

В тексте показаний Лупкина встречаем следующий неоднозначный фрагмент: «А в Москве ходит к нему, Прокофею, старец из Симонова монастыря, а зовут его Зосимою, и учил де он, Прокофей, его креститься сложа у руки перст первой с двумя последними, а тремя первыми персты слагая креститься не велел, а он де, Прокофей, оному действу ни от кого не научен, только сошел на него Дух Святой»¹⁸.

Неясно, зачем было старцу монастыря учиться вере у отставного стрельца. Любопытно, однако, следующее: сразу же за показаниями Лупкина о старце Зосиме следует другой фрагмент, несколько отличающийся от вышеизложенных показаний по стилю и содержанию. Приведем фрагмент целиком, поскольку именно он воспроизводится историографами, когда речь заходит о Лупкине как одном из лидеров зарождающейся христовщины: «Назад тому года с три молился де он, Прокофей, в ночи и оттого времени, умысля сам де собою, творил и других учил он и называл себя учителем, а которые де у него, Прокофея, вышеописанные мужеского и женска полу учение то принимали, и тех де он, Прокофеи, называл учениками своими, и когда де у него, Прокофею, бывают в домах действия, и тогда де поднимало ходить в избе в милотях, сиречь в рубашках и босиком¹⁹, человека по два и по три и по одному, и тогда де он, Прокофей, толкует прочим при себе так:

Христос ходил по морю и по рекам вавилонским со ученики и в корабли плавал, тако же и нам подобает – сие де мои ученики, яко же апостоли, он же, Прокофей, яко же Христос, а распрос писал подьячий Федор Петров, по его прошению работник Федот Тихонов руку приложил»²⁰.

Нехарактерными для лупкинского дискурса кажутся слова «действие» (собрание верующих) и «милоти» (одежда собравшихся). В тексте показаний несколько выше процитированного фрагмента в том же контексте используются слова «съезд» и «рубахи» (два раза) и «сарафаны».

Источником добавлений в текст могут быть вышеупомянутое донесение монаха Антония, в котором дается некая интерпретация учения христоверов: «в церковь де ходить велят и принимать святые тайны ради лица». Антоний же в разговоре со вдовами Капитолиной и Авдотьей спрашивал: «Как де у ваших учителей живет учение?», а также упоминал, что они «в милотях де ходят и Дух Святой на них сходит». Последний фрагмент, очевидно, восходит к рифмованной речи странников, заимствованной христоверами,

однако едва ли можно предполагать нормативность употребления «ходят в милотях» отдельно от второй части высказывания. Тем не менее именно эта формула – «в милотях, сиречь в рубашках босьяками» – становится одним из распространенных штампов следственной риторики.

Собрания в доме Лупкина упоминаются только в показаниях работников Лупкина Алексея Сидорова и Федота Тихонова, которые были даны в Угличской канцелярии. В протоколах Духовного приказа о собраниях у Лупкина не упоминается. Нет упоминаний и о том, что Прокопия называли учителем, или о том, что Лупкин называл себя Христом.

Исключением является письмо монаха Андроника архиепископу Досифею, который подчеркивал, что «в допросах многие явились разглагольствования и в речах несходствия», которых он «без указа вашего архиерейства в совершенство сводить опасен». Однако письмо представляет собой именно сжатое изложение показаний. Андроник пересказывает историю Лупкина следующим образом: «Молился де он ношю, и нашел де на него Дух Святой, и с того времени стал в ночи и во дни Иисусовы молитвы петь голосом и других учить, и называл себя учителем, а которые при нем, тех учениками. А учил де учеников своих, чтоб им вина и пива не пить и матерно не браниться, а которые из них женившиеся, тем, чтобы с женами не спать, а неженившимся, чтоб не жениться, и ставил то в тяжкий грех и блуд. А когда де у них бывает молитва, тогда при нем бывшие ученики раздеваются верхнею одеждою и бывают в одних рубашках и босиком, то называют тех в милотях. И сажал де их по лавкам, а сам сидит де в переднем углу нераздевшимся, и уча их, он, Прокофей, толковал: “Христос ходил по морю и по рекам вавилонским со ученики и в корабли плавал, також де и нам подобает сие творити. Вы де мои ученики, якоже апостолы”, а он де, Прокофей, себя называл яко Христа»²¹.

Самоидентификация Лупкина с Христом стала общим местом в историографии XIX в. Однако сам Лупкин под показаниями не подписался, хотя на основании допросов Еремея Бурдаева, Никиты Антонова и других можно утверждать, что в случае неграмотности допрашиваемого за него подписывался подьячий или третье лицо, но делопроизводственная формула при этом была неизменной: «...по его прошению NN руку приложил». Возможно, завершительный фрагмент «толкования Лупкина» неаутентичен. На втором допросе – уже не в Духовном приказе, а

в Угличской канцелярии – Лупкин прямо говорит, что Христом себя не называл.

Необъективность следствия подтверждается также показаниями Еремея Бурдаева, записанными в Угличской канцелярии: «Как его [Еремея] допрашивали у Духовных дел, и допрося, допросу ему не читали и подьячей Федор Петров к допросу вместо Еремея руку прикладывал не по его Еремееву велению. И он, Еремей, руки оному Федору не даывал и прикладывать не веливал»²².

К тому же в показании монаха Покровского монастыря Макария прямо сказано, что «при тех допросах Бурдаев и Прокофей, чтоб сказывали правду, биты были плетьюми»²³. Применением при допросах физической силы объясняет несоответствия между своими показаниями в Духовном приказе и в канцелярии Никита Антонов: «Оной Прокофей привозил к нему из Москвы калач да орехов пряничных. И он, Никита, те калачи [нарезал] долями и при сидении раздавал и говорил, что при раздаче, чтоб ели о здравии помянутого Прокофья. А что он, Никита, в Духовном приказе говорил, что будто ели б от скорби и вместо причастия, и то де он говорил в расспросах у Духовных дел за побои архимандрита Андроника»²⁴.

Понятно, что полученные показания не могут быть приравнены к самосвидетельствам, но из них мы можем вычлениить элементы следственной риторики, зафиксированные также в документах дела: «В тех допросах Бурдаев и прочие, кроме Прокофея, сказывали, что расколу учил их оной Прокофей, и называли его учителем. А суеверие их было такое: оной Прокофей в собраниях учивал творить молитву “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас” и садился в избах за стол в переднем месте, а оные раскольники, как мужеска, так и женска пола люди, садились около его по сторонам и пели ту молитву нараспев. И посреди избы поставляем был чан с водою. И около того чана по два человека ходили в одних рубашках кругом, поя ту ж молитву, и потом падали на пол. И раздавал в те времена оной Прокофей им разрезанный калач по частям, называя просфорою»²⁵.

Любопытно, что в отчете нет речи о двоеперстии. Этот факт лишний раз подтверждает тезис А.С. Лаврова о длительном периоде допустимости обеих форм обряда²⁶.

Хотя о чане с водой не говорится ни в одном из показаний, а о принятии кусочков хлеба вместо причастия сказано

с вышеозначенными оговорками, эти мифологемы стали общими местами в антисектантском дискурсе XIX в.²⁷

Материалы Угличского дела вошли в текст императорского указа от 7 августа 1734 г. в следующем виде.

В прошлом [т. е. прошедшем] 715 году уведомился он [Андроник. – К. С.] города Углича Димитриевской церкви от попа чрез словесный донос о явившихся тогда в Углицком уезде еретиках <...>.

В прошлом [1]717 году июня 16 дня к бывшему Ростовскому Епископу Досифею (что потом был расстрига Демид) <...> показано, что того ж июня 13 дня в Углицком уезде в вотчине Воскресенского монастыря, что в Угличе, в деревне Харитонове крестьянина Еремея Бурдаева поймано оным архимандритом Андроником раскольников мужеска пола 11, женска 10, итого 21 человек, в том числе один московский отставной стрелец Прокофей Лупкин, и по привозе их в Углич, в том Духовном правлении по допросам показалось, что онный Лупкин производил в богомерзких своих сонмищах злое свое учение, а именно называл себя яко Христа, а учеников, яко апостолы, и во время-де бывшего у них с теми учениками пения молитв, якобы, на некоторых из них сходил Дух Святой, когда на двух, когда на трех человек, и подымало-де их с лавки, и ходили они, скачучи вкруг, по получасу и больше, и в то время клали на стол калач ломтиками и, отпев молитвы, тем причащались, и прочих-де приходящих к нему всех учил той же своей богомерзкой противности, которые-де ему в том и последовали, и притом же-де говорил им, якобы, тогда уже последнее время, и есть-де антихрист на земли от монашеского чина да о последнем же времени, последовавшие ему ученики слышали еще и от другого такового же еретика, которого-де тогда, также и поныне, в сыску не явилось, что-де антихрист народился от монашеского чина, и как-де он будет на море и возьмет Царь-град, и тогда-де наречется Богом.

А в учиненном в Угличе в Духовном правлении допросе вышеобъявленного крестьянина Бурдаева показано: вотчины-де Симонова монастыря Ярославского уезда Черемошской волости деревни Данильцева крестьянин Никита Сахарников с товарищем своим Иваном Васильевым такие же о последнем времени и об антихристе речи говорили, а <...> из одного дела показалось, что те чинившие вышеписанные богомерзкие противности люди явились жители не одного Углицкого, но и других разных мест и оное злое свое плевелосеяние рассевали не в одном, но во многих местах, как и в прошлом 1733 году в Москве...²⁸.

Вероятно, только благодаря пронизательности архиепископа Феофана Прокоповича, возглавившего «особо учрежденную» следственную комиссию в Петербурге, пойманные в 1733 г. в Москве «колодники» были отождествлены с последователями уже умершего Прокопия Лупкина. Любопытно, что учение их называется в указе 1743 г. не иначе, как «плевелосеяние», а практика – «богомерзкой противностью», что указывает в том числе на то, что члены Синода не понимали вполне, что за религиозная группа перед ними.

Дело о князе Ефиме Мещерском

Следующим известным исследователям делом, в котором упоминаются христоверы, можно считать дело о князе Ефиме Мещерском²⁹.

Сюжет этого дела стал известен благодаря очерку Григория Есипова «Кликуши», опубликованному в сборнике «Раскольничьи дела XVIII столетия»³⁰.

Из современных исследователей документы дела были знакомы А.С. Лаврову³¹, Е.Б. Смилянкой³² и М.А. Федотовой³³, причем А.С. Лавров определяет главных участников как хлыстов, а Е.Б. Смилянская и М.А. Федотова видят в них староверов. В документах дела Алена, Пелагея и Григорий Ефимовы значатся как принадлежащие к христовщине.

Дело о князе Мещерском представляет собой интересную иллюстрацию того, как разные пласты народной религиозности (церковные христиане, староверы и христоверы, кликуши) сосуществовали в одном месте и в одно время. Местом как раз оказался дом князя Ефима Мещерского, а временем фиксации – 1721 г.

Из схваченных по делу князя Мещерского лиц важно упомянуть:

– монахиню Рождественского девичьего монастыря в Москве Досифею, которую, если верить Г. Есипову, в монастыре все очень любили и которая приютила в монастыре юродивую Марью Босую;

– саму московскую юродивую Марью Босую, которая тридцать лет зимой и летом ходила босиком;

– старицу Евпраксию, которая названа в деле притворной кликушей;

– Пелагею Ефимову, названную в деле кликушей;
– ее сестру Алену Ефимову (обе они в деле названы раскольниками, крестились двоеперстием, но ходили на исповедь); известно также, что муж Алены был иконоборец из круга Настасьи Зимихи³⁴, или Зимы (т. е. икон не почитал, что для ранних христоверов нетипично), и что домой к ним ходил «пустынный Михайло <...> и говорил Алене, что троеперстным сложением не умолишь у Бога, а простирая ум свой, смотри на иконы»³⁵;

– Григория Ефимова, брата Алены и Пелагеи, о котором Алена сказала, что «брат ее того ж раскольнического [т. е. христовщины. – К. С.] согласия»;

– зарайского подьячего Федора Григорьева, о котором Алена говорила в допросе, что «он читал только Псалтырь» и что «согласия он не христовщины» (а сам подьячий дополнял, что «человек он не богомудренный и о раскольничей вере истязаться не может, и согласия он не христовщины и расколу он не учил»)³⁶, а также крестьян села Борисова Данилу Васильева и Филиппа Климова.

Данила Васильев, как сказано в деле, «научился противному [Церкви] сложению перстов от родителей своих и чтоб он, Данило, и в понедельник, и в среду, и в пяток имел бы пост, и не бранился матерно»³⁷. А Филипп Климов в первом допросе показал, что «будет креститься в два перста для того, что за оное свидетельствует в нем дух святой и очевидно он его видит и признает то действительно, потому что рыгает внутреннею и трясется, а ежели де он станет креститься треперстно, то де от него отыметса тот дух святой», а во втором допросе отказался от своих показаний, говоря, что «слов таких не говаривал, и не рыгал, и не тряся, только говорил, что треперстно первыми персты креститься не будет»³⁸.

Независимо от того, чью точку зрения мы принимаем – Филиппа или его обвинителей, нужно обратить внимание на наличие связи между физическими проявлениями (трясением, вероятно, произвольным; гортанным голосом) и «свидетельством Святого Духа», т. е. пророчеством. Очень похоже, что перед нами нетипичный пример мужской кликоты³⁹.

Князь Ефим Васильевич Мещерский не был ни «хлыстом», ни старовером, хотя такие слухи по Москве ходили (в том числе потому, что его личная религиозность была в некотором смысле нетипична). Он был участником Северной войны⁴⁰ и считал, что не погиб в Нарвском походе только благодаря образу Смоленской иконы Богородицы, который носил «на рамах»⁴¹. После оконча-

ния похода князь Ефим Мещерский дал обет построить церковь и поместить туда икону⁴², для чего «ездил по деревням с образом за пазухой, веля бирючам кликать, чтобы народ собирался к нему поклониться чудотворной иконе»⁴³.

Домовая церковь князя Мещерского, куда и была помещена икона, была построена в том числе на собранные пожертвования. Перед иконой регулярно служили акафисты и вечерние богослужения «крестовые попы», т. е. священники, которые не имели постоянного прихода и временно подрабатывали (в основном при домовых церквях и часовнях).

Икону считал чудотворной не только князь – многие шли поклониться святыне, а князь не только не препятствовал народному почитанию иконы, но и сам вел запись чудес, сотворенных по молитвам Богородице. К 1721 г. в тетрадку князя было записано 283 чуда.

Князь принимал у себя странников, в том числе тех, кто крестился двоеперстием, монахинь, юродивых и кликуш, и даже практиковал особый обряд исцеления кликоты – кликуш бил четками, кропил святой водой, помазывал маслом из лампы, горевшей возле иконы, а также одаривал кусочками просфоры (это были просфоры из монастырей и хлеб, который освящался на домашних вечернях).

Князь Ефим Мещерский жил в селе Космодемьянском, расположенном на реке Химке неподалеку от Воскресенского монастыря; почитание чудотворной иконы, находившейся у князя Мещерского, могло быть и частью паломничества к монастырским святыням.

Рассуждая о значимости монастыря для народного религиозного сознания, исследователи в первую очередь упоминают получаемые в монастыре «святыни» – просфоры и масло. О причастии речь не идет – А.С. Лавров на основании просмотренных архивных документов приходит к выводу, что для XVIII в. нормальным (т. е. наиболее частотным) было причастие не раз в год, а раз в жизни – обычно в случае тяжелой болезни (можно сказать, что причастие функционально уподоблялось соборованию)⁴⁴.

В домашней часовне князя Мещерского «паломники» получали тот же набор: «святыню» (чудотворную икону), просфоры (частички), масло и святую воду. Согласно показаниям священника Александра Алексева, который ссылается на получившего исцеление от паралича священника Семена Иванова, «когда

церкви еще и в зачине не было, [князь] держал в доме дароносицу и таинства»⁴⁵ (видимо, имелись в виду все-таки не дораскольские дары, которые сохраняли староверы). К тому же приходящих на поклонение встречал радушный прием самого князя Ефима Васильевича, почитаемого за «богомудренного». Мещерский играл роль наставника: будучи мирянином, он сам решал, какая служба должна быть совершена перед иконой и когда, он сам кропил приходящих святой водой и одаривал частицами просфоры, он сам исцелял кликуш.

Вот как описано это в деле: «Пойманы бабы и кликуши, они же раскольницы, Елена Ефимова и сестра ее Пелагея, которые у себя имели таким же пристанище и учили раскольническому и притворному кликанью, и по многим монастырям и церквям собравшись, ходили и оное притворство чинили, а именно ходили к князю Ефиму Мещерскому, который у себя имел образ богородичен и сказывал многим приходящим, что от одного образа беснующиеся исцеление приемлют, о чем у него и книга тех чудес учинена, которая с оным образом взята в приказ, да у него взято сухарей пшеничных с полчетверика, которые он раздавал, и маслом помазывал, и водою кропил, и от этого, будто, приходящие исцеление получали»⁴⁶.

Похожее описание мы находим и в расспросах старицы Досифеи и священника Семена Иванова: «А поп сказал, давал де он ему, попу, из лампады масла и сухари и он де маслом тем мазался, а сухари ел и получил ноге малое здравие»⁴⁷; «Старица Досифея сказала, что с показанной жёнкой Аленой и с другими с нею людьми она хаживала, и в доме князя Ефима была, из них ломало помянутую верижницу [Ирину. – К. С.] и оный князь бил ее четками... [и сказала, что] и верижница Ирина была у ней и у Босой в келье... [и что] пристанище всяким бродящим старицам и белицам⁴⁸ у оной Босой есть»⁴⁹.

Из этого показания следует, что в начале XVIII в. существовало какое-то количество бродячих монахов и монахинь (их число, вероятно, значительно возросло после секуляризации 1764 г.) и что многие из них находили пристанище в московских монастырях. В то же время образ жизни московских монахинь позволял им уходить за пределы монастыря, ведь сказано, что Досифея была у князя, а не князь у нее.

Об этом же говорится в расспросе старицы Евпраксии: «Евпраксия сказала, пострижена де она в Ростовском Спасском

монастыре и из того монастыря ходила она тайно в Соловки для моления, и в Москву пришла перед днем Успения Богородицы, и жила в Рождественском монастыре у показанной Босой и у старицы Досифеи, и принесла того монастыря игуменью Панфилии из Архангельского монастыря от старца Прова, который ей, игуменье, духовник, письма, а о чем, не знает»⁵⁰.

Из показания мы видим, что монахи исполняли роль распространителей религиозной культуры (подобно странникам и юродивым) и были связующим звеном между монастырями.

Известные нам описания хлыстовских богослужений первой половины XVIII в., которые проходили в том числе и в упомянутом Рождественском монастыре в Москве, включают элементы, уже знакомые нам по делу о князе Мещерском:

- 1) фрагменты вечернего богослужения;
- 2) чтение псалтыри⁵¹;
- 3) трясение;
- 4) пророчества;
- 5) земные поклоны;
- 6) бичевание;
- 7) раздачу просфор (или частиц освященного хлеба).

Присутствие подобного комплекса религиозных практик (чтение Библии – трясение – пророчества – трапеза) в доме Мещерского наряду с вечерними богослужениями, совершаемыми православным духовенством, заставляет задуматься о том, в чем же состояла специфика собраний христоверов, на каком основании они были вынесены в особую группу «еретиков». Очевидно, что, назвав первые общины христоверов квакерами, власти сделали акцент именно на их религиозной практике, на нетипичных «трясениях», «верчениях», «хождениях вокруг», интерпретируемых как результат действия Святого Духа⁵².

Дело о князе Мещерском дает повод предложить гипотезу происхождения «хлыстовских хороводов». Последователи «Христовой веры» (которая на первом этапе включала только проповедь безбрачия и воздержания, сопоставимую с проповедью староверов безбрачного согласия, и проповедь трезвого образа жизни) сталкивались с такими формами проявления святости/одержимости, как юродивые⁵³ и кликуши⁵⁴. С юродивыми и кликушами можно было столкнуться в монастырях, куда приходили на богомолье будущие христоверы, в церквях (по крайней мере до указа 1731 г., запретившего юродивым появляться в церквях),

в богатых домах, одним из которых мог быть и дом Мещерского, открытый для странников разных согласий.

А.С. Лавров подчеркивает: «То обстоятельство, что среди хлыстовок было много кликуш (или что среди кликуш было много хлыстовок), объясняется довольно просто – и та, и другая религиозная субкультура существовала как бы на полях официальной церковной культуры, широко пересекаясь с субкультурами нищих и странников»⁵⁵. На мой взгляд, эти феномены – «хлыстовство» и кликота – развиваются не параллельно. Мы можем говорить о том, что именно вокруг юродивых (как мужчин, так и женщин) и кликуш (за редким исключением, только женщин) формируется культура христоверов. Центром первых общин становятся вовсе не «хлыстовские» Христос и Богородица, как указывается в миссионерских сочинениях, а юродивый и/или кликуша. Их образ поведения становится образцом для подражания и способом достижения того состояния, когда говорит «Дух Святой». Христоверы принимают исцеленных кликуш как пророчиц⁵⁶, заимствуют некоторые формы поведения юродивого. Методами исцеления могут быть приложение к мощам и чудотворным иконам, постриг, частое причащение в монастырях и даже обряды экзорцизма, подобные тем, что совершал князь Мещерский. Можно предположить, хотя это не единственное возможное объяснение, что тема связи хлыстовства и различных проявлений сексуальности (от «братских поцелуев», упомянутых тем же Павлом Мельниковым, до «свального греха», в котором повсеместно обвиняют христоверов), если они вообще имели место, должна быть интерпретирована не без учета опыта анализа отношения юродивых к сексу – неоднозначного и часто обличительного⁵⁷.

Спонтанные действия кликуш и юродивых («верчение», «трясение», рифмованная речь) становятся образцом поведения для общины, предлагая новые формы ритуала, новые практики. В некотором смысле предположение о зависимости богослужебной практики христоверов от поведения кликуш и юродивых снимает вопрос об инновациях – христоверы не предлагают новой формы богообщения, эта форма уже существовала в христианской церкви как нормативная. Христоверы более позднего времени пытались обосновать подобный взгляд ссылками на пляску Давида перед ковчегом. Этот сюжет в том числе был известен по тексту пасхального канона.

Заканчивая разговор о князе Ефиме Мещерском, нужно сказать, что Тайная канцелярия решила всех участников дела разослать по «знатым монастырям, где есть тюрьмы»: князь Мещерский был сослан в Соловецкий монастырь, Григорий Ефимов – в Кириллов, Данила Васильев – в Вологодский Каменный, Алена Ефимова – в Вологодский Горский, Пелагея Ефимова – в Суздальский Покровский, Марья Босая – во Владимирский Успенский.

В 1730 г. князь Мещерский был освобожден из ссылки по просьбе его жены Авдотьи.

Любопытно наблюдение А.С. Лаврова о том, что именно с делом князя Ефима Мещерского связан петровский указ от 21 февраля 1722 г., запрещающий оглашение икон чудотворными. Указ предписывал в случае, если в частном доме объявится чудотворная икона, провести освидетельствование и передать икону в приходскую церковь или монастырь⁵⁸.

Московская и Санкт-Петербургская следственные комиссии

После публикации Духовного регламента 1721 г.⁵⁹, предписывавшего епископам узнавать, не водится ли в их епархиях суеверий, кликуш, «ложных чудес при кладезях и источниках», не бывает ли, как на Западе, сомнительного почитания мощей («например, святого первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святого Георгия, и в Риме в загородной церкви святого Лаврентия; тако ж много гвоздей креста Господня...»⁶⁰), нет ли «церемоний непотребных», начались расследования религиозной жизни городов, деревень и сел. Для этой цели нередко вербовали преступников, которые освобождались от наказания, но обязаны были исправно доносить о случаях, описанных в Духовном регламенте.

Так, в январе 1733 г. разбойник Семен Караулов сообщил московскому губернатору графу С.А. Салтыкову о том, что в четырех московских домах «чинятся непотребности». Для расследования подобных дел в Москве была учреждена следственная комиссия, созданная на базе Раскольнической конторы, в которую были введены светские и духовные лица для расследования дел особой важности – судья Раскольнической конторы статский советник

Афанасий Савелов⁶¹ и ассессор Иван Телепнёв, архимандрит Донского монастыря Кирилл и игумен Сретенского монастыря Евсей. В ходе следствия была организована также «особливо высокоучрежденная комиссия» в Санкт-Петербурге, в которую вошли члены Синода архиепископ Новгородский и Великолуцкий Феофан (Прокопович), архиепископ Нижегородский и Алатырский Пителир, архиепископ Сарский и Подонский Леонид, а также Андрей Иванович Ушаков, глава Тайной канцелярии, Андрей Иванович Остерман, член Верховного тайного совета, Алексей Михайлович Черкасский, обер-комиссар Петербурга⁶².

В указе от 7 августа 1734 г. происходившее описывалось так: «Явившийся собою разбойник Семен Караулов доношением объявил, что в Москве имеются четыре дома, в которых-де чинятся непотребности и собираются в праздники по ночам разных чинов люди – старцы-старицы и прочие, из них-де некоторые выбираются наставниками и садятся в передних местах, а прочие по лавкам, и, приходя-де, им кланяются в землю и целуют у них руки, и, собирая деньги, отдают, а другие из них пророчествуют, и по тому его, Караулова, показанию означенные разных чинов люди обоюга пола семьдесят восемь человек, в том числе старцы и старицы, сысканы, и о чем надлежало, следовано, и по следствию-де явилось, что у тех людей наставница была Ивановского девичья монастыря, что в Москве, старица Настасья да две старицы и старец, которые-де приходящих к ним людей прельщали *лживыми пророчествами и вместо причастия* Святых Таин подавали резаный кусками хлеб и из стакана давали пить квас, а иногда и воду, и при том ведении для известия Святейшему Правительствующему Синоду в Санкт-Петербурге приобщен и экстракт, в котором показаны многие богомерзкие чинимые оными людьми *противности*»⁶³.

Знакомый с Угличским делом и входивший в состав петербургской комиссии архиепископ Феофан Прокопович соотнес московскую общину с угличской – в указе сказано, что 12 февраля 1733 г. архиепископ рассказал членам комиссии о содержании Угличского дела, которое за неделю до того было пересказано ему судьей Юрьева монастыря Андроником, который был архимандритом Угличского монастыря и непосредственным участником дела 1717 г.

В указе приведены также краткие сведения об учении и практике религиозного движения, официального названия у кото-

рого еще нет. В 1734 г. название «хлысты» еще не вошло в обиход и никакого суждения о характере собраний, кроме того, что речь идет о тайной (а потому опасной) группе, вынесено не было. Складывается впечатление, что уникальность, отделявшая описанные в указе учение и практику от других существующих групп «раскольников» или «суеверов», была создана самой комиссией. Оказалось, что неизвестное ранее религиозное образование охватывает многие регионы страны, среди которых первенствующее место занимает Москва. Новое образование в указе 1734 г. было наделено следующими чертами.

1. Собирались мужеский и женский пол с прилежным укрывательством в одно некое место, садились по лавкам по одну сторону мужеский, а по другую женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель – муж или жена – якобы по чину пастырскому.
2. Потом, взяв благословение у оной предводительной особы, с низким поклонением и целованием руки по две и по три пары, или с большим числом, иные муж с мужем, иные муж с женою, иные жена с женою плясали кругом по избе, как кто мог, высоко подсакивая, и сказывали, что на таковое плясание, или паче шатание, подымал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у Пророка слово Божье: «Вселюся в них и похожду», что глаголал Бог, обещавая верным своим благодатное свое неотступное присутствие, ведущее их на путь спасения, а не так шальному движению.
3. Между тем некие из них палками и цапами [цепями. – К. С.⁶⁴] бивали себя.
4. А по таковом бешеном бегании некие же из них иногда мужеска, а иногда женска пола персоны, будто бы Духом Божиим движимые, нечто и прорицали или паче суесловные и смеходостойные враки и рассказы произносили.
5. Хулили брак законный, установленный и благословенный от самого Бога: вменяя ложе брачное, нескверным от апостола или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех, и того ради приходящим в собрание их приказывали неженатым и впредь не жениться, а кто женат, разводиться с женами.
6. Составили же себе весьма богомерзкою предрозостию и некое проклятое таинство, а именно принимали и ели из рук предводительевых, мужика или женщины, куски хлеба и пили квас, а иногда же и воду, вменяя то, окаянные, за Святое Причастие, с явственным Святых Христовых в Евхаристии Таин ругательством и отвержением.

7. Они же твердили между собою, якобы таковое их собрание и действие есть крещение, бываемое Духом, а христианское наше крещение водою во имя Святой Троицы совершаемое, которое в себе и дух заключает, раздирая едино таинство надвое, нарицали простым водным крещением и ко спасению недовольным, хулительне блядословля, яко никто крещеный преданным от Спасителя нашего крещением, если не воспримет и вымышленного вновь от них безумных мужиков крещения, отнюдь спасения не получит.

8. Во утверждение столь злосоставного своего и душевредного суеверия врали, прельщаемые от себя человеком, будто бы и все древние Святые отцы не иным, только от них употребляемым спасались образом, шаркадную свою новость древним спасения путем, бесстыдне нарицая.

9. А когда в таковые собрания сходились, мало когда в тот же день и с места того расход их бывал, но всегда, почитай, все там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блудного их смешения, наипаче когда и одну из числа их старицу обличено, и сама в упомянутой комиссии винилась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконного совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные сборы созывала, многие кровати во время следования над келию ея под кровлей найдены, и тако они, окаянные, весьма дивным развратом в неискусный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконного смешения не отстая.

10. Таковое же по всему скверное свое учение и действие не утрашились, злочестивые, и призыванием имени Божия клятвенно утверждать, ибо всякого первее к ним приходящего, выставив икону, приводили к присяге, дабы клялся, что он предание их яко весьма благочестивое и благоугодное приемлет, и никогда от того не отступит, тако ж, что он тайного их злодеяния никому отнюдь не откроет, ниже духовному отцу.

11. Исповедоваться у духовных отцов и вне их сословия сущих не возбраняли, только бы никто таин их, как выше упомянули, не изъявлял, тако ж и Святого Церкви Причастия не запрещали, каков обычай был у древних манихеев, но то не для чего делали, только вящего ереси своей укрывательства.

12. Всего же того столь богопротивного их вымысла не иное у начальников и начальниц намерение было, только, как сами винились, хитрый воровских прибылей промысл, которые они от прельщаемых грубых человек и получали⁶⁵.

Подобное понимание учения и практики христоверов сохранялось в миссионерских работах до XX в., хотя по сути оно представляет собой лишь вольную интерпретацию полученных на допросах сведений.

По доносу Караулова в январе 1733 г. было схвачено 78 человек, их расспросные речи представляют собой отдельный корпус документов⁶⁶.

Всего в ходе работы первой раскольнической комиссии было задержано 303 человека, из них 19 монахов, 57 стариц московских монастырей, более 30 купцов и посадских людей и около 20 ремесленников. Среди монахов – старцы Высокопетровского (пять), Донского (два), Симонова (один), Чудова (один) монастырей, старицы Ивановского (21), Никитского (20), Георгиевского (11), Рождественского (четыре), Варсонофьевского (одна) монастырей, белицы (послушницы. – К. С.) Варсонофьевского, Никитского и Рождественского монастырей (четыре). К тому же в Московском уезде было задержано около 60 крестьян, преимущественно монастырских⁶⁷.

К публичной смертной казни было приговорено пять человек: старица Ивановского монастыря Настасья Карпова, иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет Муратин и Тихон Струков, монах Венёвской Богоявленской пустыни Савватий Струков и вкладчица Варсонофьевского монастыря Марфа Павлова, названные «плевелосеятелями» и «развратителями христианского благочестия», «первозаводчиками и наставниками».

Почитаемая сень над могилой Прокопия Лупкина в Ивановском монастыре была разрушена, его тело вместе с телом другого почитаемого «народного святого», Ивана Суслова, погребенного в том же монастыре, указом от 2 ноября 1739 г. было предписано сжечь (со ссылкой на первый пункт первой главы Соборного уложения, предписывавшего сожжение «богохульников»⁶⁸). К 1746 г. это требование, однако, еще не было выполнено⁶⁹.

28 марта 1739 г. по добровольному решению Московской следственной комиссии и одобрению Тайной канцелярии следствие по некоторым нерешенным делам было передано Раскольнической конторе⁷⁰.

Постепенно значение монастырей как основных центров христовщины падает.

В 1745 г., когда благодаря профессиональному сыщику из воров Ваньке Каину была открыта группа христоверов, следствие велось Московской канцелярией Тайных розыскных дел и лично присланным из Петербурга советником Берг-коллегии Василием Казариновым. 7 марта 1745 г. в помощь последнему были назначены ассессор Артиллерийской конторы Алексей Грин[ь]ков и ассессор Сыского приказа Афанасий Сытин, 17 марта – ректор Славяно-греко-латинской академии архимандрит Законоспасского монастыря Порфирий Краинский (с 1748 г. епископ), священник Архангельского собора Антипа Мартинианов, священник Спасской, что в Чигасах, церкви Иван Иванов. Последние два из вышеупомянутых членов комиссии в июне 1745 г. были заменены священником Гребневской церкви Степаном Ананьиным и священником Спасской церкви во Спасском Петром Павловым⁷¹.

В ходе работы второй комиссии (1745–1757) было задержано 452 человека, из которых девять старцев, 44 старицы и 14 белиц, около 40 купцов и более 300 крестьян. Численность христоверов в Москве уменьшилась, основным местом их расселения стало Верхнее Поволжье.

Дело Учминского монастыря 1733 года

Содержащиеся в бывшем архиве Министерства юстиции «расспросы колодников по присланным из Синода пунктам», относящиеся к действию первой следственной комиссии, позволяют восстановить учение христоверов таким, каким видели его синодальные чиновники и миссионеры.

Пункты, присланные из Синода в Московскую следственную комиссию, были такие:

1) автобиографические данные допрашиваемого, сведения о родителях, рассказ о том, где и когда он познакомился с учением и практикой христовщины;

2) «в какую силу» признает он верчение кругом (верит ли, что так проявляется схождение Святого Духа);

3) слышал ли о пророчествах старца Иосафа о непреставлении света;

4) знает ли других согласников, кроме тех, кто уже взят в комиссию о раскольниках;

5) знает ли о подметных письмах и знаком ли с их сочинителями;
6) кем был приведен в христовщину, по книгам или устными наставлениями («словами»), знает ли, почему учение названо христовщиной;

7) знает ли другие сборища в Москве или других городах, может ли сказать, почему учение это продолжается;

8) кто приказал держать учение в тайне;

9) не замышлял ли заговора против императорского дома и отечества;

10) как крестил детей – в церкви или дома, кто их крестил и не по старопечатным ли книгам;

11) как хоронил умерших, с отпеванием или без;

12) как выбирают наставника или наставницу;

13) какие были молитвы на собрании;

14) были ли какие-либо жития новых святых;

15) были ли чудеса в их собраниях, верит ли в учение Иоасафа о втором крещении духом;

16) было ли в собрании причастие или раздавали ли что-то освященное или неосвященное;

17) считает ли православными староверов Павла, Ануфрия, Сергия, Макария, Иосифа, знает ли других раскольников;

18) считает ли верчение вокруг угодным Богу;

19) били ли себя участники собраний цепями, обухами, поленьями или в грудь кулаками;

20) были ли в собрании раскольники, есть ли раскольники среди тех, кто приведен в комиссию.

В том случае, если христоверы были неграмотны и протоколы допросов заполнялись с их слов чиновниками, элементы следственного дискурса проникали в текст допроса легко – путем точной фиксации вопроса следователя с пояснениями в скобках. Особенности «хлыстовской» риторики представлены дословным воспроизведением предложенных синодальных ответов и робкими попытками придать собственным показаниям более нейтральную (стандартизированную) по отношению к соблюдению церковных обрядов форму.

Так, в показаниях крестьянки Марии Емельяновой находим: «В собраниях их верчение кругом признавала она в одних трижды, а угодно ль то Богу, не знает»⁷².

По ответу можно воссоздать и вопрос: «Подтверждает ли Мария, что в собраниях христоверы вертелись кругом трижды, и

считает ли, что эти верчения угодны Богу?» В ответе на другой пункт расспроса находим синодальные добавления (в квадратных скобках): «Из раскольнических исповеданий [кроме того, что она крестилась двуперстно и творила молитву Иисусову по старопечатным книгам] противного Святой Церкви мудрования никакого не имеет»⁷³.

Такие же добавления встречаем и в расспросе Мавры Борисовой: «В том же собрании причастия и преподаваний [опричь того, что принимали хлеб кусочками и захлебывали водой] освященно-го не было»⁷⁴.

Подобная практика конструирования текста допросов ставит под сомнение возможность рассматривать показания христоверов как самосвидетельства, но позволяет выделить значимые элементы как хлыстовского, так и следственного дискурса. Ближе всего к самосвидетельствам будут расспросы, тексты которых записывались арестованными лично.

Среди материалов первой следственной комиссии сохранились расспросы монахов Кассиановой пустыни, что на Учме⁷⁵, среди которых есть в том числе документы монастырского игумена Варлаама Самсонова, который 25 мая 1733 г. направил в Синод донесение о своем знакомстве с арестованными московской комиссией иеромонахами Филаретом Муратиным и Тихоном Струковым⁷⁶. Кроме донесения в деле представлен полный текст допроса игумена Варлаама⁷⁷ и его сына иеродьякона той же пустыни Гавриила⁷⁸. Поскольку Варлаам был грамотен, документы написаны его рукой и им подписаны. В этом смысле тексты Варлаама представляют собой более ценный источник, нежели показания, записанные со слов арестованных и тем самым значительно упрощенные чиновниками.

Вероятно, Варлаам знал о работе комиссии о раскольниках, ничем иным невозможно объяснить его донос, содержащий в себе как самообвинение (признание в посещении общины христоверов в течение двух лет), так и разглашение тайны исповеди. Собственно, такой реакции ждали авторы указа 1734 г. от многих – в тексте указа было сказано, чтобы «оной богопротивной ереси участницы, где оные ни обретаются, и ересиархи их (ежели где суть), также и те, которые хоть и в самых тех богопротивных действиях и не бывали, но иным коим либо образом, то есть щедроподательствы к ним и другими вспомошествованиями, были им участные, и ведавшие, явились с приношением о том вины

своей в Синод в Санкт-Петербурге и в Москве сами собою без всякой боязни»⁷⁹.

В доносе Варлаам пишет, что в 1720-х годах он, еще не будучи пострижен в монахи, был дьячком при церкви села Холтобина Венёвского уезда. Однажды к нему, Варлааму, а до пострижения – Вуколу, пришли монахи из Венёва и стали учить его, как жить по «вере Христовой» и как можно человеку спасение получить. Для этого нужно хранить «чистоту душевную и телесную и любовь к ближним». Монахи Тихон и Филарет повели Вукола на собрание в дом посадского человека города Венёва Герасима Муратина⁸⁰, где «ходят во круг, а иные поют святую [Иисову. – К. С.] молитву», говоря, что и «в прежние времена святые отцы тако ж трудились и спасались». Вукол с сыном посещали собрание около двух лет, а после, как пишет Варлаам, перестали посещать, поскольку им «таковая вера не польстилась того ради, что с писанием божественных книг не сходна и Церкви Святой противна». Однако из текста расспросов мы узнаем, что Вукол вместе с женой и сыном приняли постриг, и в этом нельзя не видеть следы проповеди христоверов.

О венёвской общине известно из дела 1725–1726 гг., на основании которого можно узнать, что в доме венёвского посадского человека Семена Миляева было задержано несколько человек и был найден сосуд с кровью. Дело было закрыто только после расспроса солдата Карманова. Последний сказал, что зарабатывает тем, что пускает кровь от разных болезней, и в тот день пускал кровь Миляеву, который от болезни плохо владел руками. Арестованных отпустили⁸¹. Известно также, что Семена Миляева в Венёве звали «богомолом» – так же, как называет себя в донесении игумен Варлаам («богомалец»). На собрании в доме Миляева присутствовал иеромонах Филарет (венёвский купец Федор Григорьев Муратин), который вместе с монахом Тихоном (Тимофеем Ивановым Струковым) учил будущего игумена Варлаама. После процесса 1733 г. оба монаха были публично обезглавлены на Сытном рынке в Петербурге вместе со старицей московского Ивановского монастыря Настасьей Карповой⁸².

Во второй части донесения Варлаам указывает, что в великий пост 1733 г. к нему на исповедь пришли пятеро монахов его же монастыря (Иоасаф, Иона, Иоиль, Феодосий и Дионисий) и признались, что до пострижения «имели раскольническую прелесть,

которая противна Святой Церкви» и что вместе с ними в согласии состояли монастырские крестьяне Иван Федоров, Михаил Афанасьев, Ларион Арефьев и Естифей Дмитриев, которые были приведены в согласие христоверов крестьянином деревни Харитоновой Еремеем Бурдаевым, т. е. тем самым Бурдаевым, который проходил по Угличскому делу 1717 г. вместе с Никитой Антоновым и Прокопием Лупкиным.

Таким образом, перед нами вырисовывается картина распространения согласия христоверов в период с начала XVIII в. и до 1733 г. Немаловажно, что речь идет об общинах одного круга, территориально связанного с Угличем. Известно, что крестьянин деревни Данильцевой Угличского уезда Никита Антонов Сахарников перенял аскетическую практику христоверов и экстатический ритуал от крестьянина той же деревни Тимофея Трофимова около 1707 г., а учение об антихристе – от батрака Ивана Васильева. Параллельно с Никитой Антоновым с учением христоверов познакомился проживающий с 1713 г. в Москве отставной стрелец Прокопий Лупкин, наставницей которого считают старицу Ивановского монастыря Настасью Карпову. Начиная с 1715 г. Никита Антонов и Прокопий Лупкин вместе проповедуют «веру Христову» среди крестьян Угличского уезда. Одним из обращенных в 1716 г. был крестьянин деревни Харитоновой Еремей Бурдаев, в доме которого с тех пор регулярно проводились встречи согласников. Именно Бурдаев, по донесению игумена Варлаама, привел крестьян (и, вероятно, монахов) Кассиановой пустыни Угличского уезда к «вере Христовой».

Текст допроса игумена Варлаама⁸³ датирован 29 мая 1733 г. В своих показаниях Варлаам подчеркивает, что познакомился с «верой Христовой» до пострижения и рукоположения, был наставлен монахами по церковным книгам и до сих пор считает аскетическое учение христоверов правильным: «В оное суеверие сначала приведен я и учен... по новоисправленным книгам: по Толковому Евангелию, по Благовестнику и по Прологу, которые браны на время... из церкви, а учили меня речами такими: “Аще кто оставит отца своего и мать, жену или чад своих имени ради Божия, сей сторицею приимет и живот [жизнь. – К. С.] вечный наследит” и другими многими речами, ведущими человека ко спасению... и то учение книжное поставляю и ныне я за истину...»⁸⁴.

Признавая учение, призывающее воздерживаться от хмельных напитков и брака, Варлаам осуждает сопровождающую его риту-

альную практику – «хождение вокруг» и самобичевание, считая их «противными Церкви»: «Во означенные противные собрания, в которых, ходя вокруг, бивали [исправлено на “и бивал себя”. – К. С.] в груди кулаками впредь ходить я, Варлаам, не буду, и те противные собрания, и содержащих их я, Варлаам, проклинаю, а в грехопадения, будучи в противных собраниях, я ни с кем не впавывал, а то их собрание христовщиной почему именуется, того я не знаю, и от оных учителей своих о том подлинно не слыхивал»⁸⁵.

Здесь, несмотря на свободный стиль изложения, сквозь ответ видится вопрос – о «свальном грехе» на собраниях и о сущности «христовщины». Случай исправления неопределенного «бивали» (формы третьего лица множественного числа) на личное «бивал себя» (форма первого лица единственного числа) не единственный. В тексте допроса встречается более десяти подобных исправлений, самое распространенное из которых – несложное технически исправление формы «их» на «наших». В этом случае к авторскому «их» добавляют, уменьшая расстояние между буквами, три дополнительных знака: [наш]их. Другие, менее изящные, исправления таковы: «об оном их [испр. “наших”] злодеянии» (Л. 7), «они [испр. “мы”] в собраниях своих кругом ходили» (Л. 7). Наиболее существенным добавлением можно считать приписку к пункту о неразглашении тайны вероучения: «До поставления во игумена отцам своим духовным об оных противных собраниях я не объявлял за простотою своею, а при поставлении во игумена отцу своему духовному иеромонаху Питириму при исповеди о бытии своем с прочими на оных собраниях и о хождении в тех собраниях вокруг и что я прикладывался к образу, дабы о тех собраниях не объявлять, сказал, и той де отец мой духовный впредь того чинить мне под проклятием запретил, что я и исполнять обещался и исполняю [добавлено: “а до поставления во игумена, об оных противностях не покаываясь, я, Варлаам, священнодействовал”]»⁸⁶.

На основании этой приписки Варлаама лишили сана, несмотря на его уверения в том, что причастность к христоверам осталась в прошлом, а принадлежности к «раскольникам» (староверам) и вовсе не было. На протяжении всего допроса Варлаам акцентирует свою верность новому обряду: Варлааму читали новоисправленные книги, на собраниях крестились они с сыном тремя перстами и никто их не заставлял креститься двоеперстием и т. д.

Происходящее на радении Варлаам описывал так: «А в том собрании, также и в прочих собраниях, действо было такое: молились

Богу в землю [клали земные поклоны. – *К. С.*] по часу с молитвой Иисусовой краткой против старопечатных книг... и по молитве сядились по лавкам, пели на гласах означенную ж Иисусову молитву с четверть часа, потом, встав с лавки, все, в том числе и я, Варлаам, и сын мой, и ходили по избе вокруг по часу и более, и били себя кулаками в груди, и то чинили мы для утруждения плоти своей, и пели оную молитву Иисусову и после хождения вокруг молились Богу в землю и в пояс, и, сядься по лавкам, пели..., и по окончании оных действий расходились все в дома свои, а в тех-де собраниях хлеба кусочками, также и квасу, вместо причастия и ни для чего было нам не роздавано»⁸⁷.

Заключительной фразой фрагмента Варлаам отвечает на вопрос следствия о «хлыстовском причастии».

Мы видим из текста допроса, что игумен Варлаам, подчеркивая свое давнее знакомство с христоверами, говорит о том, что после принятия сана он совсем не вспоминал о них, регулярно участвуя только в церковных обрядах, и хотя он признает аскетическое учение христоверов истинным и не противоречащим церковному, экстатический обряд он считает противным Церкви и проклинает. Ни эти аргументы, ни ранний самодонос не избавили Варлаама от лишения сана, битья плетью, урезания языка и ссылки на тяжелые работы в Сибирь.

Неграмотные крестьяне, арестованные в ходе комиссий 1733–1739 гг. и особенно в ходе второй следственной комиссии 1745–1757 гг., были еще более беззащитны перед следствием, наперед знавшим, в чем состоит учение и практика новой религиозной группы.

Глава 2

ВЕРА ХРИСТОВА

Исследование религиозной культуры неизбежно предполагает обращение к двум важным ее составляющим – учению и религиозным практикам. Миссионеры и чиновники XIX в. в своих работах, посвященных хлыстовству, основное внимание уделяли вопросам вероучения (представлению о «воплощении» в народе Христа и Богородицы¹), а религиозную практику рассматривали уже под влиянием этого учения. Чиновники следственных комиссий XVIII в., как об этом свидетельствует, например, императорский указ от 7 августа 1734 г., большее внимание уделяли именно проявлениям религиозности, религиозной практике христоверов.

По тексту указа² мы можем проследить те допущения, которые позволили им составить портрет исследуемой (или разыскиваемой) религиозной группы. Следователи считали, что:

1) они имеют дело с последователями нового религиозного образования, которых иногда называли «квакерами», а чаще просто «раскольниками», «сектантами» или «еретиками»;

2) члены этой группы сохраняют внешнее участие в таинствах Церкви для конспирации, «только [для] вящего ереси своей укряательства»;

3) главы нового религиозного образования («наставники») играют роль священников и пользуются сравнимым с ними почтением – им кланялись «в землю» и целовали руки;

4) церковные таинства копируются членами нового религиозного образования с изменениями – причастие подавали наставники (в том числе и женщины) в виде кусков хлеба с квасом или водой, крещение «водою во имя Святой Троицы... нарицали простым водным и ко спасению недовольным», дополняя его крещением Духом, брак церковный отвергают и заменяют прелюбодением;

5) члены группы подтверждают «злосоставное свое и душевредное суетверие» ссылками на святоотеческие тексты.

При этом в указе мы видим довольно точное описание религиозных обрядов (поклонов, раздачи хлеба и кваса, хождений «кругом по избе», пророчеств) с навязанной этим действиям интерпретацией. Основной элемент учения – запрет на сексуальные отношения – видоизменяется («приходящим в собрание их приказывали неженатым и впредь не жениться, а кто женат, развиться с женами») и дополняется новыми построениями.

В XIX в. в качестве источника вероучения христоверов ученые и миссионеры рассматривали духовные стихи.

Наша задача – постараться понять, в чем состояло учение христовщины, опираясь на единственные дошедшие до нас «самосвидетельства», сохранившиеся в следственных документах.

Аскетическое учение

Как и многие другие религиозные течения конца XVII – начала XVIII в., христовщина предлагала свой путь спасения. Именно он и получил название веры Христовой. В материалах допросов сохранился рассказ двух братьев Алексея Платонова старшего (32 лет) и Алексея Платонова младшего о том, как произошло их знакомство с учением христовщины. Оба они ходили «по обещанию» молиться в Киево-Печерский монастырь, а вернувшись в Москву, «стали искать таких людей, которые бы их научили, как им души спасти»³. О христовщине рассказал им нищий старик Михаил, который приходил к ним просить милостыню и которого они спустя какое-то время, уже вернувшись из Киева, встретили в харчевне: «Они ему сказали, что ходили в Киев Богу молиться и чтоб им души спасти, и оный старик Михаило говорил им, что-де можно души спасти и в Москве, к тому ж ходили б они в церковь Божию и слушали святого Евангелия, а всякое б слово делом исполняли, и что есть в Москве учитель [Прокопий Лупкин. – К. С.], который живет на Вшивой горке»⁴.

Другой пример того, как воспринимали христовщину современники, мы видим в показаниях монаха Иоасафа Семенова. Он рассказывает, что искал учение, которое привело бы его к спасению, и перед тем, как узнал о христовщине, собирался в Керженские леса к староверам, которые, как он слышал, «в Керженских лесах живут и для спасения своего трудятся»⁵. Христовщина оказалась ему достойной альтернативой керженцам.

Воссоздавая учение христоверов, можно выделить следующие составные части этого пути:

– сохранение старой молитвенной практики (двоперстия и дораскольного варианта Иисусовой молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»);

– проповедь аскезы (молитв по ночам, отказа от спиртных напитков, запрета на сексуальные отношения);

– призыв к соблюдению заповедей Господних (не красть, не лгать, не лжесвидетельствовать, не предубодействовать);

– противопоставление христоверов традиционной культуре (отказ от матерной брани, позднее дополненный требованием не посещать крестины и свадьбы, народные гулянья и т. д.);

– интерпретация экстатического опыта (в том числе пророчеств) в категориях действия Святого Духа.

Аскетические требования христоверов передавались на собраниях в виде кратких формул, сходных по содержанию, но несколько отличных по форме. Формулы закреплялись откровениями пророков и толкованиями наставников. В расспросных речах встречаем следующие варианты проповеди (выделены курсивом):

1. «[Марья Емельянова] наставлена речьми, а не по книгам, чтобы *молиться в тайне по ночам в два перста и хмельного не пить, и хранить чистоту*»⁶.

2. «[Игумен Варлаам] приложился к образу Божьей Матери в том, чтобы *«хранить чистоту души и тела и хмельного не пить, и с женой своей не совокупляться, и про собрание их и веру, которую называли Христовой, не сказывать»*⁷.

3. «Оный Лупкин учил его, Никиту, чтоб он крест на себе избража [перстам] *двуперстное сложение* и молитву творя “Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”, *вина и пива не пил, на свадьбы бы не ходил и не женился, и блудного греха не творил, и имел бы чистоту телесную*»⁸; «только он, Лупкин, запрещал ему, что никому про оное учение никому не сказывал»⁹.

4. «[Мавру Борисову] Настасья учила словами, чтоб она *молилась Богу, пива и вина не пила и жила постоянно*»¹⁰.

Речевой оборот «жить постоянно», если краткая запись не обусловлена небрежностью чиновников, отсылает к более пространной формуле «жить постоянно в трудах и молитвах», сохранившейся в показаниях иеромонаха Филарета: «Настасья [Карпова] стала уговаривать его перейти в их согласие, понеже вера и учение угодно Богу и при том сказывала, что в вере и учении их

содержится то, чтоб *холостым не жениться, а женатым с женами не жить, и матерно не браниться, и жить постоянно в трудах и молитвах, и содержать посты*»¹¹.

Христоверы считали, что, если соблюдать все эти правила, можно получить спасение и избавиться от вечных мук.

В наиболее ранних духовных стихах христоверов (ок. 1720-х годов) встречаются те же требования:

[Прогласил надежды наш Святый Дух:]
Вы *не пейте же пойла пьянова,*
Ни вина, други, ни зеленого,
Не ставите ж меды сладкие,
Не творите, други, греха тяжкова,
Не бранитесь словом скверным,
Не гневайтесь всякою злобою,
*Не водитесь сестры с братиями*¹².

Немаловажным становится и требование соблюдать учение в тайне.

Интересный пример того, каким образом распространялась христовщина в Москве в 1720-е годы, находим в экстракте, содержащем показания старца Иоасафа Семёнова: «В Санкт-Петербурге оной Иоасаф показал, что показанному злодеянию научен он от помянутого [Алексея] Трофимова в давних годах, а в котором именно, того не упомнит, таким случаем: как он, Иоасаф, жил в Симоновом монастыре, и в воскресный-де день оный Трофимов, которого-де до того времени он не знал, в том монастыре после обедни на паперти смотрел на стенах написанные притчи, а он, Иоасаф, в то время запирали церковные двери, понеже был он в том монастыре пономарем. И оной-де Трофимов спрашивал его, Иоасафа, давно ли он пострижен. И он-де, Иоасаф, сказал, что пострижен недавно.

И оной Трофимов просил, чтоб он, Иоасаф, напоил его квасом; и он-де, Иоасаф, позвал его к себе в келью. И пришел в келью, оной Трофимов, не спрося у него, Иоасафа, квасу, спросил, пьет ли он, Иоасаф, вино. И он же сказал, что не пьет. И Трофимов-де за то его похвалил и говорил с просьбой, пожалуй-де, и впредь вина не пей. И потом-де оному Трофимову говорил он, Иоасаф, хочет ли с ним обедать. И Трофимов-де от того не отрекся; и за обедом оной Трофимов говорил ему, чтоб он, Иоасаф, пожил смиренно в трудах,

и не пьянствовал, и не бранился б матерно, и жил бы так, как в прежние времена апостолы и святые отцы жили, и были все в трудах, и хранили девство и чистоту.

И он-де, Иоасаф, спросил того Трофимова, умеет ли он грамоте. И Трофимов сказал, хотя я и грамоте не умею, только-де слово Божье слышу в церквах. И он-де, Иоасаф, того Трофимова за оное наставление благодарил»¹³.

Алексей Трофимов был братом монахини Ивановского монастыря Марьи Трофимовой, упоминался в материалах Угличского дела, умер к началу деятельности первой следственной комиссии и был похоронен в Варсонофьевском монастыре в Москве. Во многих показаниях Алексея Трофимова называют едва ли не первым учителем христовщины, хотя здесь может сыграть роль практика оговаривать уже умерших согласников, чтобы защитить самих себя от обвинений в лидерстве разыскиваемой группы сектантов.

В вышеприведенном тексте мы видим несколько акцентов – Алексей Трофимов учит не пить спиртного, не сквернословить, трудиться и «жить в чистоте». Свою проповедь он подкрепляет отсылкой к Священным Писанию и Преданию, предлагая жить, «как в прежние времена апостолы и святые отцы жили». Проповедь Алексея Трофимова обращена к монаху, для которого тема брака неактуальна.

Запрет на брак и сексуальные отношения

Мы можем допустить, что, требуя «не жениться», христоверы только в одном аспекте могут быть сопоставлены со староверами-безбрачниками беспоповских согласий, к которым возводят их современные исследователи христовщины. Речь идет об эсхатологических тенденциях конца XVII–XVIII в. – если наступили последние времена, то о продолжении рода думать нелепо, логичнее направить усилия на аскетические подвиги (что и было сделано в дочерней по отношению к христоверам культуре скопчества).

Христоверы, вероятно, делали больший акцент не на запрете брака, а на запрете сексуальных отношений как таковых, называемых блудным грехом или просто грехом. В таком случае перед нами требование, которое должно быть понято не в контексте социальных отношений (отрицается не семья, а сексуальные отношения между супругами), а именно в контексте аскетики

(ср. с пафосом «Слова об исходе души» Кирилла Александрийского, использовавшегося в проповеди христоверов).

В восьмом «воскресительном» распевце сборника Василия Степанова, первого известного нам молитвенника христоверов, мы видим вновь удвоенное повторение этого запрета:

*Не водитесь сестры с братьями,
Вы не пейте пойла пьяного,
Ни вина, други, ни зеленого,
Не становите меда сладкого,
Не бранитесь словом скверным,
Вы не ешьте яства скромные,
Не творите греха тяжкого¹⁴.*

Создается впечатление, что уникальной чертой христовщины как учения становится именно четко проговоренная позиция по вопросу сексуальных отношений и трезвости. Ни двоеперстие, ни Иисусова молитва, ни чтение и толкование книг, ни почитание чудотворных икон и юродивых не являются уникальными чертами христовщины – всем этим практикам можно найти аналоги. Аналогов же акцентированного запрета на брак и сексуальные отношения только два – староверы-безбрачники (не отрицающие брак, но лишенные возможности его легализовать) и монашествующие. При полной лояльности христоверов к Церкви и небольшом временном разрыве в появлении двух традиций говорить о заимствованиях у староверов сложно. Более вероятно, что мы видим попытку вынести монашеские требования за стены монастыря, научить мирян монастырской аскетике – ночным бдениям, безбрачию, строгим постам, отрицанию (или, по крайней мере, переосмыслению) народной культуры, своеобразному «монашеству в миру». Нужно помнить, правда, что многие монастыри были консервативны и в некоторых проявлениях религиозности тяготели к старому обряду.

Игумен Варлаам Самсонов после встречи с монахами Тихоном и Филаретом уходит в монастырь вместе с сыном и отправляет в монастырь жену и дочерей. Он и после своего пострижения считает учение христовщины истинным, отрицая только экстатический обряд («хождение вокруг» и самобичевание).

Пожалуй, мы могли бы даже считать учение христовщины проповедью трезвого и воздержанного образа жизни среди монахов и монахинь, если бы не было примеров активной проповеди

этого учения за пределами монастырских стен (не только монахами, но и мирянами). Похоже, что речь шла о формировании особого круга людей, приближенных к монастырю, тех, для которых монастырь становился центром религиозной жизни (где находились мощи и чтимые иконы, где принимали юродивых (святых), где можно было получить наставление), но которые при этом не теряли своей «подвижности», возможности переходить от одного монастыря к другому, от одной святыни к другой. После закрытия ряда монастырей в период секуляризации к этой группе присоединяются и монашествующие, лишившиеся монастырей, но получившие «подвижность». На мой взгляд, огромная популярность христовщины была обусловлена именно широкими границами учения (для первой четверти XVIII в. нельзя еще точно сказать, кто христовер, а кто нет, еще нет членства в общинах, есть только рекомендации жить по «вере Христовой», аскетические требования). Собственно, уникальность движения во многом была создана следственными комиссиями, объяснившими самим «актерам», участникам событий, в чем состоит их вера и их обряд.

Запрет «хмельных напитков» и «матерной брани»

Требования строгой аскезы сближают христовщину первой половины XVIII в. как с монастырскими практиками, так и с позднейшей традицией трезвеннических общин¹⁵.

Христовщина запрещала пить, ругаться «словами», драться, посещать крестины и свадьбы. Подобные предписания не только закрепляли нормы аскетики, но и проводили четкую грань между монастырской культурой, с которой христовщина была связана, и народными праздниками. Запреты на спиртное и ругань подкреплялись ссылками на Священное Писание (в частности – на послание апостола Иакова) и на Священное Предание (в частности – на труды Кирилла Александрийского) и считались необходимым условием для спасения наравне с запретом на блуд.

А.А. Панченко считает, что аскетическая практика христовщины была направлена против основополагающих аспектов крестьянской ритуальной традиции, главным образом против праздничной культуры, подразумевающей «ритуальное пьянство и сквернословие»¹⁶. Исследователь подчеркивает значимость именованного

собраний христоверов «беседами святых отец» в противовес «крестяньским святочным посиделкам» – «беседам».

Не только предписание не посещать свадьбы, крестины и беседы с народными песнями и играми подчеркивает противопоставление двух культур, народной и монастырской, но и отчетливый запрет на «матерную брань», первоначальная функция которой, по мнению Б.А. Успенского, может быть сопоставима со святочными обычаями и заклинаниями¹⁷.

Декларируя отрицание одних форм народной культуры, христоверы подчеркивали другие. Важной становится традиция петь духовные стихи на собраниях – церковные молитвы нередко совмещались с народными мелодиями. Некоторые из пророчеств христоверов по функциям могут быть сопоставлены с традиционными гаданиями и предсказаниями знахарей. А.А. Панченко указывает, что хлыстовские и скопческие радения в кризисных ситуациях использовались для получения «мирской» информации: об урожае, успехе лова рыбы, личной судьбе того или иного человека и т. д.¹⁸ Старицы Ивановского монастыря пророчествовали, в частности, о том, что «будут пожары и не будет дождя и от того не даст Бог плода»¹⁹.

Крещение духом

Несколько вопросов, которые чиновники задавали христоверам, касались представления о сошествии Святого Духа. Именно так некоторые последователи христовщины осмыслили практику «хождения вокруг», и именно это позволило чиновникам отождествить христовщину с учением квакеров.

Вот как описывает монах Учемского монастыря Иоасаф свое понимание экстатической практики: «Василий [Степанов] да Алексей [Григорьев], ходя по избе, вертелись вокруг с полминуты, а ничего не говорили, токмо вертяться, ухали. А в какую силу вокруг ходили и ухали, того им не сказали, токмо он, Иоасаф, то хождение вокруг, по словам Ивана Соколова, признавал с простоты своей от нашествия на них духа святого»²⁰.

Связь экстатической практики с представлением о святости (освященности Духом), вероятно, не казалась христоверам чем-то невероятным благодаря опыту юродивых, наглядно демонстрировавших именно этот феномен.

Лаврентий Ипполитов рассказывал, что к сошествию Святого Духа нужно подготовиться постом и молитвой: «Перед тем-де собранием всяк про себя прежде в домах своих постятся и молятся, чтоб было на них сошествие Святого Духа. А ежели-де кто не постится и не молится, то на того человека и Святого Духа не снидет»²¹.

Чиновники интересовались также, что за учение проповедует монах московского Чудова монастыря Иоасаф (в миру Иван Семенов). В их реконструкции оно выглядело примерно так: «Старец Иоасаф, будучи в собраниях, [говорил], что будто в прежние времена святые апостолы и святые отцы такую верою и деланием спасение получили, и кто против того исправит, и на тех-де сходит с небеси Дух Святыи, и тогда-де уже крещение примут второе духом, а первое крещение было водою, и кто тем крещением не крестится, тот-де в царство небесное не внидет»²².

Сам Иоасаф уверял, что он не был автором этого учения и что «во время трясения и кругом верчения нареkania якобы оно от них чинится силою Божиею и сошествием Духа Святого произносил он по научению [Алексея] Трофимова, також и расстриги Агафьи [Настасьи Карповой. – К. С.] и Прокофья Лупкина»²³.

Об учении о «втором крещении духом» он и вовсе не говорит в расспросе. Происхождение этого учения неясно и очень напоминает учение о втором крещении у некоторых христиан-протестантов. Образ второго крещения встречается и в расспросах игумена Варлаама Самсонова, но отождествляется не с «дарами Святого Духа», а исключительно с покаянием.

Двоеперстие, хождение посолонь, молитва Исусова

То значение, которое христоверы придают Исусовой молитве, побудило Ю. Клэя говорить о влиянии исихазма на формирование учения христоверов, что, на мой взгляд, маловероятно. Скорее, речь шла о распространенной практике чтения «начальных» молитв, с которых начиналось какое-либо действие – начало работы, вход в церковь и т. д. В число начальных молитв, даже кратких, входит и молитва Исусова.

Хотя в записях допросов христоверов можно встретить лишь краткие и достаточно противоречивые указания на апокалиптические настроения (о «светопреставлении», о «непреставлении

света»²⁴ и об антихристе), это позволяет современным исследователям христовщины вписывать ее в старообрядческий контекст. Кроме того, мы действительно видим в обиходе ранних христовцев несколько дораскольных практик – двоеперстие, употребление старого варианта Исусовой молитвы, сохранение крестных ходов по́солонь (по солнцу, по часовой стрелке. – К. С.). Но бытование этих практик можно объяснять не столько ярко выраженной богословской позицией, сколько размытой религиозной идентичностью и даже попросту бытовым консерватизмом. К примеру, в своей работе А.С. Лавров упоминает, что большая часть приходского духовенства в Калуге, а также настоятели Лаврентьева и Казанского монастырей до 1720–1721 гг. открыто придерживались старого обряда – служили по старопечатным книгам, ходили по́солонь, младенцев крестили в домах, а не в церквях²⁵. И за этим, по его мнению, вовсе не стоит симпатия к староверам как к религиозной группе.

А.С. Лавров приводит также достаточное количество примеров того, как староверы детей крестили «в церкви православным иереем по чину церковному» и мертвых погребали «при церквях по чину церковному». Именно поэтому мы не будем рассматривать ни двоеперстное крестное знамение, ни дораскольный вариант Исусовой молитвы христовцев в качестве результата строгого следования старому обряду. Например, тот факт, что Марья Емельянова «крестилась двуперстно и творила молитву Исусову по старопечатным книгам»²⁶, мог и не свидетельствовать о ее староверческом мировоззрении. Хотя само название «христовщина», вероятно, было образовано по аналогии именно с другими согласиями староверов.

При этом, конечно, нельзя отрицать контактов идейных староверов и христовцев. Можно выделить ряд черт, сблизивших если не учение о спасении, то хотя бы практики христовцев и староверов (особенно староверов-беспоповцев), одной из которых было чтение текстов Евангелия с толкованиями, апостольских посланий, житийной литературы.

На мой взгляд, можно даже говорить о существовании не только «текстуального сообщества», предшествовавшего появлению религиозных групп молокан, субботников и духоборов²⁷, но и о «текстуальном сообществе», из которого возникают христовцы, сформировавшиеся в религиозную группу уже после репрессий 1730-х годов.

Круг чтения христоверов

В деле о князе Мещерском 1721 г. подьячий Григорий назван человеком «богомудренным» – вероятно, не только за знание текстов, но и в силу личной «харизмы». Сам он, впрочем, отрицает это, сказав, «что он человек не богомудренной и о раскольнической вере истязаться не может, и расколу от книг и на словах он не учил»²⁸, но в самой фразе мы видим связь между «богомудренностью» и знанием текстов, возможностью вести диспуты о вопросах веры, учить вере или толковать тексты²⁹.

В текстах расспросов христоверов встречаются указания на разный характер проповеди учения христовщины – некоторые были наставлены изустно, без книг, другие – по книгам.

Описывая свой путь к вере Христовой, игумен Варлаам Самсонов ссылается на «книжное» учение – монахи Филарет и Тихон учили его, пользуясь Евангелием, Апостолом, Псалтырью, Толковым Евангелием Феофилакта Болгарского («Благовестником») и житиями святых из Пролога. Все эти книги хранились в церкви села Холтобина Венёвского уезда, где служили будущий игумен Варлаам и его отец.

Варлаам приводит фрагменты из Евангелия от Матфея, Евангелия от Иоанна, послания апостола Иакова, а также из «Слова об исходе души и о втором пришествии» Кирилла Александрийского³⁰, которое дополняло Псалтырь и начиналось словами «Боюсь смерти».

Текст Кирилла Александрийского особенно интересен, поскольку позволяет соотнести реальность с эсхатологической перспективой. В тексте подробно говорится о тех испытаниях (мытарствах), которые ждут душу после смерти: «Первое мытарство – духов оглаголения и чревного неистовства. На нем духи представляют грехи, в которых душа согрешила словом, каковы: ложь, клевета, заклятия, клятвопреступления, празднословие, злословие, пустословие, кощунства, ругательства. К ним присоединяются и грехи чревобесия: блудодеяние, пьянство, безмерный смех, нечистые и непристойные целования, блудные песни. Вопреки им святые ангелы, которые некогда наставляли и руководили душу в добре, обнаруживают то, что она говорила доброго устами и языком: указывают на молитвы, благодарения, пение псалмов и духовных песней, чтение Писаний, словом – выставляют все то, что мы устами и языком принесли в благоугождение Богу».

Второе мытарство отражает грехи, связанные со зрением, третье – со слухом, четвертое – с обонянием, пятое – с осязанием рук, а о прочих мытарствах автор только упоминает вскользь. Среди них «мытарство злобы, зависти и ревности, тщеславия и гордости, раздражительности и гнева, острожелчия и ярости, блуда и прелюбодеяния и рукоблудия; также убийства и чародеяния и прочих деяний богомерзких и скверных».

Достичь лучшей посмертной участи, по мысли Кирилла Александрийского, можно только путем смирения, покаяния, поста и молитвы: «Блажен, кто в здешней жизни уничижает и смиряет себя ради Бога; он возвеличен будет Всевышним Богом, прославлен Ангелами и не станет на суде ошуюю! Блажен человек, который пребывает в молитвах, терпелив в постах, с радостью предстоит на бдениях, борется и прогоняет сон, преклоняет колена на Божие славословие, ударяет в перси, возносит руки горе, возводит очи на небо к Господу, размышляет о сидящем на престоле славы, о Испытующем сердца и утробы. Ибо такой насладится вечными благами и соделается другом, братом, сыном и наследником Божиим; лице его воссияет как солнце, в день судный, в Царствии Небесном».

Предлагаемый Кириллом Александрийским путь спасения христоверами был воспринят как руководство к действию – они решительно запрещают «клятвопреступления», «ругательства», «блуд» и «пьянство», упомянутые среди мытарств, и призывают к покаянию, молитвенным бдениям и постам.

Небезынтересно, что, комментируя самобичевания ранних христоверов, игумен Варлаам также ссылается на указанное «Слово об исходе души и о втором пришествии», предлагая понимать слова «ударяя в перси (в грудь)» буквально (аллегорическое толкование этого фрагмента должно было бы отсылать к образу покаявшегося разбойника и призывать к покаянию – ср. с покаянной молитвой Ефрема Сирина).

Говоря о пути разных христианских подвижников, игумен Варлаам Самсонов вспоминает жития Алексия, человека Божьего (V в.), и царевича Иоасафа, избравших путь странников, а также примеры святых, сохранивших девство в браке: Евхариста пастуха, Андроника и жены его Афанасии (V в.), Захарии Усмаря. Упоминает он и покаянное слово Евагрия Монаха.

Фрагмент послания апостола Иакова, который по памяти цитирует игумен Варлаам, напоминает об опасности сквернословия. «[Языком] благословляем Бога и Отца и им проклيناем челове-

ков, сотворенных по подобию Божию, – пишет апостол. – Из тех же уст исходит благословение и проклятие – не должно сему так быть» (Иаков 3:9–10).

Приводимые игуменом фрагменты из Павловых посланий таковы:

- Гал 5:16 «Духом ходите, похоти плотския не творите»;
- Гал 6:8 «Ходяи по плоти в смерть ходяи, по духу в живот ходяи, по плоти плотская мудрствует, а ходяи по духу, духовная»;
- 2 Тим 3:12 «Хотящии по Христе Иисусе благочестно жити, гоними будут».

Евангельские фрагменты, цитируемые игуменом почти дословно, посвящены покаянию, делам милосердия (милостыне), посту и молитве, а также страданиям вслед за Христом. Толкования на них игумен приписывает автору «Благовестника» Феофилакту Болгарскому, однако перед нами в некотором смысле псевдоэпиграф – в некоторых случаях указанные толкования значительно глубже и подробнее приводимых Феофилактом.

Приведем целиком указанные евангельские фрагменты (выделены курсивом) с толкованиями, как они представлены в распросе игумена Варлаама (полужирным шрифтом выделены добавления в библейский текст).

Из Евангелия от Матфея:

1. Мф 3:1–2 «Во дни оны прииде Иоанн Креститель, проповедуя в пустыни иудеистей и глаголя, покаитесь, приближбося царствие небесное и прочая; на то имеется толкование в Благовестнике, тако: покаяние человеку всех грехов отстати и творити добрая дела; и царствие небесное внутри человека сокровенно: волею человек в царствие небесное входит, волею и в муку».

2. Мф 6:2–13 «Егда же твориши милостыню, не воструби пред собою, якоже лицемеры в сонмищах и стогнах, яко да прославятся от человек: да будет милостыня твоя в тайне, и отец небесный, видя в тайне, подаст тебе яве, и егда молишися, не буди, якоже лицемеры, егда же молишися, вниди в клеть свою и затвори дверь твою, помолися отцу в тайне и отец твой, видяй тя в тайне, воздаст тебе яве, молящежеса не много глаголи, но токмо Отче наш иже еси на небесех и прочая».

3. Мф 6:16–17 «Аще поститесь, не буди, якоже лицемери сетующе, помрачат бо лица своя да явятся человеком постящися, ты же постяся помажи, главу твою и лице твое умыи, на то в толковании: главу помазати – Христа ради милостыню подавать по силе, главу же умывать слезами – тем есть очищаются греси, на то и в блаженных глаголется тако: блаженны плачущии яко тии утешатся; блаженны милостивыи, яко мии помилованы будут и прочая; и идеже сокровище ваше, ту и сердце будет».

4. Мф 7:13–14 «Внидите узкими вратами, пространная же врата и широк путь вводяи в пагубу и многие суть входящие им, узкая же врата и тесен путь вводяи в живот **вечныи** и мало их есть иже обретают его».

5. Мф 7:19 «Всяко убо древо, не творящее плода добра, отсекается и во огонь вметається».

6. Мф 7:24 «Всяк аще слышит слово Божие и творит его, уподобляется он мужу мудру, иже созда хранину свою на камени и прочая».

7. Мф 10:16 «Се аз посылаю вас яко овцы посреде волков, будите убо мудры яко змия и цели яко голубие³¹ и прочая; на то в толковании глаголется тако: мудру подобает быти и хранити преданные заповеди господни и творити добрая дела, тем прославляется отец, иже есть на небесех, и прочая; а целу быти – то есть просто и не лукаву; аще человек найдет змию ползущу и хочет ее убити, она же главу свою хранит, а все тело отдает на биение и проходит сквозь тесную скважину, совлачается ветхия кожи и бывает вместо ветхой новая, тако человеку подобает ветхого человека, то есть всякого греха, совлачаться, обновлятися же в нового, то есть восходить на добрая дела чрез покаяние и очищати себе от всякия скверны и нечистоты яже суть негодна Богу».

8. Мф 10:32 «И всяк иже исповест мя пред человеки, исповем и аз его пред отцем моим, иже на небесех, и прочая; то есть проповедати слово Божие всякому человеку и прочая».

9. Мф 10:37–39 «Аще кто любит отца или мать, жену или чад своих паче Бога, таковый несть Богу достоин и иже не примет креста своего и в след Божий грядет, несть Богу достоин, обретьи душу свою,

погубит ю, а иже погубит душу свою имене ради Божия и **Евангелия**, в **животе вечном** обрящету».

10. Мф 16: 24–25 «Аще кто хочет по мне итети да отвержется себе и возмет крест свои, иже бо хошет душу свою спасти, погубит ю, и иже погубит душу свою мене ради и евангелия, той спасет ю; на то в толковании: аще кто питает себя всякими сластьми и ум свои телесными порабощает страстьми, а помышляет так, что он души своей и телу чинит пользу, той во истину погубляет ю, а иже погубляет душу свою, сиречь постом, молитвами и прочими добрыми делы питает ю и вождествует яко рабою и свободною, поминая оное слово, аще зерно пшенично пад на землю не умрет, то едино пребудет, аще же умрет, мног плод сотворит, тако и человек аще умертвит вся своя плотския страсти и вожделения, яже суть неугодна Богу, той наследит царствие небесное».

Из Евангелия от Иоанна:

1. Ин 1:1–5 «В начале бе слово и слово бе к Богу и Бог бе слово, се бе искони к Богу, вся тем бысть и без него ничтоже бысть, еже бысть, в том живот бе и живот бе свет человеком и свет во тме светится и тма его не объят, и прочая; на то толковали: в начале-де ко Господу Богу надобно послать молитву, по молитве подает Бог всякому человеку страх в сердце и сам-де у верующего в сердце пребывает в Троице, сие есть Отец, Сын и Святыи Дух, невидимо и непостижимо, по словеси апостола Павла, вы есте церква бога жива, вселься в вас и похожду и буду вам Бог, а вы мне будете людие, аз вам отец, а вы мне сынове и дщери, сие рече Господь Вседержитель».

2. Ин 3:3–6 «Аще кто не родится свыше, не может внити в царствие Божие, и глагола Никодим, како может человек родитися, стар сын, отвеща Иисус и рече, аминь, аминь, глаголю тебе, аще кто не родитися водою и духом, не может внити в царствие Божие, рожденное от плоти плоть есть, и рожденное от духа дух есть, и то толковали тако: рождение духовное, егда при святом крещении чрез священника, потом восприемников отрицалися сатаны и всех дел и служения его и сочетавалися Христу, яко царю и Богу, и обещалися сохранить оное крещение чисто и свято до скончания жизни своя, а естество человеческое немощно и пробыть без того, чтоб не погрешить, невозможно, и того-де ради дал нам Господь второе крещение покаяние и аще-де

кто сохранит девство чисто от святого крещения, то именуется злато, аще же кто и оженится и дети имеет, а опоследи покается и сохранит чистоту душевную и телесную, может и тот прийти в меру девственников, только-де оное вменяется сребро; того ради овые приносят плоды сторичные, овые шездесятые, овые тридесятые; и святии отцы шли разными пути, иные в монашестве спасались, иные в пустынях, в вертепах, а иные и посреде мира многими посты и труды тело тело изнуриша».

Представленные евангельские фрагменты позволяют лучше понять специфику учения христоверов. Первые наставники христовщины понимали свое учение как проповедь покаяния, основываясь на проповеди Иоанна в пустыне (Мф 3:1–2), призывали молиться тайно, в домах, простыми молитвами (Мф 6:5–13) и, оставляя отца и мать, идти за Иисусом (Мф 10:37–39). Цель праведной жизни видели в возможности избежать вечного огня (Мф 7:19) и наследовать Царство Божие (Ин 3:3–6). Под «рождением от духа» миссионеры XIX в. однозначно понимали экстатическую практику радений, направленную на низведение Святого Духа на молящихся, хотя мы имеем четкие указания на другой смысл «второго крещения» – покаяние и аскезу (см. толкование на Ин 3:3–6).

Мы видим, что культура христоверов, вопреки распространенному мнению, вовсе не отрицала значимости Священных Писания и Предания. Кроме библейских текстов (Евангелия, посланий апостолов и Псалтыри) христоверам были знакомы Евангелие с толкованиями Феофилакта Болгарского (Благовестник), Пролог, Алфавит духовный, богослужебные книги (Минея).

Молитвы

Духовные стихи

Во время работы второй следственной комиссии 1745 г. у одного из членов московской общины были изъяты два письма и сборник духовных стихов («письмешки» и «песнишки», как они названы в указе Синода), получивший название сборника Василия Степанова³². Точнее было бы назвать его молитвенником. Василий Степанов был сидельцем в лавке Прокопия Лупкина в Москве³³. Родом Василий Степанов был чухонец (финн, эстонец

или вепс, по одной из версий поляк) из деревни Котоярви Карельского уезда, в 1702–1703 гг. он был отвезен в плен в Россию и жил здесь по «подложному паспорту за подписью полномочного посла Лефорта», был человек грамотный, умел писать «по-русски» и «по-латыни»³⁴. В одном из синодальных указов он назван «новокрещенным», из чего, как считает В.В. Нечаев, нужно сделать вывод, что рожден Василий был не в православной вере³⁵.

От следствия 1733 г. Василий Степанов укрылся в селе Коломенском у дворцового садовника Антона Иванова, а после окончания следствия возглавлял хлыстовские собрания в доме Тимофея Денисова в селе Братееве. Согласно материалам московской следственной комиссии, Василий Степанов научил жить по «вере Христовой» 26 человек³⁶. В 1749 г. вместе с Афросиньей Соплиной, Яковом Фроловым, Дмитрием Гусевым и иеромонахом Чудова монастыря Варлаамом он был приговорен к публичному сожжению в срубе³⁷.

По словам Василия Степанова, две «песенки» сборника были сочинены им самим, остальные списаны у согласника Андрея Чулошниковца, сосланного комиссией 1733 г. На основании этого показания сборник можно датировать 1720–1730-ми годами и считать наиболее ранним из известных собраний духовных стихов христоверов.

Сборник включает 27 молитв с заголовками, видимо, принадлежащими Василию. Оригиналы «песенок» были сожжены еще во время комиссий, а копии, хранившиеся в Московском архиве Министерства юстиции (ММЮ, ныне РГАДА), как указывает А.А. Панченко, исчезли. В настоящее время тексты доступны исследователям в двух вариантах: по публикациям И.Г. Айвазова³⁸ (1915) и А.А. Панченко³⁹ (2002). Выдержки из сборника, сохранившиеся в одном из указов Синода, публикует В.В. Нечаев⁴⁰.

Публикация А.А. Панченко снабжена некоторыми комментариями, в частности, были указаны староверческие аналоги духовных стихов. А.А. Панченко считает, что порядок и содержание стихов не были изменены первым публикатором текста. Однако на основании синодальных выписок из сборника Василия Степанова, опубликованных В.В. Нечаевым⁴¹, можно заключить, что И.Г. Айвазов перевел тексты «песенок» на современный ему русский язык. Например, вместо синодального «С небеси грядущий великого гнева Божия и ярости чащу Сыну Божьему испити» в

публикации находим: «Идет к нам с небеси чаша гнева великого с яростью...выпивать сию чашу...Сыну Божиему» (распевец № 1). Не вполне понятно, пытался ли И.Г. Айвазов сохранять при переводе стихотворный размер.

Проанализируем состав сборника. Каждая «песенка» (кроме двадцати седьмой) начинается комментариями, видимо, принадлежащими Василию Степанову, большинство «песенок» заканчивается, подобно молитвам, формулами «аллилуйя» и «аминь» и содержит молитвенные обращения к Лицам Троицы и к Богородице (обычно в конце или середине «песенки»).

Десять из девятнадцати концовок-формул обращены к Святому Духу (№ 7, 8, 13, 14, 16, 18, 21, 22, 24, 25). Кроме них находим три славословия (№ 3, 11, 12), три обращения к Троице (№ 9, 10, 23), причем одно из них дополнено обращением к Богородице (№ 10), а другое к Сыну и Святому Духу (№ 23) и одно «Всегда и во веки. И во веки веков, аминь» (№ 19). Употребление сугубой аллилуйи «Аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» в отличие от трегубой «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже», распространившейся повсеместно после раскола, равно как упоминание фрагментов только вечернего богослужения (без литургии), свидетельствует о близости общины Василия Степанова к старому обряду.

Четвертый распевец завершен стихом восьмой песни канона на утрене «Господа пойте и превозносите его во веки» (Дан 3:57), пятый распевец – началом первой песни канона «Пойте [поим] Господеви, славно бо прославися» (Исход 15:1).

Наличие в тексте начальных и конечных стихов канона может свидетельствовать о возможном включении стихов сборника в канон на утрене. Поскольку припевы канона меняются в зависимости от дня, подобное включение в принципе допустимо. Эта же возможность предопределила, например, появление на основе утрени такой формы церковного и келейного богослужения, как молебны. Явное доминирование обращений к Святому Духу в текстах распевцев можно интерпретировать как попытку составления канона Святому Духу – «песенки» дополняли бы припевы традиционных канонов, обрамленных стихами из библейских песен.

Фрагмент богослужения находим также после распевца № 27 (И.Г. Айвазов отделил его от остального текста чертой, а А.А. Панченко опубликовал под № 28):

Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему со трепетом.
Величаем Тя.
Буди Имя Господне благословенно отныне и до века.
Велик Господь наш, и велия крепость Его, и разума Его несть числа.
Величаем Тя⁴².

А.А. Панченко в комментарии указывает, что этот текст представляет собой реминисценцию полиелейных песнопений⁴³. Но фрагмент скорее представляет собой краткую и неполную схему вечернего богослужения в широком смысле (вечерни и утрени). Песнопения расположены в том порядке, в котором возможно их пение на богослужении:

Работайте Господеви со страхом – на кафизме в начале вечерни («Блажен муж...»),
Буди Имя Господне – в конце вечерни до 33-го псалма;
Велий Господь наш – прокимен третьего гласа.

В середине утрени поются прокимны на разные гласы в зависимости от дня.

Величание иногда служит припевом, но расположение этого песнопения в схеме еще не вполне ясно.

Распевец № 19 включает некоторые элементы Великого Повечерия. Текст начинается слегка трансформированной молитвой Иоанникия:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святыи,
Троице Святая, слава Тебе (здесь: Благодатный Бог наш / Упование
Божие, / прибежище Христово, / покровитель Свят Дух //).

Молитва Иоанникия соединяется с измененным «Яко с нами Бог» (здесь: «По пути Бог с нами, / с нами и над нами, / с нами, перед нами //»). Согласно последованию повечерия, «Яко с нами Бог» поется до молитвы Иоанникия⁴⁴. После молитвы Иоанникия следует коленопреклоненная молитва «Владыка многомилостиве». Дальнейший текст распевца № 19 представляет собой сочетания расширенных прошений этой молитвы («Отжени от нас всякого врага и сопостата. Умири нашу жизнь. Господи, помилуй нас...») и следующих за ней коленопреклоненных же покаянных прошений («Благословите Отцы святии, простите мне грешному»)

и ектеньи. Рефрены «Господи помилуй» в распевце дополнены следующими чередующимися с молитвенными обращениями прошениями:

Отгони их, Господи...
Не попусти их, Господи...
Отжени от нас, Господи...
Дай нам, Господи...
Не лиши нас, Господи...
Запиши нас, Господи...
Не лиши нас, Господи...
Избави нас, Господи...
Дай нам, Господи...

После молитв, согласно чину повечерия, монахи с поклонами испрашивают прощение друг у друга.

Распевец завершают слова: «Всегда и вовеки, и вовеки веков, аминь», повечерие также заканчивается формулой «Яко благословен еси во веки веков, аминь».

Вероятно, этим распевцем завершалось собрание, после него начиналась трапеза.

Перечисленные фрагменты текста могут свидетельствовать как о литургической функции распевцев, так и о переносе церковного богослужения в домашнее (келейное) пространство⁴⁵.

Тексты сборника содержат несколько туманных, но небезынтересных с семантической точки зрения фрагментов.

Распевец № 9 начинается словами Саваофа, обращенными к Сыну: «Ты не плачь, свет Сын Божий, не рыдай, мой возлюбленный», а заканчивается описанием вознесения Сына и встречи на небесах:

Как вознесся свет Сын Божий
Ко мне к Богу во седьмо небо,
Я встречу тебя, Сын Божий,
Со всею силою небесною
И возьму тебя, свет Сын Божий,
На свои руки пречистыя,
Посажу тебя, света Сына Божия,
По правую сторонушку,
Удивятся Сыну Божьему
Вся сила небесная.

Начало распевца отсылает нас к известному образу «Не рыдай мене, Мати», однако происходит словесная инверсия: слова, произнесенные Христом, в распевце обращены к Нему Самому. Таким образом, происходит смещение образов Сына–Отца и Матери–Сына. Это перетекание образов усиливается на конце распевца – здесь встреча Сына с Отцом накладывается на сюжет Успения Богородицы и на представление о Ее вознесении. Текстовыми отсылками к образу Богородицы служат ключевые слова, традиционно обращенные к Богородице: эпитет «пречистая» (здесь: пречистые руки), а также «удивление ангелов» (здесь: силы небесной), отсылающее к распевцу № 11, начинающемуся со слов «Веденья Пречистая Богородица / Ангели удивилися / Како дева ведена / Она Спасова дитя». Выражение «Спасова дитя», текстуально восходящее к богослужению праздника Введение⁴⁶, также может иметь отношение к игре семантических пар Отец – Сын и Сын–Мать. Семантические замены позволяют Богородице стать Путем христиан, а Сыну посылать Духа.

В распевцах встречаются фрагменты проповеди, известной также по расспросным речам первой комиссии (распевец № 26):

*Крестное знамение держати,
В чистоте жити,
Тому Бога не гневати,
По-плотскому не ходити,
По-духовному жити,
Тому греха не творити,
Нищету тому любити,
Милосерду тому быти,
Тому страх в сердце держати,
Тому правду говорити,
Много милости просити,
Да разумну тому быти,
Тому в кротости жити,
Во смирении тому жити,
По ночам не усыпати,
По зорям рано вставати,
В Божию церковь ходити,
Божие слово хранити,
В Божьей радости быти,
Тому Евангелие читати,
Толковое рассуждати.*

Здесь представлены следующие фрагменты проповеди христоверов: запрет на сексуальные отношения («В чистоте жити / По-плотскому не ходити»); акценты на «правильном» перстосложении («Крестное знамение держати»), ночных бдениях («По ночам не усыпати / По зорям рано вставати»), посещении храма («В Божию церковь ходити»), чтении Евангелия («Божие слово хранили / Евангелие читати») и его толковании («Толковое рассуждати»).

Немаловажно признание в текстах сборника наравне с аскетическими и моральными требованиями («Нищету любити / милосерду быти / правду говорити / в кротости жити / во смирении жити //») активной роли верующего: нужно быть «разумным» и не просто слушать Священное Писание, но читать его и толковать («Евангелие читати / Толковое рассуждати»). В этом отношении христоверы могут быть сопоставлены с западными реформаторскими группами.

Богослужбные книги (Толковое Евангелие и Минея) упоминаются также в распеве № 7. В.В. Нечаев, пытаясь ответить на вопрос Синода об этих текстах, пишет, что имеются в виду евангельские тексты, читавшиеся с комментариями. В то же время он указывает, что Василий Степанов вслед за Алексеем Трофимовым одним из первых в христовщине ввел практику чтения богослужбных текстов на собраниях. Алексей Трофимов, отвергая брак, цитировал «Алфавит духовный»: «Егда бы Адам не прельщен был через диавола от Евы, не вкусил бы яблока, то бы и без совокупления род человеческий мог произойти и умножиться рождением от земли яко и Адам»⁴⁷, он же обосновывал практику «хождения вокруг» песней пасхального канона: «Богоотец убо Давид пред санным ковчегом скакаше играя...»

Начальная, или Исусова, молитва

Распевец № 10 молитвенника Василия Степанова начинается молитвой, известной как «начальная», или «Исусова»:

Дай, Господи Иисусе, свет Христос Сын Божий,
С нами да, сударь, святые,
Свет помилуй нас грешных.

Пресвятая Богородица, упроси о нас о грешных
У своего Сына, у нашего Бога,
Тобою спасет от суда души наши грешные
На сырой земле.

Вариантов этой молитвы известно несколько десятков, но основа их одина – молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», сама по себе или в составе комплекса молитв «начала».

А.А. Панченко приводит несколько ранних вариантов начальной молитвы «Дай нам, Господи»:

[1720-е годы]

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и Дух святой, помилуй нас и Пресвятая Богородица, упроси о нас у сына своего Христа Бога нашего.

Дай к нам, Господи! Дай к нам, Сыне Божий! Помилуй нас, Пресвятая Богородице! Упроси об нас Сына Своего и Бога нашего, тобою спасет душа наши многогрешные на земли⁴⁸.

[1745 г.]

Дай к нам Господи дай к нам Иисусе Христе дай к нам сын божий помилуй нас пресвятая богородица упроси об нас сына своего и бога нашего тобою спасет души наша многогрешныя на земли⁴⁹.

Текст 1745 г. показывает трансформацию Иисусовой молитвы в культуре христоверов – ее обрамление рефренами «Дай нам», вероятно, восходящими к просительным ектеньям. Мне кажется немаловажным заметить, что возводить молитву «Дай нам, Господи» нужно не собственно к Иисусовой молитве, а к ежедневным молитвам «начала» и «отпуста», в которых Иисусова молитва совмещается с другими молитвенными обращениями (например, «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради пречистыя Твоя Матери и всех святых Твоих Ты, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и спаси мя, грешно-го»⁵⁰).

Кроме Иисусовой из церковных молитв, которые пелись на собраниях ранних христоверов в Москве и Венёве, в расспросах упомянуты богородичны воскресные и славники (части канона на «Славу и ныне»), молитвы «Многая множества» (великопостная молитва, которая поется после чтения Евангелия), «Достойно есть» и «О тебе радуется, благодатная» (великопостный задостойник), «Царю Небесный», а также псалмы «Богородице Царице», «Уже ты лишаюся» (так называемый Плач Богородицы, читаемый на малом повечерии после выноса плащаницы в Великую Пятницу), стихи «Се жених грядет в полуночи» и «Все упование мое».

Интересно, что значительная часть вышеописанных молитв представляет собой великопостные песнопения, которые обычно поются соответствующим скорбным (знаменным, путевым или демественным) распевом, что позволяет отчасти воссоздать психологическую атмосферу радения. Земные поклоны и постные распевы преобладали над «хороводной пляской». Это позволяет нам утверждать именно *постнический* и покаянный характер «веры Христовой» вопреки позднему мнению о «хлыстовстве» как радостном течении, сочетающем почитание «христов» и «богородиц» с языческими плясками и развратом.

РИТУАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ХРИСТОВЕРОВ

Духовный регламент 1721 г. предписывал Духовной коллегии (будущему Синоду) находить и искоренять суеверия и «церемонии непотребные». Откликом на эти требования стало учреждение известных нам по первой главе следственных комиссий. Попробуем разобраться, что именно настораживало следователей в поведении христоверов.

Одним из требований аскетического учения христовщины наряду со строгим постом, включающим запрет на сексуальные отношения и спиртное, была рекомендация молиться по ночам. Некоторые учителя делали акцент на двоеперстии и дораскольном варианте Иисусовой молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас» вместо послереформенного варианта «Господи, Иисусе Христе, *Боже наш*, помилуй нас».

Как мы видели на примере истории о князе Ефиме Мещерском, многие придерживающиеся аскетического учения христовщины люди собирались вокруг почитаемых объектов – чудотворных икон, мощей, юродивых, почитание которых само по себе должно было настораживать епископов и священников, знакомых с текстом Духовного регламента.

Кроме того, среди самих христоверов было немало кликуш и юродивых. Нужно помнить, что в почитании юродивых в начале XVIII в. произошел перелом – с 1721 г. легальным объявлялось почитание только признанных Церковью святых, в то время как «живые святые» в большинстве своем признавались «притворными». Подобным же образом было регламентировано отношение к кликушам¹.

Создается впечатление, что применительно к 1730-м годам в некоторых случаях речь идет не об общине, разделяющей некое общее учение (христовщину), а о богоискательстве (о поисках путей к спасению, которые Духовным регламентом тоже запрещались) и

даже о гаданиях. Легко можно представить ситуацию, когда разные, не связанные между собой люди приходят в монастырскую келью или посадский дом только потому, что в определенное время там будут принимать юродивого или кликушу (функционально они оказываются равны – «святой» и «испорченная колдуном» могут одинаково отвечать на вопросы и «прорекать судьбу», говоря не-от-себя).

Можно предположить, что именно адаптация опыта юродивого или кликуши к нуждам группы составляет центр упоминаемых собраний христоверов. Поэтому кликуши и юродивые, а позднее и другие пророки и пророчицы наряду с хозяином дома или кельи становятся лидерами группы.

Настораживал чиновников и сам факт ночных сборищ – по их мнению, это могли быть или «заговорщики», замышляющие дурное против государя (или государыни), или старoverы, которые совершали всенощные бдения, как это и положено по уставу, ночью.

«Хождение вокруг», или радение

Миссионеры называют собрания христоверов «радениями»², понимая под этим термином главным образом экстатическую практику пророка/пророчицы или группы (хоровод). В документах первой следственной комиссии мы встречаем только описательные характеристики происходящего на собраниях: «в собрании действо было такое», «верчивались», «ходили по избе вокруг для утруждения плоти», «били в грудь кулаками», «[пророк] махал руками, [как] ангелы крылами машут».

Из протоколов допросов можно сделать вывод, что ритуальная практика первых общин христоверов выражалась в пении Иисусовой молитвы «на гласы» и «хождении вокруг», пении псалмов и церковных песнопений, проповеди и в некоторых случаях – в раздаче частиц резаного хлеба, которые потреблялись и запивались водой или квасом (последние чиновниками были отождествлены с евхаристическими дарами).

Термин «хождение вокруг» довольно условен и в речах христоверов обозначает не более чем направление движения – ходили *по кругу*, кружились *вокруг* своей оси. Мы будем обозначать им практику в движении (чтобы заодно избежать и ненужных ассо-

циаций со словами «радение» или «хоровод»). Можно выделить несколько видов «хождений вокруг»:

- это хождение по избе пророка или пророчицы;
- верчение пророков или пророчиц вокруг своей оси (иногда просто верчение);
- хождение по избе других членов общины или даже всех присутствовавших на собрании (если собравшиеся брались за руки, то получался хоровод).

Верчение пророков было наиболее экстатическим и наименее контролируемым из этих хождений. Верчение, трясение пророков и моменты произнесения пророчеств можно считать основными проявлениями трансовых состояний во время собраний христоверов. Основные мотивы хождений вокруг по избе, так же как и самобичеваний, – аскетический («утруждение плоти») и покаянный. Ходившие по избе хороводом или друг за другом (за исключением пророков), по-видимому, не ставили целью достичь трансового состояния. Они сознательно подвергали свою плоть истязаниям и утомляли ее, ходя по избе полчаса или даже час без остановки. Иначе говоря, такие хождения были самодостаточны и не являлись путем достижения измененного состояния сознания. И хотя случаев впадения в экстаз нельзя отрицать, они были скорее следствием, чем целью.

Когда и как появились «хождения вокруг», кому первому пришла в голову идея дополнить келейную молитву движением, отличным от поклонов, не вполне понятно. Но можно предположить, что в основе лежат два феномена – спонтанный опыт кликуш и юродивых (их «верчения» и «трясения») и некоторые элементы церковных крестных ходов – вокруг престола, вокруг аналоя, вокруг храма, вокруг деревни, из монастырского храма в келью. Нередко подобные крестные ходы сопровождались пением молитв и духовных стихов и представляли собой «молитву в движении».

Собрания, проходившие в доме Герасима Афанасьевича Муратина в Венёве в 1720-е годы, описывает игумен Учминского монастыря Угличского уезда Варлаам Самсонов: «В том собрании действо было такое: молились Богу в землю по часу с молитвою Иисусовой краткой против старопечатных книг, а крест на себя я, также и сын мой, изображал тремя первыми персты, а прочие все в том собрании люди крестились двумя персты, а меня, Варлаама, и сына моего двумя персты креститься никто не принуждал, и по

молитве садились по лавкам, пели на гласах означенную ж Иисусову молитву с четверть часа, потом, встав с лавки, все, в том числе и я, Варлаам, и сын мой, и ходили по избе вокруг по часу и более, и били себя кулаками в груди, что чинили мы для утруждения плоти своей, и пели оною молитву Иисусову, и после хождения вокруг молились Богу ж в землю и в пояс, и садясь по лавкам же, пели наизусть богородичны воскресные и славники, также молитву “Многая множества”, “Достойно есть” и “О Тебе радуется, благодатная” и другие церковные стихи [на полях: а которые именно] сказать не упомяну, также пели ж и псал[ь]мы «Богородице, Царице», «Уже Тя лишаюся», и по окончании оных действий расходились все в дома свои, а в тех-де собраниях хлеба кусочками также и квасу вместо причастия и ни для чего было нам не роздавано»³.

Игумен Варлаам не свидетельствует о хлебе и квасе, но подчеркивает, что делали земные и поясные поклоны, били себя в груди кулаками для «утруждения плоти» и пели наизусть церковные молитвы.

Собрания московской общины Ивановского монастыря, проходившие в том числе в келье Марьи Трофимовой, сестры учителей христовщины Алексея Трофимова и Настасьи Карповой, описывает в своих показаниях монах Чудова монастыря Иоасаф Семенов: «По приказу Трофимова он, Иоасаф, перед святыми иконами, полагая на себе крест двуперстным сложением, положил три земные поклона; и как он, Иоасаф, стал оное чинить, и тогда собранные в той келье мужеска и женска полу все встали... И потом [Алексей Трофимов] посадил его, Иоасафа, возле себя на лавку и, посидя немного, все бывшие в том сборище ...встав все перед святыми иконами молились двуперстным сложением с час и сели на лавки, и пели означенную молитву [Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас], и из тех собранных мужеска и женска полу человек с пять..., встав, тряслись и вертелись кругом и говорили, чтоб холостые не женились, а женатые с женами б не жили, и не пьянствовали б, и не воровали б, и поступали по заповедям Божиим; и ежели того чинить не будут, то-де будет на них гнев Божий... И потом из этих людей, которые тряслись и вертелись, наломав хлеба кусками и налив квасу в стакан и погружая в тот стакан крест, оный хлеб раздавали им есть, а квас давали им пить»⁴.

Структура молитвенных собраний, представленная в показаниях Иоасафа, была примерно такая:

- привод в общину нового члена (по необходимости);
- земные поклоны перед иконами (молитвы «начала»);

- пение псалмов, молитв, Иисусовой молитвы;
- пророчества с толкованиями;
- «хождение вокруг»;
- трапеза (вкусение хлеба и воды/кваса, иногда – обед).

Регламентация времени и места собрания входили в функции хозяев дома. На почетных местах (под иконами, в красном углу избы) садились хозяева и люди, которых почитали «богомудрыми», наставники. Они же могли толковать пророчества. Возглавлять собрание могли несколько человек, причем не обязательно хозяева дома или кельи. Например, собрания в московском доме Лупкина иногда проходили без самого Лупкина – их возглавляли бывшая жена Лупкина монахиня московского Ивановского монастыря Анна и монах Чудова монастыря Иоасаф Семенов. Порядок собрания был таким: «Засветя свечу перед образом, молились Богу, и, помолясь с четверть часу, сели по лавкам; а старец Иоасаф и старица Анна сидели в переднем углу. И по их приказу пели молитвы: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, Дух Святой, помилуй нас” да стих “Царю Небесный”⁵; и во время пения она старица Анна трепеталась и оттрепетавшись, вертелась вокруг с час и говорила тихо... И повертевшись, села по-прежнему на лавку, а потом после нее вертелся старец Иоасаф и говорил всем, чтоб на пути Божиим стояли крепко и заповеди б Божии, так же и чистоту душевную и телесную, хранили..., и по тем его словам они все исполнять обещались... А потом он старец Иоасаф раздавал им всем ржаного хлеба небольшими кусочками и говорил, чтоб они тот хлеб принимали вместо дара Божия; и они от того старца тот хлеб принимая, ели и запивали квасом»⁶.

Собрания, проходившие в Москве в доме Якова Фролова в 1740-х годах, описывает крестьянин Иван Савельев, показания которого сохранились среди других документов второй следственной комиссии:

После праздника Святой Пасхи на третьей неделе в воскресенье⁷ в доме мачтовых дел подмастерья [нрзб.] крестьянина Якова Фролова в Рогожской ямской слободе, где и он, Савельев, жилец, пришел к нему, Ивану, в избу дворцовый крестьянин (который умре) Ипполит Григорьев и, взяв с собою, привел в имеющийся у него, Фролова, подле избы под сен[ь]ми погреб; и в том-де погребу тогда были и сидели по лавкам мужеск пол в одних камзолах и в душегрейках по

правую сторону, а женск пол в одних же иубках по левую сторону, а именно: помянутый Фролов [на полях приписка: оный Фролов по силе правительствующего Сената сослан в ссылку. – К. С.], жена его Аксинья Федотова, московские купцы Иван Дмитриев сын Сафьянников, Григорий Артамонов, Сергей да Митрий Осиповы, Григорий Сапожников, Андрей Косяков, крестьянин Нестор Иванов, женка Анна Моисеева, девка вкладчица Варсонофьевского монастыря Авдотья Тимофеевна, Ивановского монастыря Софья Филимонова, Прасковья, а чья дочь, не показано, да еще мужеска и женска полу человек семь, а кто имена и отчества и сколько всех числом не показано; и в то-де время помянутый Ипполит Григорьев при всех людях подтвердил ему, Ивану, говоря вышписанные-де слова и вот-де, может, будет здесь из нас на кого-нибудь сходить дух святой и действовать сила Божия, и тогда-де они станут трястись и вертеться, и тогда там не ужасайся, и в то время крестись, и твори молитву «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас», потом-де о всем, что на оных их сборищах происходить будет, будучи на исповеди, отцу духовному и никому не сказывай, нежли-де его в том куда возьмут, то-де, хотя кнутом погони терпеть будет, а ничего о том не сказывать, и в верность того, снял [со] стены животворящий крест и велел ему, Ивану, к тому кресту приложиться, к которому он, Иван, и приложился, и оный-де Ипполит и оный Иван, сняв с себя верхнее платье, в одних камзолах сели на лавку к мужескому полу и в то-де время сперва оный Ипполит, а по нему все бывшие на том сборище люди мужеска и женска полу пели стихи такие: «Дай к нам Господи, дай к нам, Иисусе Христе, дай к нам, сыне Божий, помилуй нас и Дух Святой, помилуй нас, Пресвятая Богородица, упроси Сына Своего, Господа нашего, тобою спасет души наша многогрешные на земли», а он-де, Иван, тех стихов не пел для того, что еще не знал, и во время-де того пения сперва помянутая девка Авдотья Тимофеевна, вскоча с лавки на пол, тряслась и вертелась с полчаса и при том всем бывшем на том сборище мужеска и женска полу людей говорила слова такие: «Вер[ь]те-де вы мне с истинною, что во мне дух святой, и это-де я говорю не от своего ума, но чрез духа святого, и на нас-де сходит дух святой» и подходя, кого знала, называла имена и говорила «Бог в помощь тебе, братец или сестрица! как ты живешь? ну, братец или сестрица, молись ты Богу по ночам, а блуда не твори, на свадьбы и на крестины не ходи, вина и пива не пей, где песни поют не слушай и где драка случится, тут не стой» и подходя, говорила: «Прости, мой друг, не прогневала

ль я в чем тебя» и после того означенная девка Авдотья, помолясь Богу, села на лавку по-прежнему, а по тому вскоре вскочила с лавки означенная девка Прасковья, такое ж действие чинила и помянутые слова говорила, как и она Авдотья, с полчаса и так же села на лавку, а как-де оные девки помянутые действия чинили, и в то-де время оный Иван, сидя на лавке и крестясь двуперстным сложением, творил означенную молитву «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас», а окромя-де оных двух девок тогда никто подле Ивану не тряслись и не вертелись и оных слов не говорили, а сидели-де по лавкам, смотря на оные тех девок действия; и по окончании-де того действия встав они все с лавок и помолясь Богу, друг другу кланялись в ноги и просили, чтоб друг о друге помолиться Богу, и потом-де из того сборища все они шли в избу к помянутому Фролову и у того Фролова все же обедали и после обеда вышеписанные бывшие на том сборище мужеска и женска полу люди из одного дома пошли, а куда, не знает, а означенный Фролов с женой Аксиньей остались в избе, а он, Иван, пошел в другую избу, в которой жилец, а помянутое-де злодеяние происходило у них часа с четыре или больше, а подлинно не упомнит⁸.

Описанное собрание у Якова Фролова, которое происходило не ночью, включает несколько значимых элементов богослужебной практики московских христоверов:

1) поучение в свободной форме, адресованное новому члену общины, которое может содержать указание на учение («будет сходить дух святой и действовать сила Божия») и практику («крестись и твори молитву “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас”»);

2) клятву о неразглашении увиденного, закрепленную целованием креста;

3) пение молитвы «Дай к нам Господи, дай к нам, Иисусе Христе, дай к нам, Сыне Божий, помилуй нас и дух святыи, помилуй нас, Пресвятая Богородица, упроси Сына Своего, Господа нашего, тобою спасет души наша многогрешные на земли»;

4) «верчения», «трясения» и пророчества;

5) молитвы и поклоны;

6) трапезу (обед).

По этому показанию видно, что центр собрания составляют именно пророчества, которые обрамляются начальной и заключительной молитвами. Можно предположить, что начальная и

заключительная молитвы – это реликт церковной практики молитв начала и отпуста.

«Устав домашней молитвы и прочих христианских обрядов» содержит следующие рекомендации для совершения этих молитв: «И вземши вервицу, глаголи сице: Боже, милостив буди мне, грешному. И поклон. Создавший мя, Господи и помилуй мя. И поклон. Без числа согреших, Господи, помилуй и прости мя грешного. И поклон. Достойно есть... Поклон великий, сей бо никогда же отлагается. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Поклон. И ныне и присно и вовеки веком. Поклон. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови. И поклон. Творятся же сии поклоны все земные. А в праздник, поясные.

Та же отпуст глаголи сице: Замолитв Пречистыя Твоя Матере и святого ангела хранителя моего, и всех святых твоих, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.

Неции же глаголют отпусту начало сице: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, молитв ради пречистыя Твоя Матери и прочее, конец же глаголет: И всех святых Твоих Ти, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и спаси мя, яко благ и человеколюбец.

По сем рцы молитву Иисусову. И аще наедине, поклонися до земли без крестного знамения, глаголи: Благословите отцы святые и братия и простите мя, грешного, и рцы сам себе Бог да простит тя и помилует.

Неции по молитве Иисусовой поклоньшеся глаголют сице: прости мя отче Христа ради и благослови молитесь Богу или ино что творити.

Аще ли же будет другии брат в келии или в сенех, то глаголет: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. И брат у брата благословится. Посеем глаголет со умилением и с сокрушением сердца: Замолитв святых отец наших Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или помилуй нас»⁹.

В этом же тексте сказано о возможной замене при домашней молитве церковных канонов поклонами и чтением Иисусовой молитвы (в случае неграмотности молящегося).

Мы видим, что вне церковных стен наиболее распространенной молитвой была молитва Иисусова (без всякой связи с практикой достижения «фаворского света»). В общинах христоверов чтение этой молитвы занимает значительное место.

Клятвы

О том, как узнавали о «вере Христовой, которая ведет к спасению», в материалах первой следственной комиссии сохранились два рассказа Василия Сытенина, крестьянина Симонова монастыря Ярославского уезда. В первом рассказе говорится, что в 1720 г.

...в праздник Усекновения честные главы Предтечевой [т. е. в престольный праздник Ивановского монастыря. – К. С.] по зову Симонова монастыря Ярославского уезда села Елохова крестьянина Митрофана Копылова ходил он, Василий, с ним, Копыловым, в Ивановский монастырь к обедне, и после обедни Копылов зазвал его, Василья, к старице Настасье пить квасу, а о показанном знакомстве не знает, и как-де они в сени той Настасьи пришли и в тех сенях на постели лежал Иван Андреев и сказывал, что-де у показанной старицы обедают одного монастыря попы и чтоб они в келью к ней не ходили, и того ради к той Настасье в келью они и не пошли, и квасу им никто не подносил, и от той кельи пошли они обратно в дома свои, а кроме ж того он, Василий, у той Настасьи не токмо на собраниях, но и ни для чего никогда ни с кем не бывал, и про то, что у ней Настасьи сборища бывали, не знал¹⁰.

Мы видим, что христоверы посещали церковные службы в монастырях и были знакомы с монахинями. Вероятно, речь шла не о посещении собрания, а, скорее, о беседе со старицей Настасьей. Как могли проходить такие беседы, видно по другому рассказу Василия Сытенина:

[В конце 1720-х годов] Иван Андреев зазвал его, Василья, в гости в Егорьевский монастырь обедать в келье к белице жонке, а как зовут и чья дочь, не знает, у которой-де они пообедали, и в то-де число прилучился быть у той жонки старик, а какого чина и как зовут, и где ныне сыскать, не знает, который-де за обедом учил его, Василья, чтоб он не женился и хмельного не пил, на которые его слова он, Василий, ему сказал, что-де он того снести не может, и потому-де его учение он, Василий, не исполняет и исполнять не хотел, и отобедав, пошел он, Василий, в дом свой, а показанные старик и Иван Андреев остались у той жонки в келье¹¹.

Василий Сытенин, по всей видимости, был человек благочестивый (судя по тому, что ходил на монастырские литургии и ежегодно причащался в своем приходе), к тому же он был вдов и, вероятно, чем-то был похож на последователей христовщины. Однако вести трезвый образ жизни отказался.

Похожая история попала и в переданный из Московской следственной комиссии в Петербург экстракт, который опубликован И.А. Чистовичем:

Лаврентий Ипполитов сказал, что в прошлом 733 году осенью как он, Ипполитов, на купецкого человека Панкрата Рюмина в неотдаче ему денег 40 рублей пришел просить Заяуской команды на съезжий двор, на котором в то время прилучился быть того двора бывший квартирмейстер Прокофей Лупкин, и того-де Лупкина в неотдаче ему Рюминым денег просил словесно;

и Лупкин-де сказал ему, чтоб он пришел к нему в дом и обещался Рюмину об отдаче денег послать письмо. И вот в праздник Казанской Богородицы пришел он к Лупкину в дом и поднес тому Лупкину в подарок семгу. В то время обедало у него человек с 30, в том числе старицы да старец. А по приеме той рыбы говорил Лупкин, что рыбу съедят у него Божьи люди, старцы и старицы и сироты. Потом-де подносил ему, Ипполитову, вино и пиво, которого-де он до того времени лет 10 не пил, и пить не стал, <...> точию-де Ипполитов как мясного, так и рыбного и ничего скоромного есть не стал и сказал ему, что скоромного он не ест тому лет с 10. И Лупкин <...> спросил Ипполитова, чего ради он скоромного не ест. И он сказал, что лежав болел, и в той болезни обещание было постричься в Московском уезде в монастыре Иоанна Богослова, в который-де он вклад дал рублей 70, да в тот монастырь по обещанию своему велел он написать два образа местные (один – Иоанна Богослова, другой – Успения Богородицы, которые-де и пишут), тако ж и пелены он, Ипполитов, купил же, и по тому своему обещанию скоромного он не ест¹².

Удивленный постничеством Ипполитова, Лупкин представил ему иеромонаха Петровского монастыря Филарета как того, кто «научит такому мастерству, что и царство небесное можно получить».

В том случае, если неженатого (или разведенного) человека на словах удавалось убедить, что нужно жить по «вере Христовой», т. е. не пить, не блудить, поститься и молиться, ему предлагалось

закрепить свое обещание клятвой, сопровождаемой целованием иконы или креста.

Определенный обряд принятия новых членов в общину христоверов сформировался уже к первой четверти XVIII в. Мы будем называть его «приводом», хотя А.А. Панченко предлагает использовать этот термин только применительно к инициации скопцов, говоря же о христоверах, употреблять термин «присяга»¹³. По мнению исследователя, отличие «привода» от «присяги» состоит в том, что последняя, кроме обещания соблюдать аскетические требования общины и хранить «тайну» учения, предполагает отречение от мира, символически выраженное в чине прощания и сопровождаемое формулой:

Прости меня, Господи, прости меня, Пресвятая Богородица, простите меня, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы и вся небесная сила, прости, небо, прости, земля, прости, солнце, прости, луна, простите, звезды, простите, озера, горы и реки, простите, все стихии небесные и земные!¹⁴

Термин «присяга» принципиален для А.А. Панченко еще и потому, что исследователь сопоставляет хлыстовское целование креста при приеме в общину с воинскими присягами и народными «антиприсягами»¹⁵, а также с особой формой «присяги для духовных лиц», прилагающейся к указу, предписывающему священству в определенных случаях нарушать тайну исповеди. А.А. Панченко предлагает рассматривать хлыстовскую «присягу», «с одной стороны, как противовес присяге “безымянному наследнику”»: вступавший в общину присягал на верность Христу и становился неподвластен антихристу. С другой – хлыстовская присяга, специально акцентировавшая невозможность открытия тайного учения даже перед духовным отцом, как бы нейтрализовала последствия указа о нарушении тайны исповеди»¹⁶.

В то же время небесперспективно рассмотрение как скопческого, так и хлыстовского обряда в параллели с церковной исповедью, одной из функций которой до сих пор остается маркирование принадлежности верующего к общине, согласию или конфессии. В этом случае традиция приема новых членов в общину через исповедь показывает отношение христоверов к официальной Церкви: христоверы воспринимали себя не как новое согласие, каким его принято было считать, а отдельной общиной в рамках

православия, сохраняющей литургическое общение с Церковью. А.Г. Берман предлагает также сопоставить клятвы христоверов с чином монашеского пострига.

В 1720-х годах в Венёвской общине обряд привода состоял в обещании соблюдать аскетические требования христоверов и не рассказывать про общину, что закреплялось целованием креста или иконы. Будущий игумен Варлаам Самсонов так рассказывает о своем «приводе»:

В том собрании по повелению собравшихся людей приложился я к образу Божьей Матери в том, чтоб хранить мне чистоту душевную и телесную, и хмельного не пить, и с женою своею не совокупляться, и про собрание их и веру, которую называли Христовою, никому не сказывать, что я и исполнял...¹⁷

В позднейшей традиции христоверов Христа и Богородицу брали «в поруки» – икона была символом их присутствия во время произносимой клятвы. Аналогичным образом в православной традиции осмысляется Евангелие, лежащее во время исповеди на аналое. В чине исповедания говорится: «Се чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание Твое ... Се и икона его пред нами». Икона здесь есть Евангелие или крест.

В практике московской общины, как следует из расспроса Лаврентия Ипполитова, клялись на кресте – значит, функционально крест и икона равнозначны:

После обеда Лупкин говорил ему, Иполитову: ежели-де он пожелает доброго и видеть царствия небесного, то-де он покажет путь и учение веры своей ко спасению... Иполитов той веры от него и пожелал. И Лупкин-де, сняв со стены крест и держав в руке, учил его... И ежели-де он того себе пожелает, то б дал им свое клятвенное обещание, что ему о том как на исповеди отцу духовному, так и в судах судьям и никому отнюдь не сказывать. И в том он в верности с клятвою своею к тому кресту приложился и поклонился тому Лупкину в землю¹⁸.

Лаврентий не упоминает о необходимом отказе от брака и вина, впрочем, Лаврентий не женат, не пьет хмельного и не ест мяса лет с десять, и, следовательно, можно говорить о том, что традиционная формула хлыстовской аскетики была не столько

формулой речи (требованием de jure), сколько необходимым условием вступления в общину.

Другим немаловажным требованием христоверов были ночные молитвенные бдения, результатом которых должно было стать сошествие Святого Духа: «И Лупкин-де велел ему в доме своем по ночам молит[ь]ся с полгода, и тогда-де может Бог ему и в доме его то объявит, и Дух Святой на него самого снидет; тогда-де ему, Иполитову, вернее самому будет и того ради и сам в согласии с ним быть возжелает»¹⁹.

Запрет на разглашение «тайны учения» в традиции первой половины XIX в. (1837) трансформируется в поэтапную «инициацию» – новых членов допускают на радение только после длительного испытательного срока:

При приеме в наше общество молодых мужчин и девиц, мы им обрядов наших не объявляем года два, три, четыре и до пяти лет, и сохраняем тайну наших обрядов, потому что и Священное Писание говорит: «Живите как можно, да только осторожно». Девицам не объявляем и потому, что может выйти замуж по молодости и расславить наше старинное обыкновение, и мужчинам по той же причине, и дабы в народе не называли²⁰ нас...²¹

Практика «привода» в XIX в. изменяется. В «Истории распоряжений по расколу» Н.В. Варадинов приводит описание «привода» одного из монастырских послушников города Юхнова Смоленской губернии:

Сперва он дал присягу, состоящую в том, что он соблюдет в тайне «все бываемое в их собраниях и обязан представить поручителя не из частных людей, а или Христа Спасителя, или мать Божию, или кого-либо из угодников», он избрал поручителем Богородицу; по произнесении молитвы, его приняли в общество при пении тропаря «Во Иордане крещающуся»; тропарь этот пет всеми присутствующими, из которых каждый, взяв образ, каким клялся при вступлении в секту, обходил его вокруг три раза²².

Новая практика, включающая пение тропаря праздника Крещения, подчеркивает изменение самосознания христоверов. Крещенский тропарь «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, троическое явися поклонение: родителей бо глас свидетельство-

ваше тебе, возлюбленного Тя Сына именуя, и Дух в виде голубине извествоваше словесе утверждение. Явлейся, Христе Боже, и мир просвещей, слава Тебе» (глас 1) заменяет традиционное «Елицы во Христа крестистеся во Христа облекостеся, аллилуия» и одновременно отсылает как к практике крещения, так и к освящению воды. «Привод» теперь близок к крещению функционально и представляет практику приема в общину первым чином (каким принимали еретиков) вместо вышеописанного третьего через покаяние.

Трапеза

В указе 1734 г. упоминается, что в собраниях христоверов в Москве «старика Настасья да две старицы и старец вместо причастия Святых Тайн подавали резаный кусками хлеб и из стакана давали пить квас, а иногда и воду»²³.

В некоторых документах следственных комиссий можно встретить упоминание об обеде, который устраивали хозяева дома, где проходило собрание (например, в 1740-е годы в Москве устраивал обед в своем доме Яков Фролов – «потом-де из того сборища все они шли в избу к помянутому Фролову и у того Фролова все же обедали»)²⁴.

Мы будем называть то и другое трапезой, имея в виду, что в обоих случаях речь идет не о таинстве, а о совместном потреблении пищи, освященной молитвой (домашней или церковной).

Хлеб

Рассказывая о собраниях в Венёве, проходивших в 1720-х годах, игумен Варлаам Самсонов говорит прямо, что «хлеба кусочками, также и квасу вместо причастия и ни для чего было нам не роздано»²⁵. Мы можем допустить, что Варлаам хочет избежать обвинений в участии в нецерковном таинстве, однако более логично предположить, что этот элемент собрания не был обязательным и носил скорее характер трапезы, нежели значимого обряда, каким представляет его антисектантская риторика (как следственная, так и миссионерская).

В показаниях Никиты Антонова Сахарникова, рассказывающих о собраниях христоверов в Угличском уезде, говорится, что Прокопий Лупкин, который, приезжая ежегодно на Онуфриевскую ярмарку, по дороге заглядывал к Никите в деревню, «привозил к нему из Москвы калач да орехов пряничных. И он, Никита, те калачи [нарезал] долями и при сидении раздавал, и говорил при раздаче, чтоб ели о здравии помянутого Прокофья»²⁶.

Далее Никита Антонов делает интересное признание: «А что он, Никита, в Духовном Приказе говорил, что будто ели б от скорби и вместо Причастия, и то-де он говорил в расспросах у Духовных дел за побой архимандрита Андроника»²⁷.

В кратком резюме показаний других участников собраний говорится, что «раздавал в те времена оной Прокофей им разрезанный калач по частям, называя просфорю»²⁸.

В допросе другая крестьянка, Мавра Борисова, говорит, что «в том собрании [у Настасьи Карповой] причастия и преподааний освященного не было»²⁹, а следователь добавляет в скобках «опричь того, что принимали хлеб кусочками и захлебывали водой»³⁰.

С практикой раздачи сухарей, просфор и «всенощных хлебов» в 1721 г. в Москве мы уже сталкивались в деле о князе Мещерском, который не относил себя к христовщине. Можно допустить, что это была достаточно распространенная городская практика (или заимствованная у горожан), связанная с традицией привозить из монастырей просфоры, которые использовали для исцеления и употребляли понемногу, кроша или отгрызая кусочки³¹.

У князя Мещерского были найдены два артоса³² и «сухарей пшеничных с полчетверика», о которых князь сказал, что «взятые-де в дому его два хлеба артусы имал он из Воскресенского монастыря, а в сухари крошены благодарные всенощные хлебы, которые освящали в доме его попы, тако ж и в новопостроенной церкви во время освящения, которые он и раздавал богомольцам»³³.

Богомольцы приходили в дом князя Мещерского поклониться чудотворной иконе Смоленской, которая стояла у него в доме (а после в построенной по обету церкви), и получить исцеление. Среди приходящих бывало и духовенство. Так, в показаниях священника Семена Иванова говорится, что «давал-де он, князь, ему, попу, из лампы масла и сухари, и он-де маслом мазался, а сухари ел и получил малое здравие ноге»³⁴.

На допросе князя Мещерского спросили, откуда у него сила исцелять, намекая на колдовство:

«Зараченин Степан Чемов на тебя объявил, что ты жонку Ирину Вирижницу, которая билась оземь, бил четками и говорил “Изыде, нечистый душе”³⁵ и после акафиста (перед иконой Смоленской Богоматери, которая была в доме князя и считалась чудотворной. – К. С.) тою женку и подьячего Григорьева кропил ты водою из водосвятной чаши, а та-де вода освященная, и давал им сухаря с три, а сказал, что-де те сухарики – благодатный хлеб, скажи ты, какая та жонка и ныне где она, и откуда тебе дана благодать»³⁶.

Раздача церковного хлеба (просфор, антидора, артоса, хлебов на вечерне) мирянам для домашнего употребления – это одна из ближайших аналогий к тому, что происходило на собраниях христоверов. В одном из показаний христоверов говорится о замене просфоры хлебом так: «вместо просвиры накрошил хлеб»³⁷.

Вода

С употреблением воды для исцеления мы также сталкивались в деле о князе Мещерском. Однако речь шла об окроплении освященной водой, а не о потреблении ее внутрь. После знакомства с рассказами христоверов создается впечатление, что никаким сакральным смыслом вода не наделялась – это был напиток, который пили и которым запивали хлеб. Подобным же образом относились и к квасу.

Квас

Третьей возможной составляющей трапезы христоверов (кроме хлеба и воды) был квас. Квас был распространенным напитком и единственной «едой», которую, согласно Духовному регламенту, монахи могли брать в кельи из трапезной. Мы уже встречали упоминание об обычае зайти после монастырской обедни в монашеские кельи выпить квасу (подобно тому, как теперь после богослужения можно зайти в церковную трапезную выпить чаю).

Из следственных документов мы знаем, что на собраниях, которые совершались в 1732 г. в Москве на девятый, двадцатый и сороковой дни после смерти Прокопия Лупкина, монах Иоасаф

Семенов «разрезанный хлеб кусочками раздавал, и [участники собрания] принимая, ели и квасом запивали...»³⁸.

В собраниях, проходивших в московском Ивановском монастыре в тот же период, была похожая практика: монахиня Настасья Карпова «раздавала резаный кусками хлеб да квас, а в какую силу не сказывала»³⁹.

Одна из участниц собраний у Настасьи Карповой, крестьянка Марья Емельянова, рассказывала, что «хлеб и квас, которые от учительницы ей преподавались, принимала она, просто, смотря на других, а чтоб вменять то вместо причастия, ей ни от кого было не сказано; посвящения и молитвы над этим хлебом и квасом какие были, она не видала и ни от кого о том не слыхивала»⁴⁰.

Мы видим, что в первой половине XVIII в. ни в одном из известных собраний (в Москве, Венёве, в Угличском уезде) потребление хлеба и кваса не считали таинством.

Известно только одно упоминание о символическом освящении кваса в общине Ивановского монастыря: Настасья Карпова в квас «погружала крест и, прилепя вощаную свечу, говорила над ним Иисусову молитву»⁴¹.

Просфора и квас

Потребление хлеба и кваса, которое было воспринято членами следственных комиссий как «хлыстовское причастие» (т. е. таинство, которое, как считали, христоверам заменило причастие), совершалось после богослужения, включавшего пение Иисусовой молитвы и духовных стихов и «хождение вокруг», и до обеда (или вместо него).

Однако сочетание духовных стихов и трапезы отсылает скорее к монастырским практикам, чем к литургии. Типологически близкими к трапезе христоверов можно считать монастырские братины и чин о панагии.

Согласно замечанию литургиста М. Скабаллановича «Православная церковь и на принятие пищи смотрит как на богослужение, по существу не различающееся от других церковных служб. Поэтому в ряду последних она имеет особенный “чин”, или церковную службу трапезы, почему и трапезы в монастырях предлагаются в храме (особом – трапезном)»⁴².

В монастырях издревле существовал обычай пения покаянных духовных стихов во время раздачи пива и меда братии.

Например, в Новгороде, а затем и в Сергиевской лавре исполняли «Плач Адама» на шестой глас⁴³. Существовал также обычай выносить три чаши с пивом или медом под пение тропарей Христу, Богородице и «осподарю» (правителю).

Другой обычай, тоже монастырский, включающий потребление и просфоры, и кваса, известен под названием «Чина о панагии».

Потребление Богородичной просфоры было совмещено с монастырской трапезой после литургии: «Церковный устав (как и вообще монастырская практика) признает только две трапезы – первую после литургии, а вторую после вечерни (для постных же дней – только одну – после вечерни). Дневная трапеза, как главная, имеет более сложный богослужебный чин, который, ввиду того, что в него входит особый обряд над Богородичной просфорой (панагией), называется чином о панагии. Чин же вечерней трапезы составляет сокращение этого чина о панагии, чина дневной трапезы»⁴⁴.

Структура чина о панагии, восходящая к XIV в., такова⁴⁵:

По отпусе божественной литургии исходит настоятель и братии последующим по нем два и глаголют

[начало молитвы]⁴⁶

псалом 144: «Вознесу Тя Боже Царю мой».

[молитва перед началом трапезы]

Отче наш.

Слава, и Ныне. Господи помилуй, трижды. Благослови.

[благословение трапезы]

Христе Боже, благослови ястие и питие...

И часть, или просфора имущая возношена быти, влагается в панагиар, и стоит на устроенном месте. И по вкушении, творяй служение глаголет стих:

[благословение]

Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе помилуй нас. – Аминь

И восставше глаголем:

[благодарение]

Благословен Бог наш, милуяй и питаяй нас от юности наша...

Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Святыи, слава Тебе, Царю...

Слава, и Ныне. Господи помилуй, трижды.

И положив поклон, хотяй возвысити пресвятую, глаголет сице:

[покаяние]

Благословите мя, отцы святые, простите ми грешному – Бог простит ти и помилует тя.

И прием часть крайними персты рук, возвышает ю мало над образом святые Троицы, глаголя велегласно:

[молитва Св. Троице]

Велико имя

(настоятель) Святые Троицы.

И пренося над образом Богородицы, крестовидно знаменует, глаголя:

[богородичные молитвы]

Пресвятая Богородице, помогай нам.

Тоя молитвами, Боже, помилуй и спаси нас.

Блажим Тя все роди Богородицу дево...

Достойно есть – Честнейшую херувим.

И по еже причаститися всем, глаголет настоятель, или священник:

[благодарение Богородицы]

Во многия молитвы Пречистая Владычицы наша Богородицы, и приснодевы Марии.

Тоя молитвами Боже помилуй и спаси нас.

[благодарение после трапезы]

Милостив и щедр Господь, пищу даде боящимся Его...

Возвеселихся о рекших мне...

Трисвятое по Отче наш.

Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас...

[завершение молитвы]

Слава, и Ныне. Кондак праздника.

Господи помилуй, трижды. Благослови.

[благословение]

Благословен Бог, милуяй и питаяй нас от своих богатых даров...

Структура чинопоследования, которую можно сопоставлять со структурой собраний христоверов, следующая:

- начало молитвы;
- молитва перед началом трапезы;
- благословение трапезы;
- благодарение;
- исповедь;
- молитвы Святой Троице и Богородице;
- завершение трапезы и благодарение;
- завершение молитвы и благословение.

Старопечатные дораскольные уставы соотносимы с вышеизложенной схемой, однако вино в них замещено квасом: «По благословении чтения и внесении варива келарь и “инохос, сиречь чашник”, взявши у игумена благословение, подносит ему “варива в сосуде, иже на мисе“, а второй – квас в чаше»⁴⁷.

Старопечатный устав содержит также «Чин о панагии на пути по уставу св. горы» (для краткости будем называть его «дорожным чином»):

Находясь в пути надо носить с собою «причистья образ панагии» (панагиар) и, взявши из церкви «хлебец богородичный», совершить хотя бы одному весь чин, начиная с «Велико имя»; если несколько братьев в пути, совершает старейший, но не раздробляет хлебец другим, что имеет право делать только иерей и диакон, а каждый отламывает себе часть. Если нет панагиара, хлебец кладется на правую руку со словами «Благословен Бог милуяй и питаяй»; таже учинив руку персты, якоже иерей крест дает, а хлебец в руке держа, крест своею рукою знаменует и хлебец воздвигнув выспрь, глаголя «Велико имя»⁴⁸.

На параллель между трапезой христоверов и возношением Богородичной просфоры («Чином о панагии») указывает и А.А. Панченко. Он, однако, на наш взгляд, ошибочно сопоставляет их не напрямую, а по аналогии с выговской традицией беспоповцев, которым потребление Богородичной просфоры заменило евхаристию⁴⁹. Такое сопоставление лишь подтверждает следственную логику, которая видит в практике христоверов альтернативное церковному причастию таинство. По-моему, следовало бы сопоставлять выговскую практику возношения просфоры и собрания христоверов в другом плане, сравнивая не значение обряда, а именно чинопоследование. В беспоповских скитах могли совершать возношение просфоры по чину «О панагии на пути», изымая слова священника. Существование дорожного чина, предполагавшего временное отсутствие священника, делало возможным совершать чин о панагии (как и другие службы, кроме миропомазания, венчания, евхаристии, т. е. тех богослужений, что включали таинства) без духовенства, келейно, мирянским чином. Богослужебную активность христоверов-мирян можно сопоставить с активностью староверов-мирян.

Коливо

Мы знаем, что собрания христоверов иногда носили поминальный характер и нередко совершались в канун церковных праздников. Эти обстоятельства позволяют предполагать, что кроме воды, кваса и хлеба на собраниях употребляли и коливо – кутью, «вареную пшеницу с медом, украшенную сладкими плодами». Кутья освящалась в храме на вечерне в канун двенадцатых праздников и дней памяти великих святых, т. е. в те же дни, когда собирались общины христоверов. М. Скабалланович указывает, что «содержание молитвы над коливом с одной стороны имеет такое же знаменование, как приносимое в память усопших, т. е. предуказывает на воскресение, уподобляемое в Св. Писании прозябанию зерна из земли; с другой стороны коливо имеет целию, как и благословляемые на вечерне хлеб и вино, – освящение праздничной трапезы, являющейся образом наслаждения вечными благами»⁵⁰.

Раздача хлеба и кваса на богослужении позволяет сопоставлять ритуалы христовских собраний с монастырскими практиками и поминальной традицией и предполагать, что на ночных собраниях накануне великих праздников христоверы раздавали освященный хлеб и/или коливо, не претендуя при этом на установление таинства, альтернативного церковному.

Пророчества на собраниях

Мы не можем однозначно утверждать, что на собраниях христоверы переживали изменение состояния сознания, поскольку речь идет о периоде, удаленном от нас на несколько столетий, и о признаниях, полученных под внешним давлением, однако совсем не затрагивать тему эмоционального возбуждения христоверов неверно. Мы уже говорили, что наиболее яркими проявлениями экстатической практики были верчения и трясения пророков и произнесение пророчеств.

Один из пророков московской общины XVIII в., Сергей Осипов, «когда на собраниях “в него вселялась благодать Духа Святого”, сидя на лавке, начинал трястись, вскакивая с лавки, кричал такие речи: “Царь царем и Бог богом!” Потом опять трясся, вертелся вокруг по солнцу... и говорил “странными языки”, угадывал мысли и чувства других, предугадывал счастье, несчастье, пропажи, говорил,

что согласники его встретят беду, будут они взяты под караул, будут истязаны»⁵¹.

Нередко упоминаемый возглас христоверов «Царь царем» может быть соотнесен с иконографическим сюжетом Христа-Пантократора «Царь царем» и одновременно с песнопением великого повечерия «Яко с нами Бог». Сочетая визуальные ассоциации со звуковыми, возглас мог маркировать важную часть богослужения – схождение «Святого Духа» и начало пророчеств.

Одна из непонятных молитв XIX в., вероятно, воспроизводит тот же образ:

Фолдырь анифей
Фолдырь мефи царимей
Царь мафами цаларей⁵².

Возглас «Царь царей» в молитве узнаваем так же, как узнаваем греческий пасхальный тропарь в следующем стихе:

Христос некрата
не тан фан
тан фатисон
тинтись тинтись
наим фрисон
домино⁵³.

Д.Г. Коновалов сравнивает приведенный стих с записью служителя библиотеки Московской духовной академии, который записал пасхальный тропарь так:

Христос анесте!
ак нетро
фонатон фонатон
пантис антиси
китис мимости
*заехал за мито*⁵⁴.

Говорение «странными языками», сопровождавшее пророчества, – это глоссолалия. Сергей Осипов в «духе» прорекал:

Ренте фенте ренте финтрифунт
Нодар лисентрант нохонтрофинт⁵⁵.

Изучив материалы о христовщине, в том числе документы XVIII в., опубликованные И.А. Чистовичем и В.В. Нечаевым, профессор Московской духовной академии Д.Г. Коновалов пришел к выводу о наличии в текстах христоверов двух типов автоматических речей – понятной (в форме пророчеств, «обличений грехов»⁵⁶ и так называемых чтений Писания по гласу) и непонятной (в форме глоссолалий, «проявляющихся на стадиях более сильного возбуждения»)⁵⁷. «Чтение по гласу», которое не упоминается в источниках XVIII в., выражалось в произнесении дословных или несколько искаженных отрывков из воспринятых на слух религиозных текстов, что еще раз подтверждает значимость этих текстов для христоверов. Д. Коновалов отмечает, что этот феномен известен в психиатрии как «экзальтация памяти» и наблюдается у людей, склонных к истерии, но может быть одним из сопровождений измененного состояния сознания⁵⁸.

Глоссолалии хлыстовских пророков могут быть сопоставлены с непонятными речами юродивых.

Б.А. Успенский указывает, что дораскольное богослужение включало глоссолалические попевки⁵⁹, утраченные после реформы церковного пения. При этом исследователь указывает, что глоссолалии, равно как и многогласие во время богослужения и само непонятное слушателю наонное пение, уподоблялись «ангелогласному пению», которое не было ориентировано на восприятие верующих, но рассматривалось как текст, понятный Богу. Согласно Б.А. Успенскому традиционно церковная служба понималась «как общение с Богом, а не с человеком», следовательно, более важным было точное произнесение текста, чем его субъективное восприятие⁶⁰.

Для нашей темы важно и то, что ушедшие из церковной службы глоссолалические попевки сохраняются в богослужении христоверов, изменяя форму, но сохраняя смысл – «так говорят Бог и ангелы».

Некоторые исследователи предлагают рассматривать глоссолалию как особый язык со своей лексической и грамматической структурами, другие видят в «говорении языками» не более чем знак того, что человек перешел из одного состояния сознания в другое, измененное, и отказываются видеть в глоссолалии язык, поскольку сам говорящий часто не слышит или не запоминает своей речи, следовательно, она не может быть понята как сообщение⁶¹. Примеры осмысления глоссолалий во время богослужения

можно найти в традиции христиан веры евангельской (пятидесятников), которые считают глоссолалии «даром Святого Духа» и утверждают, что происходящие в этот момент с человеком изменения не только не угрожают его психическому и физическому здоровью, но являются необходимым выражением его мистического опыта⁶².

Описания происходящего на собраниях христоверов позволяют предполагать, что основным мотивом, объединяющим эту религиозную группу в одно время и в одном месте, было соучастие в процессе говорения «не-от-своего ума». «Верьте вы мне с истиною, что во мне дух святой, и это я говорю не от своего ума, но чрез духа святого»⁶³, – говорили пророчицы Авдотья Тимофеевна и Прасковья в доме Якова Фролова в Москве. По мнению синодальных чиновников, речь шла о симуляции святости или болезни, о подражании юродивому (святому) или кликуше, которая тоже говорила не-от-себя.

Можно предположить, что для кого-то из собравшихся важно было узнать судьбу свою, используя отрывочные слова юродивого или кликуши как знак, поданный свыше. Рискнем предположить, что среди этой группы согласников больше женщин. Для кого-то из благочестивых людей (например, для холостых или вдовых мужчин) более важным оказывался поиск пути, который ведет к спасению. Христовщина отличалась от других аскетических практик, предлагаемых Церковью или староверческими согласиями, тем, что ее требования озвучивали пророки. Если признать, что через пророка говорит Святой Дух, то получаем путь, открытый Богом через Духа Святого, т. е. истинный путь.

«Братец или сестрица, молись ты Богу по ночам, а блуда не твори, на свадьбы и на крестины не ходи, вина и пива не пей, где песни поют не слушай и где драка случится, тут не стой»⁶⁴, – говорила московская пророчица Авдотья Тимофеевна в доме Якова Фролова.

Пророчества, наравне с аскетическими требованиями, оказались наиболее устойчивыми элементами христовщины, сохранившимися до XX в.

Глава 4

«БОГОМЕРЗКАЯ ПРОТИВНОСТЬ»: РАСПРОСТРАНЕННЫЕ МИФЫ О ХРИСТОВЕРАХ

Читая документы XVIII в., можно заметить, что с самого начала работы следственных комиссий в Москве и Петербурге их действия были связаны с существованием некоторых устойчивых «антисектантских» мифологем (одним из первых примеров следственного конструкта можно считать указ от 7 августа 1734 г., расставивший, как мы видели, своеобразные акценты в интерпретации образа христовщины¹). Главными следственными конструктами можно считать:

во-первых, представление об обожествлении наставников христоверов («хлыстовские христы и богородицы»);

во-вторых, представление о существовании в общинах христоверов таинства Евхаристии, альтернативного церковному и составлявшего центр собраний («хлыстовское причастие»);

в-третьих, о том, что ночные собрания заканчивались групповым сексом и кровавыми жертвоприношениями рожденных членами общины младенцев.

Цель данной главы состоит в попытке понять, была ли какая-то реальная основа под этими конструктами, или перед нами предстает персонифицированный образ сектантов, своеобразных сатанистов XVIII в., совершающих «черную мессу» и заклятие младенцев и девственников.

Одними из источников подобных мифологем можно считать полемические труды митрополита Тобольского Игнатия Римского-Корсакова и его преемника митрополита Ростовского Димитрия Туптало.

«Хлыстовское причастие»

Один из следственных мифов утверждал существование в христовщине некоего таинства, которое введено было взамен церковного причастия (назовем эту мифологему «хлыстовское

причастие»). Обряд этот отождествляли с описанным у Дмитрия Ростовского обрядом «подрешетников», якобы кощунственно воспроизводящих литургию, – в «Розыске о раскольничьей брынской вере» (со ссылкой на Игнатия Тобольского) описывается, как из подвала выходила девка с решетом на голове и, подобно священнику на Великом входе, возглашала: «Всех вас да помянет Господь во Царствии Своем»:

В те же времена [что и капитоны. – *К. С.*] в уезде Кинешемских и Решемских, и на Плесе, явишася иные раскольщики, глаголемыя подрешетники, нареченные тако от учителя своего, его же имяху некоего поселянина, прозываемого Подрешетников, иже, последуя ересиарху Капитону, учаше людей не ходити в Церковь Божию, ни отцев духовных имети, ни к благословиению иерейскому приходити, и всех таинств церковных чуждатися. Тии сами в домах своих творяху некия церковные службы по чину иерейскому, не освященни бывше, и младенцы крещаху;

причастие же у них бяше некое волшебное **не хлеб, но ягоды**, изюм глаголемые, чарованием напоенные, их же причащася чином сицевым: изберут от между себе едину девку и в подполье избы введшею, в цветное платье нарядят, та по часе исходит из подполья, носящи на главе своей решето, покрытое чистым платом, в решете же ягоды изюм; а в избе множество собравшихся мужей, жен и детей.

Вышедши убо из подполья девка с решетом, на главе своей носимым, глаголет по подобию иерейскому: «Всех вас да помянет Господь во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков»; они же поклоншеся, отвечают: «Аминь». Сие же девка оная глаголет трижды, а они трижды «аминь» отвечают. И по том девка та дает им то богохульное приношение **вместо причащения** Святых Таин².

Первая часть отрывка похожа на описание одной из общин староверов-беспоповцев, действительно отрицающих апостольскую преемственность новопоставленного священства, а значит, и все церковные таинства. Староверы собирались в домах-моленных, проводили службы сами и сами же крестили детей. Дмитрий Ростовский, написавший свое сочинение в конце XVII или в самом начале XVIII в. (не позднее 1709 г.), мог быть знаком с такими общинами.

Упоминание во второй части повествования двух этимологических версий названия «подрешетники» – выраженной прямо

(«подрешетники» от фамилии основателя Подрешетникова) и подразумеваемой текстом («подрешетники» от «решета») – наводит на мысль о фольклорном осмыслении явления.

Предположение, что в тексте Димитрия Ростовского речь идет о староверах, подтверждается текстом одного из посланий митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия, написанного в 1696 г.³, видимо, ранее «Розыска», и послужившего одним из источников последнего. Передавая слова священника на Великом входе, Игнатий указывает старую формулу: «воеки веком» вместо исправленного «во веки веков». Немаловажна также концовка фразы о «богохульном приношении вместо причастия Святых Таин», которую Димитрий не воспроизводит: «Егда же того их волхованного общения⁴ ягод аще бы кто вкусил, абие тако желательне смерти будет радети, аще самосожжением или удавлением, или утоплением, яко во изступлении от истинного разума»⁵.

В повествовании Игнатия, вероятно, воспроизведены полемические легенды о ягодах, обладающих чудесным свойством завлекать попробовавших их в раскольничьи скиты и на гари⁶. Не вполне понятно, почему упомянут именно изюм и почему повествование перенесено в контекст литургии. Вероятно, изюм здесь символически представляет вино причастия – это так называемый образ-организатор, аллегория, смысл которой в перенесении известных знаков в новое семантическое поле. Ягоды, или изюм, олицетворяют путь к раскольнической вере, подобно тому как причастие представляет смысл церковной жизни. Видимо, церковному сознанию сложно было представить староверие, альтернативную Церковь, без причастия, поэтому оно создает новый обряд, переосмысляя известные образы. В то же время нужно помнить и о том большом значении, которое придавали колдовству даже в образованных слоях общества – вера в колдовство и порчу делали возможным укоренение подобных легенд в общественном сознании.

В текстах расспросов первой следственной комиссии содержатся рекомендации христоверам «в церковь ходить и Святых Таин причащаться», а указания на альтернативный обряд причастия настолько однообразны, что позволяют говорить о влиянии на показания христоверов формул следственной риторики (необходимо помнить к тому же, что словесное внушение следователей могло подкрепляться избиением плетьюми, а в период действия второй комиссии – и настоящими пытками). Но сама возможность

перенести мифологему «причастия» подрешетников на христоверов у чиновников XVIII в. была. Христоверы, как и вышеописанные подрешетники, собирались в домах, иногда в подвалах домов, лидерами их часто становились женщины. Правда, обвинить первых христоверов, среди которых были монахи и иеромонахи, в отрицании священства и церковных обрядов вряд ли можно. Именно поэтому возникает дополнительный мотив – обвинение их в притворном соблюдении церковных обрядов⁷.

«Свальный грех» и заклание младенцев на радениях

Другой распространенный следственный миф предполагал, что на ночных собраниях устраиваются оргии, заканчивавшиеся групповым сексом («свальным грехом») и закланием рожденных внебрачных детей членов общины (здесь очевидна типологическая параллель с так называемым кровавым наветом). Большинство произведений русских классиков, обращающихся к сюжетам, связанным с христоверами, воспроизводят атмосферу очарованности и одновременно опасности, которая поджидает любого, кто встретится с ними⁸.

В бумагах XIX в., относящихся к христовщине, сохранился документ о «комиссии, учрежденной для исследования открывшейся в Москве квакерской секты», в котором было сказано:

Сия комиссия открыла, что в разных городах, особенно в Москве, в девичьих монастырях собираются всякого звания мужчины и женщины, выбирали **Великого жреца или жрицу**, и по принятии от их руки благословения, приведя священные слова «Вселюся в них и похожду», начинали попарно кружиться и плясать. Одни из них, как будто получа в себя особенное вдохновение, начинали проповедовать и предекать; порицали брак законный и женатых сочленов побуждали на развод; от праводействующего лица брали в образ Святого Приобщения кусок хлеба и запивали квасом или водою, и сие называли родиться или креститься Духом, считали лучше крещения водою, и вопияли, что уже народился антихрист.

После кружения и упоения беззаконным образом **четались**.

Вступающего в их сословие приводили к присяге и страшным образом заклинали, чтобы он предание их считал наисвященнейшим и

никому не открывал их Тайны, поучали его, чтобы он носил на себе личину строгой христианской набожности, духовным показывал смирение и пред отцом святым простосердечие многогрешное⁹.

Наличие определенных установок следствия, которые переносятся на тексты показаний, в общем-то не удивительно. Более странным представляется некритическое отношение следующего поколения историков к протоколам допросов. Например, Н.В. Реутский, которого, впрочем, еще В.В. Нечаев обвинял в небрежной работе с источниками¹⁰, в своем труде «Люди Божьи и скопцы» пересказывает текст показаний московского купца Ивана Федорова Чуркина, который «первого же рожденного... от жены ребенка мужеского пола... окрестил по хлыстовскому обряду и, воздав ему божественное поклонение, тут же собственноручно заколол его. На высушенном сердце и крови невинной жертвы они приготовили хлебы, и Чуркин стал собирать в своем доме хлыстовские сборища»¹¹.

Очевидно, что перед нами ситуация так называемого «кровавого навета», необычная тем, что в роли жертвы выступают незаконные (при провозглашенном отрицании сексуальных контактов даже в браке) собственные дети согласников.

А.А. Панченко считает, что автором историй о подобных жертвоприношениях были следователи, а источник самой идеи «навета» видит в посланиях митрополита Игнатия Тобольского и в «Розыске о раскольничьей брынской вере» митрополита Дмитрия Ростовского¹². Ссылаясь на фрагменты показаний колодников первых комиссий, А.А. Панченко выделяет следующие мотивы легенды о ритуальных убийствах на радениях.

А. Порицая брак, сектантские учителя поощряют свободные сексуальные отношения. Последние называются «любовью» и практикуются по окончании «сборищ».

А1. По окончании «сборищ» сектанты расходятся парами по разным помещениям и совершают «любовь».

А2. «Любовью» называется групповой сексуальный акт, совершающийся по окончании «сборища» в темноте.

В. Младенцы, зачатые во время «любви», предназначаются для ритуального жертвоприношения.

В1. Для ритуального жертвоприношения предназначаются только первенцы мужского пола, прижитые с девственницами.

С. Младенцев, предназначенных для жертвоприношения, сектанты крестят: сначала – двуперстно сложенной рукой, затем –

обводя вокруг головы нательным крестом, окуная в воду и читая Иисусову молитву. После этого младенцу нарекают имя и надевают на него нательный крест.

Д. Окрещенного младенца закалывают, вырезают его сердце и собирают кровь.

Е. Истолченное и высушенное сердце смешивают с мукой и пекут хлеб; кровь смешивают с водой или квасом.

Г. Хлеб и воду (квас) с частицами сердца и кровью младенца раздают во время собраний вместо причастия.

F1. Хлеб и воду принимают «со страхом и трепетом», потому что в них подмешана кровь младенца «яко сущаго агнца».

F2. Хлеб и воду принимают для «укрепления» в своей вере; тот, кто съест такой хлеб, чувствует «жалость» и уже не может «отстать» от «сборищ»¹³.

Источником вышеуказанных мифологем о ритуальных убийствах, свальном грехе и сакральной трапезе применительно к новым религиозным движениям можно было бы считать, например, писания Минуция Феликса, которые, вероятно, были известны как образованному Димитрию Ростовскому, так и архиепископу Феофану Прокоповичу. Описания обрядов распространившегося христианства в диалоге «Октавий» (конец II в.) напоминают традиционные «антихлыстовские» конструкты: «Рассказы о посвящении новичков ужасны и всем известны. Перед лицом, посвящаемым в их таинства, кладут младенца, покрытого мукой, чтоб обмануть неосторожных; новичку предлагают нанести на поверхности муки невинные по видимости удары, он убивает младенца... Об их трапезах также известно... В торжественный день они сходятся для пиршества с женами, детьми, сестрами, матерями – люди обоих полов и всякого возраста. Там после обильной еды... опрокидывается и гаснет... светильник, они в бесстыдной темноте предаются без разбора объятиям гнусной похоти»¹⁴.

Похожие мифологемы встречаются и в рассказе Епифания Кипрского о гностиках.

Довольно странно предполагать, что Димитрий Ростовский и Игнатий Тобольский могли сознательно перенести обвинения, направленные против первых христиан, на новых «сектантов», однако архетипичность антисектантского дискурса очевидна¹⁵.

Справедливости ради нужно сказать, что были у мифологемы о «свальном грехе» и исторические корни. Среди показаний послушниц и монахинь, действительно, встречаются рассказы о

«блуде», но характер их вполне мирской, не связанный с ритуальной практикой христовщины: во всех подобных текстах указывается, что запретное общение проходило в чуланах, домах и других уединенных местах, а не на «радениях»; младенцев удаляли из монастыря, чаще всего на поруки родственников матери или знакомых посадских людей, которые становились восприемниками ребенка. Одна из монахинь московского Ивановского монастыря, Ксенофонта, «будучи спрошена, винулась, что грехопадение чинила с московским посадским человеком Иваном Тимофеевым не во время соборниц, а в Ивановском монастыре у себя в чулане, также по зову его в особом доме за Покровскими воротами. Когда пришло время родить, она позвала Эсфирь и призналась. Та пошла за рубахой, а в это время она родила. Когда от заутрени пришли жившие с ней старицы Евстолия, Евпраксия, Александра, Афанасия, они взяли дочь к себе в келью и оповестили игуменью, которая велела сыскать за монастырем попа – дать молитву, а младенца велела куда-нибудь вынести из монастыря, потому что игуменья монастырского попа звать не велела, так и младенца приказала вынести, чтоб в монастыре не было какого посмеяния. Поп с крестца прочитал молитву и окрестил; кумом был он же. Дочь отнесли на посад к посадскому человеку, которого сына она учила грамоте»¹⁶.

«Лжехристы» и «антихристы»

Еще одна черта, которой миссионеры наделяли «хлыстовские» общины с самого начала их существования, – обожествление наставников. Вероятно, эта мифологема связывалась с представлением о «лжехристомужах», описанных Стоглавом, и настолько прочно ассоциировалась с хлыстовством, что даже такие серьезные историки, как А.С. Лавров и А.А. Панченко, не пытаются отнестись к ней критически. А.А. Панченко называет феномен хлыстовских «христов» и «богородиц» «мифологическим отождествлением» и даже «самозванством», но, на мой взгляд, эти феномены (по крайней мере для XVIII в.) исходят скорее из следственного дискурса, чем от самосознания лидеров христовщины. Именно поэтому мы делаем акцент на «обожевлении лидеров» – мифологеме, которая, как кажется, возникает не в общине христоверов, а среди чиновников и миссионеров, одним из которых был

Феофан Прокопович, по словам И.А. Чистовича, самолично свевравший допросы и назначавший очные ставки.

В документах первой половины XVIII в. мы не видим никаких подтверждений «самозванству» (даже Прокопий Лупкин, с которого принято начинать историю «хлыстовских христов», говорит не более чем об *уподоблении* Христу).

Формулу следственной риторики «называл себя яко Христа, а учеников яко апостолы», приписанную к показаниям Прокопия Лупкина, не подвергая сомнению, воспроизводят даже современные исследователи. Однако в одном из допросов 1717 г. Лупкин прямо отрицает подобное отождествление.

Постараемся понять, какие модели отношения к лидерам могли быть приемлемы для христоверов. На мой взгляд, нужно различать следующие феномены:

1) почитание учителей веры, наставников, начетчиков, которые признаются «богомоллами» и «богомудренными», говорящими не-от-себя, а через Писание;

2) почитание «святых» и «пророков» (юродивых, кликуш, пророчиц) – тех, кто также говорит не-от-себя, а Святым Духом;

3) наделение наставников особым статусом в процессе ритуала (здесь как раз уместен предложенный А.А. Панченко термин «мифологическое отождествление»);

4) посмертное почитание тех и других, подобное почитанию местночтимых святых (обычно речь идет о памятных датах и почитании места захоронения лидера).

Христос и Богородица в ритуале

Можно допустить наличие в культуре христовщины определенного символизма – уподобления наставника Христу, а пророчицы – заступнице-Богородице. Может быть, фигура Богородицы связана с исцелениями кликуш от чудотворных богородичных икон – Богородица оказывается сильнее колдуна, и теперь уже она руководит кликушей (и говорит через нее)¹⁷. В дальнейшем символическое (или «мифологическое») отождествление лидера с Христом вписывается в более широкий контекст духовных стихов и их образности, к которой обращались многие исследователи фольклора (например, известны образы райского сада и птиц, которые представляют членов общины, образ апокалиптической

книги жизни, которой уподобляется пророчица, и др.). Однако ранние духовные стихи христоверов, как кажется, перспективно рассматривать не с позиций отождествления или сопоставления лидера с Христом и даже не как обрядовые песни, а по их прямому назначению – как молитвенные призывания Бога и святых. Развившиеся из церковных молитв, многие песни христоверов – это призывание Святого Духа и подготовка верующего к получению «откровения»¹⁸.

Типологически роль пророков, пребывающих «в духе», можно уподобить роли шаманов – оставаясь посредником в пространстве ритуала, в сакральном пространстве и сакральном времени, в обычной жизни шаман – всего лишь обладающий определенными социальными функциями человек.

Прижизненное почитание лидеров

О той роли, которую община христоверов отводит учителям – начетчикам и пророкам, мы уже говорили. Интересно провести еще одну типологическую параллель. Отношения лидеров и общины напоминают возникшую в более поздний исторический период (не раньше конца XVIII – начала XIX в.) субкультуру старчества. Можно предположить даже, что часть почитателей старцев составляют те же люди, что приходили на собрания христоверов со своими собственными запросами («погадать» и получить советы).

Отношения старца и паломников, с одной стороны, характеризуются «одариванием» верующего «святыньками» и поучениями, а с другой – ответным почитанием, сравнимым с почитанием святого человека, которому можно верить безоговорочно, потому что он говорит не-от-себя. Одним из проявлений отношения лидера к пастве является *словесное одаривание* – пророчества и их толкования в процессе ритуала. Другой пример выражения тех же отношений – *предметное одаривание* – одаривание сакральными объектами (например, пряничными калачами и орешками, которые привозили от Лупкина).

Вместе с тем формы одаривания коррелируют с существующими церковными формами богослужения, во время которого священник произносит проповедь (словесное одаривание) и раздает «святыньки» – святую воду, хлеб, вино и пшеницу во время литии, антидор и теплоту после причастия, артос, просфоры

и др. (предметное одаривание). Восприятие «святынь» как носителей «чудесных» свойств нашло отражение даже в богослужебном уставе. Так, в чинопоследовании вечерни сохранено указание «благословенный хлеб есть помогательный от всяких зол, аще с верою приемлется», по мнению М. Скабаллановича, восходящее к более пространной формуле Типикона: «Благословенныя хлебы дарования имут различная, рекше уставляют огневицу (горячку) пиющим с водою, трясовицу (лихорадку) и всяк недуг и всяку болезнь исцелевают; к сим же и мыши от жит отгоняют и ина пакосящая прогоняют».

Культура христоверов, на мой взгляд, не может быть понята без обращения к феноменам, важным для народного религиозного сознания, – почитанию святых мест, сакральных предметов, иконопочитанию и почитанию мощей.

Посмертное почитание лидеров

Одним из первых лидеров, посмертное почитание которого закреплено в источниках, был Прокопий Данилович Лупкин, умерший в 1732 г., т. е. еще до начала действия первой следственной комиссии. В расспросе его сына, иеродьякона Симонова монастыря Серафима (в миру Спиридона Лупкина), задержанного в ходе расследования вместе с его матерью, старицей Ивановского монастыря Анной (в миру Акулиной Ивановой), указано, что Серафим был отпущен «под караулом по прошению его 732 году ноября 10-го для погребения отца его Прокопья Данилова, ноября 17 на девятины, 29-го на получетыредесятницы, декабря 20-го на четыредесятницу»¹⁹.

Таким образом, можно говорить о распространенной в XVIII в. поминальной традиции, ключевыми точками которой были девятый, двадцатый и сороковой дни.

В показаниях Алексея Платонова старшего и Алексея Платонова младшего сказано, что на поминках Лупкина, т. е. в вышеуказанные дни, «было сорище, на котором мужеска и женска полу, также и старцев и стариц многое число, в том числе старцы Иоасаф да Филарет, да Василий Дементьев, Тимофей Артемьев, Ульян Иевлев, да старицы Анна Иванова, Есфирь Ларионова <...>, а первенство имели означенные Иоасаф, да старицы Анна и Есфирь <...>, а разрезанной-де хлеб кусочка-

ми раздавал означенный Иоасаф, и они принимая ели и квасом запивали...»²⁰.

Традиция устраивать собрания не только накануне церковных праздников, но и в дни поминовения умерших родственников, сохранявшаяся в московских общинах по крайней мере до середины XIX в., вероятно, берет начало именно с 1732 г. Раздача хлеба в данном случае могла носить характер поминальной трапезы – вдова Лупкина упоминает о том, что нарезанный калач или ситный хлеб «раздавали всем для поминания кого, или за здоровье чье, или для спасения»²¹.

Прокопий Лупкин был похоронен в Ивановском монастыре, поскольку по обету он перекрывал там железом крышу собора. Вот как рассказывает о могилах Сулова и Лупкина один из священников монастыря, отец Алексей: «В Ивановском монастыре московский купец Прокофей Лубкин погребен близ паперти на правой стороне, а в каком году погребен, не упомнит, а значит надпись на камне, а Сулов погребен на той же стороне, где Лубкин, и надпись о Сулове значит в трапезной правой стороне наличными с золотым словами, а могилы их обоих выкладены кирпичем и по погребении их поминовение по ним чинили по Лубкине – сын его иеродиакон Серафим, а по Сулове – Ивановского монастыря старица, бывшая разнощица, Александра Иванова, и на гробы их он, священник Алексей, с товарищами для поминовения ходили два года и службы годовые по ним служили, а потом приказом бывшей духовной дикастерии советника поминовения на них чинить и службы годовой исправлять не велено; и с того времени и поныне поминовения и службы по ним не исправляется»²².

В синодальных постановлениях указывалось, что «сам вид захоронений может внести мнение о том, что Сулов и Лупкин снискали какой-то святости»²³, поскольку над их могилами были установлены «палатки», или сени, традиционно воздвигаемые над могилами святых. Эти кирпичные сооружения были уничтожены в целях реализации петровского указа от 12 апреля 1722 г. о сносе надгробных строений на кладбищах, но не сразу, а только после письма архиепископа Феофана Прокоповича советнику московской дикастерии (будущей консистории) в 1736 г. В указах Московской канцелярии Синода сказано: «Над трупом-де того Сулова камень сровнен с землею и около его посажены яблонные и прочие древа, и огорожено решеткою с дверцами для всхода над могилкою садец и сказуют, что-де над ним гробница с немалым

украшением была, но как в прошлых годах по указу с могил в монастырях и в приходских церквях гробницы и камни повелено сносить, тогда и с того трупа здание снесено и камень с землею сравнен, а надпись с него отесана и неподалеку от могилы в стене трапезы церковной вделана»²⁴.

Указом 1739 г. предписывалось «трупы лжеучителей и еретиков» Прокопия Лупкина и Ивана Суслова, которые закопаны в Ивановском девичьем монастыре, выкопав через палачей, вывезти в поле и «учинить с ними по указам»²⁵. До 1746 г., однако, тела Лупкина и Суслова не были эксгумированы и сожжены.

Иван Тимофеевич Суслов, почитаемый позднейшей хлыстовской традицией за ученика основателя христовщины Данилы Филипповича, несколько раз упомянут в расспросных речах: «Семен Мелоскин показал, что Прокофей Лупкин сказывал ему, что был в Москве купецкий человек Иван Суслов и жил-де он близ Донского монастыря и учение у него было изрядное и многие сборища у него бывали...»²⁶.

Крестьянин Данила на допросе в 1733 г. показал: «Тому ныне двадцать летов жил он в Москве близ Донского монастыря в доме Александра да Ивана Л[ъ]вовичей Нарышкиных оброчного крестьянина Ивана Иванова сына Суслова (который после по следующему делу в комиссии показан богопротивных сборищ лжеучитель) и тому лет с тринадцать умре [т. е. около 1720-го. – К. С.] и погребен в Ивановском монастыре, и торговал от него в масляном ряду, а что оный Суслов был противного согласия лжеучитель, того-де он, Данило, не знал и ни от кого о том не слыхивал и его, Данилу, тот Суслов и никто расколу и никакому злодеянию не учил»²⁷.

Комиссия не заинтересовалась Сусловым, поскольку тот же Мелоскин показал, что слышал, будто Суслов умер, потому ничего определенного о нем сказать нельзя.

А.С. Лавров, следуя хлыстовской традиции, считает Суслова реальным основателем христовщины и указывает, что он был похоронен при церкви Николы в Грачах, а позднее перезахоронен в Ивановском монастыре²⁸. В 1732 г. Лупкин был похоронен неподалеку от его могилы. Суслова считали «божьим человеком», как об этом свидетельствовала надпись над его могилой, но, на мой взгляд, все же нет никаких оснований считать, что Суслов учил именно «вере Христовой», а не был, скажем, московским местночтимым святым. Вероятно, обе могилы в Ивановском монастыре становились местом паломничества.

Почитание могил умерших лидеров свидетельствует о потребности христоверов и в «своих» святых и святых. Почитание святого маркирует границы общины, не разрывая при этом связи с православием, а подчеркивая ее. Потребность в новых святых была общей для «народного православия», противопоставляющего себя Церкви синодального периода de facto почитанием мощей местных святых.

Лжехристы

Несмотря на то уважение, которым пользовались хлыстовские учителя, у нас нет никаких оснований говорить об их обожествлении и тем более об их самоидентификации с Христом или Богородицей.

Представление наставников христоверов как лжехристов, на мой взгляд, было результатом работы чиновников и миссионеров. Нам известны по крайней мере два документа, показывающих, какой логикой они руководствовались.

Первый документ – определение Синода, посланное в Сыскной приказ в 1746 г., – касался мест погребения Прокопия Лупкина и Ивана Суслова. Их могилы находились в Ивановском монастыре и были украшены сенью. По указу 1739 г. тела Суслова и Лупкина как «лжеучителей» должны были быть выкопаны и сожжены. Однако в 1746 г. советник московской консистории Иван Топилский обнаружил, что указ 1739 г. не исполнен, о чем написал в Синод следующее: «Уведомился он раскольнической канторы у секретаря Степана Алексеева, что во время следствия о квакерской ереси об оном Суслове от некоторых раскол[ь]щиков показано, что он был тех богопротивных ересей лжеучитель и назывался Богом, и при том рассуждая, что таковые ереси начальники при святых церквах трупы своя погребать домогаются не для чего иного, точно в показание таковое: якобы они не тол[ь]ко суеверцы, но и святости некое (как надгробная об них надпись) лжеобщники были, и во утверждение богопротивного суеврия своего и последующих им еретиков и раскол[ь]щиков, которые тем церквам трупов их прием и вменяет, якобы чинитца по некоторому признанию, что суеверство их несть суеверство, но истинная и древняя, а не новая (какова подлинно есть) раскол[ь]ническая вера, от какого их плеворазсеяния и православных церквей

святых чад неких совести могут поколебаться, а в соборном уложении первой главы в первом пункте напечатано: кто иноверцы какие-нибудь веры или руской человек возложил хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на родшую его Пресвятую владычицу нашу Богородицу и присно Деву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников, и про то сыскивать всякими сыски накрепко, да будет сыщется про то допряма и того богохульника, обличив, казнить зжечь, и оные Лубкин и Суслов не токмо были расколники и ересеучители, но и **антихристы**, ибо неужасались окаянные, а именно Лубкин (как имеющиеся провинциальной канцелярии присланное следственное дело являет) себя Христом, последовавших себе учеников апостолами, а выше-реченный Суслов и Богом себя нарицать»²⁹.

Логика консисторского чиновника такова: во-первых, не подобает могилам лжеучителей, «гробницам с немалым украшением», находиться на церковных кладбищах, чтобы не возникло их почитания в народе; во-вторых, согласно действующему законодательству (Соборному уложению) богохульников, которыми и являлись хлыстовские учителя, предписывалось сжигать, что и нужно осуществить посмертно. Особенно примечательно то, что чиновник вводит категорию «антихристы» – это ведь не просто богохульство, а именно претензия на ту же святость, которой обладает Христос. Так и Лупкин, и Суслов превращаются из «ересеучителей» и «расколников» в «антихристов». Термин этот, впрочем, по отношению к христовщине не прижился и был заменен уже известным в миссионерских трудах термином «лжехристы».

Второй документ – императорский указ от 5 июня 1745 г. – касался найденных у Василия Степанова, бывшего сидельцем в лавке Прокопия Лупкина, молитвенника и писем. Этот документ показывает, насколько буквально чиновники XVIII в. предлагали понимать даже фольклорные тексты.

Указ предписывает «тех суеверов, кои бывали на прежних до 1733 года сборищах и ныне сыскаться могут, расспросить порознь накрепко», о чем именно говорится в найденных письмах, выдержки из которых приведены ниже.

От едиnorodного отца произшедшим и от единых государыни нашей матери рожденным: кого они признают сонмищу своему такого едиnorodного отца и кто у них рождшая их единая матерь, которую

они титулуют своею государынею, и почему они от того своего некоего единородного отца происшествие свое показывают и како и когда они от него произошли.

Кто ж у них таков: Его же титулуют они превысочайшим жителем, горою Сионскою, древом златоверховым и государем своим, паче всех человек пресветлым ясновзрителем, насладителем, сердечных очей их и от невежества к разуму всех производитель, великим пастырем и учителем своего стада словесных овец и пресловущим образом и почему ему такое титло приписывают именно, и в какое подобие о том своем наставнике написали они, что он поднялся от земли на небо, ко отцу своему небесному и к утешителю духу святому.

Почему ж написали они, что тот их наставник оставил ярославскому соборищу душам прощение и грехам отпущение³⁰ и пр.

Мы видим, что это не христоверы почитали под именем Христа своих наставников, как об этом можно прочесть в полемической литературе, а чиновники XVIII в. склонны были персонифицировать представленные в текстах христоверов образы. Наиболее наглядно их логику показывает еще один фрагмент упомянутого указа, заставлявший христоверов отвечать на вопросы о смысле их духовных стихов:

По вышепомянутым пребезумным песнишкам их [расспросить]:

По-первой: о какой еще с небеси грядущей великого гнева божиа ярости чаши сыну божию испити, паки они проповедуют и почему.

По-третьей: с чего такая на царствующего пророка Божьего ложь в той песни, что якобы он стоя у пустыни, пустыне молился, написана и почему они тому веруют.

По-четвертой: с чего ж такие речи, якобы святой дух верным своим провозглашал тако: дабы шли на его Тихой дон и тамо утешилися и паки на Сладей реку и тамо насладилися, еще на Дарей реку и тамо надарилися, а потом чтоб не шли на Шат реку, что-де она шатовитая и прочая, взяв, написали, и какая во всех тех речах таина их суеверов заключается, должны ж они при оных роспросах очистить без всякой противности и прикрытия, а наипаче, откуда они сие новые, что якобы и дух святой имеет мать свою, ереси научились, как о том в окончании той же четвертой песни их написано, и кто есть мати его, и како, и почему.

По-пятой: кто такая небелая лебедь, уже в небесных селениях будучи, молилась Сыну Божьему, дабы посетити ю благоволил и где тогда Сын Божий, по их мнению, вне неба быть изволил и о прочем, взяв их той песни силу речей, по тому оных суеверов распросить.

По-шестой: о какой Благовещенской обедне они, суеверы, со вопро-со-ответствиями своими умствують, об оной ли, яже бывает марта в 25 числе, и буде о той, то како и кому того числа Сам Сын Божий и что благовестил.

По-седьмой: кто таков государь их и доброхот, и батюшка их родной, и где и когда у них гостем был, и какая у него и где же была тихая и смиренная беседа, и какие князи и бояре и все власти патриархи на оной беседе у него были, и кто именно и коль долго та беседа у того гостя продолжалась, и что на ней и о чем было говорено и разсуждаемо, а притом особливо, какая у них четная книга миней и толковое евангелие и где и у кого имеются, которые когда, о месте в коем хранятся, покажут, и отыскать немедленно.

По-осмой: кто ж таков сокол, також и голубь, и откуда и когда и куда и к кому слетали, и какой именно грозной указ царский и от коего царя сносили, и под каким гербом на том указе царская печать красная печать была³¹.

Мы видим две совершенно разные культуры – христовщину, склонную к поэтическим образам и активно использовавшую как христианскую символику, так и христианские тексты, и опиравшуюся на те же христианские тексты, но намного более рациональную культуру синодальных чиновников и миссионеров. В результате их пересечения и возникли вышеупомянутые следственные мифологемы.

Примером влияния подобных мифологем на оценку учения и религиозной практики христоверов можно считать протоколы допросов, в которые проникает следственная риторика в обратной пропорциональности к грамотности подсудимого.

Изменение характера хлыстовства в XIX в. привело к трансформации образа умерших лидеров, к замещению почитания реликвий богатой фольклорной традицией, посвященной легендарным основателям. И здесь нужно говорить уже о новой религиозной культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Аскетическое учение, получившее название веры Христовой, или христовщины, возникает в конце XVII в. в городской среде под влиянием эсхатологических веяний эпохи. Его последователей можно считать текстуальным сообществом или религиозным движением без какой-либо ярко выраженной социальной структуры по крайней мере до начала XVIII в. Христовщина как учение состояла в проповеди жизни по заповедям, отказе от сексуальных отношений, спиртных напитков, матерной брани и зарождалось в контексте сохранения традиций дораскольного благочестия, в духе уважения к труду и молитвам и почитания народных святых (в том числе юродивых). Передача учения происходила от учителя к ученику, подкреплялась ссылками на Новый Завет, тексты христианских апологетов и жития святых и не требовала специальных обрядов посвящения.

В начале XVIII в. появились небольшие общины, состоявшие из монахов и мирян (крестьян и посадских людей), объединенных поиском пути к спасению. Центром этих собраний была встреча с «пророками» (чаще – юродивыми и кликушами) или «наставниками» («богомудренными» людьми, начетчиками), говорящими не-от-себя, обладающими способностями транслировать некое сакральное знание. Рассмотренные источники позволяют воссоздать ритуальную практику первых общин христовцев, которая включала в себя пение молитв и духовных стихов, пророчества, практику «хождения вокруг» и общую трапезу, нередко носившую характер поминаний. Одним из первых ритуалов христовщины была практика самобичевания и «утруждения плоти» (так называемое «хождение вокруг»), сопровождавшая и дополнявшая спонтанные действия «пророков» («трясение» и «верчение»).

Никаких таинств, альтернативных церковным, и никакого обряда посвящения духовенства христовцы не предлагали – речь шла об устроении аскетических правил, соблюдение которых было непосильно даже для широкого круга монашествующих.

Никакого особого обряда перехода в общину и тем более фиксированного членства в общинах первой половины XVIII в. не было. Обещание ничего не говорить о собраниях следователям и духовникам больше похоже на договор, цель которого состояла в обеспечении безопасности членов общины.

О непрерывности хлыстовской традиции с XVIII до конца XX в. вряд ли можно говорить всерьез. Очевидно, что в каждый исторический период мы имеем дело с разными феноменами и что христоверы 1730–1750-х годов еще не отделяли себя от православия.

Истоки представления о хлыстовских «христах» следует искать в трудах чиновников и миссионеров XVIII в., вписавших христовщину в контекст почитателей «лжехристомужей» и богохульников. С их деятельностью, и особенно с деятельностью первой и второй комиссий о раскольниках, можно связывать и процесс формирования христовщины как религиозной группы, формирования определенной религиозной идентичности ее последователей, о которой до начала следствия 1733 г. говорить не приходилось.

Изменение характера христовщины в конце XVIII и в XIX в., вероятно, связано с реакцией этой группы на зарождение новых религиозных движений – скопчества, молоканства и духоборчества.

Приложение 1

КОМИССИЯ 1733–1739 ГОДОВ И ЕЕ ДЕЙСТВИЯ

Причины возникновения комиссии. Состав. Подчинение кабинету министров и Тайной канцелярии. Отношение к Сенату и Синоду. Порядок судопроизводства. Продолжительность процесса и его последствия.

В указе Синода от 7 августа 1734 года о преследовании христовщины, начавшемся в 1733 году, сообщается следующее. Секта открыта в Москве разбойником Семеном Карауловым, по доносу которого московскому главнокомандующему графу Салтыкову удалось сыскать 78 человек согласников. Салтыков не замедлил сообщить о том Сенату и Синоду, и по определению их, состоявшемуся 15 января, в Москве учреждена была следственная комиссия из духовных и светских членов. Процесс скоро принял обширные размеры: сверх 78 человек, захваченных по показанию Караулова, в комиссию было «сыскано и особо явилось разного звания духовных и светских чинов людей обоего пола многое число». В Петербурге, куда из Москвы было переслано несколько подсудимых¹, исследованием дела занялась «особливо высокоучрежденная комиссия», в состав которой вошли архиепископы: Феофан [Прокопович] Великоновоградский и Великолукский, Леонид Сарский и Подонский, Питирим Нижегородский и Алаторский и кабинет-министры: граф Остерман, князь Черкасский и генерал Ушаков; приговор этой комиссии состоялся осенью 1733 года и был сообщен Синоду 11 октября. Синод постановил публиковать по всей империи указы, которыми скрывавшиеся от следствия последователи христовщины приглашались являться с повинными доношениями к духовным властям сроком на 1 января 1735 года.

Публикация по: *Нечаев В.В.* Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 78–83.

Содержащиеся в делах московской комиссии данные к истории процесса, в сущности, довольно скудны. Из массы документов, какая должна была скопиться в течение процесса, длившегося более семи лет, уцелели весьма немногие, всего по описи 11 дел. Большая часть их относится к 1735–1739 годам; от первого же периода процесса – по май 1734 года, в продолжение которого деятельность комиссии была особенно обширна и богата результатами, до нас дошли только: незначительный отрывок из следственного дела о сысканных по показаниям Ивана Беспалова сектантах (Д. 3. – здесь и далее в скобках указаны номера дел фонда 301 в соответствии с ныне действующей описью РГАДА. – К. С.), часть протоколов комиссии за 1734 год (Д. 1), расспросы 78 подсудимых по присланным из Синода пунктам (Д. 6) и одиннадцать доношений, представленных комиссией Сенату и Синоду (Д. 2). Наиболее ценный материал по истории процесса представляют доношения Сенату, Синоду и Тайной канцелярии и протоколы комиссии, которые дают возможность проследить деятельность последней, хотя не без перерывов, за все время ее существования. Но многие стороны дела все же остаются мало или вовсе не освещенными. Из экстракта, сообщенного комиссией Сенату при доношении от 27 февраля 1733 года (Д. 2, экстракт 1), узнаем, что аресты в Москве начались 6 января, когда в доме Семена Мелоскина (впоследствии по приговору Петербургской комиссии сосланного в Сибирь) под Новодевичьим монастырем, по указыванию Караулова, было захвачено военной командой до 40 собравшихся сектантов. Надо заметить, что хотя Караулов и называется по документам «разбойником», «явльшимся собою» к графу Салтыкову с доносом, но это вовсе не значит, чтобы его донос был «повинным доношением». Караулов был сыщик из воров, негласный полицейский агент, вроде известного Ваньки-Каина, благодаря которому христовщина была открыта вторично в 1745 году. Он свободно проживал на постоялом дворе за Москвой-рекой в приходе церкви Николая Заяицкого, ездил по поручению Сыскаго приказа по городам для сыска воров – зимой 1733 года в Белев – имел подручных агентов, на которых и было им возложено выслеживание московских хлыстов. Один из этих агентов, крестьянин Иван Андреев, особенно содействовал открытию секты, проникнув под видом согласника на сборище в дом Мелоскина и дав Караулову возможность захватить здесь сектантов на месте преступления (Д. 2, экстракт 1). Арестованные, число которых вскоре возросло до 78, были отведены в Сыскаий приказ (Д. 2, доношение при экстракте 12).

Действия следственной комиссии (комиссии следствия о раскольниках, или следственной о раскольниках комиссии, как она постоянно называется в документах) открылись 17 января (там же). Присутствующими членами ее были назначены статский советник Афанасий Савелов и ассессор Иван Телепнев; к ним с февраля присоединились два духовных члена – архимандрит Донского монастыря Кирилл и игумен Сретенского Евсей (там же). 17 апреля Савелов был заменен статским же советником Борисом Нероновым, который, так же как и его предшественник, был судьей Раскольнической конторы². Раскольническая же контора доставила комиссии и канцелярию, которую составляли секретарь и приказные смотрители конторы; к ним прибавлены были только один подканцелярист и один копиист из обретающихся не у дел (Д. 1, протокол 18 сентября 1738 года). Вообще можно сказать, что следственная комиссия была та же Раскольническая контора, только временно пополненная, ввиду возложенного на нее специального дела, несколькими служащими; даже помещение у обоих учреждений было общее (Д. 14. Л. 111, доношение караульного капрала). Содержание караула в помещениях колодников и сыск привлекаемых к следствию московских жителей были возложены на особую состоявшую при комиссии военную команду, весьма, впрочем, малочисленную (Д. 1, протокол 11 марта 1744 года): 60 человек колодников, приговоренных к ссылке, комиссия находила затруднительным содержать под караулом до отсылки в своем помещении «за малолюдством солдат».

Ближайшим образом комиссия была подчинена Кабинету министров и Тайной канцелярии, которая из Петербурга руководила следствием – была, так сказать, органом последней. Все приговоры комиссии подлежали утверждению Тайной канцелярии, которой они сообщались в форме «мнений», прилагавшихся к экстрактам. «О оставшихся за тою отсылкою (отсылкою в Петербург 13 подсудимых) колодниках, что по следствию явилось, также и что ж сверх того вновь оговорных людей сыскано и по следствию, в чем кто приличились, о том по присланным от его графского сиятельства С.А. Салтыкова указом в С.-Петербург в Тайную розыскных дел канцелярию к решению посыланы экстракты, и решения чинены по докладу оной Тайной канцелярии в Кабинете ее и [императорского] в[еличества] также и в той Тайной канцелярии, с которых решительных определений из канцелярии его ж графского сиятельства в комиссию раскольническую для исполнения

присланы копии, по которым в той комиссии и исполнение чинено» (Д. 1, протокол 18 сентября 1738 года; о сообщении Тайной канцелярии экстрактов со мнениями см. протоколы 1734 года 28 марта и 4 ноября, 1738 года – 6 июля, 26 июля, 31 августа). Тайная канцелярия вмешивалась в частности следственной процедуры – по ее определению производились розыски (Д. 1, протокол 11 апреля 1734 года) и дополнительные распросы подсудимых (Д. 1, протокол 1 сентября и 30 октября 1736 года). В ее же ведении, собственно говоря, были суммы, скопившиеся в комиссии от продажи конфискованных имуществ: ведомости о проданном по определению кабинета пересылались в Тайную канцелярию, а самые деньги – в ее Московскую контору (Д. 1, протокол 13 января и 20 июня 1735 года; Д. 17. Л. 1).

Синод и Сенат скорее наблюдали за деятельностью комиссии, чем руководили ею. Первый, имевший, понятно, достаточное основание интересоваться ходом следствия, которое долженствовало раскрыть сущность и размеры недавно возникшего сектантского движения, требовал от комиссии ежемесячных рапортов и подробных экстрактов. Сведения о сектах, представлявшиеся Синоду особенно важными, собирались путем допросов подсудимых по составленным в Синоде пунктам (числом 22), которые имели целью выяснить преимущественно культ христовщины, способ ее распространения и отношение ее к расколу (см. Д. 2, экстракт 8; Д. 6). Комиссия, впрочем, относилась к исполнению требований Синода довольно небрежно. В начале следствия экстракты доставлялись исправно (от 1733 года их дошло пять, см. Д. 2), с 23 же октября 1733 года отсылка из прекратилась до 23 июля следующего года «за производением по определениям в Кабинете ее и [императорского] в[еличества] о содержащихся в оной комиссии колодниках следствия и за чинившимися им розысками и за сочинением из оного следствия экстрактов и к решению приговоров, также и за рассылкою оных колодников в ссылку» (Д. 2, доношение Синоду от 23 июля 1734 года). Последний из дошедших до нас экстрактов помечен 24 июля 1734 года. По-видимому, в этом же году прекратилось и допрашивание подсудимых по синодским пунктам, – по крайней мере, в уцелевших делах 1735 и 1736 годов о нем уже нет помину.

Сенат, которому также периодически доставлялись комиссией экстракты (см. Д. 2), оказывал еще менее влияния на ее деятельность. По указу от 15 января 1733 года комиссия должна была приступать к розыскам не иначе как по сношению с Сенатом (Д. 2,

выписка при доношении Синоду от 23 июля 1734 года), но de facto, по-видимому, в вопросах о розысках решающий голос принадлежал не ему, а Тайной канцелярии и Кабинету министров. Нам известны только два случая вмешательства Сената в дела комиссии: в первом по указу Сената было освобождено шесть привлеченных к суду, но оказавшихся невиновными (Д. 2, экстракт 2), во втором – по указу Сенатской конторы два колодника были временно освобождены под расписку (Д. 15. Л. 26).

Судопроизводство комиссии вращалось в обычных формах уголовного следствия того времени. Участие в процессе духовных членов, которым вменялось в обязанность увещевать подсудимых, чтобы показали истину (Д. 2, выписка при доношении Синоду от 23 июля 1734 года), было, по-видимому, весьма незначительное и чисто формальное: единственный в сохранившихся делах случай, в котором проявилось оно, – это определение архимандрита Кирилла о снятии монашеского сана с двух преданных суду монахов (Д. 1, протокол 7 сентября 1736 года); вероятнее всего, что деятельность духовных присутствующих ограничивалась участием в составлении доношений и экстрактов, представлявшихся Синоду. Данных для характеристики деятельности светских судей сохранилось очень немного, но, насколько можно было судить по ним, она не отличалась особенною жестокостью, какая была присуща второй следственной комиссии. Розыски в процессе 1733–1739 годов были, по-видимому, редки; в большинстве случаев они заменялись битием плетью при расспросах и очных ставках, иногда повторявшихся несколько раз (в известных нам делах пытка не была употреблена). Трех «указным» розыскам и жжению огнем подверглись сравнительно немногие: насколько известно, мастер московской парусной фабрики Лаврентий Ипполитов и венецкий рассыльщик Федор Карманов (Д. 1, протокол 4 марта 1734 года), монах Савватий Струков и вкладчица Варсонофьевского монастыря Марфа Павлова (Д. 2, экстракт 12). Об условиях, в каких находились содержащиеся по комиссии колодники, известно очень немного. Из дела № 6 (Д. 14 по действующей описи. – К. С.) узнаем, что в 1735–1736 годах в нижней палате помещения, занимаемого комиссией, содержалось 47 человек колодников обоего пола, что они были чрезвычайно скучены и страдали от тесноты и духоты: здесь были и колодники, содержащиеся по делам Раскольнической конторы. Комиссия сама сознавалась, что колодничья палата была слишком тесна и неудобна, и отпускала

подсудимых по несколько человек за раз на поруки до решения дела «за утеснением колодников» (там же. Л. 112–127; Д. 1, протокол 5 января 1736 года). Но весьма вероятно, что колодники – если только их не сдавали для содержания в Сысской приказ или Тайную контору – размещались по обывательским дворам, как было во время следствия 1745–1752 годов; особенно необходимо должна была представляться эта мера в начале процесса, в 1733–1734 годах, когда число колодников было весьма значительно. Процент смертности подсудимых, который мог бы лучше всего характеризовать их положение, остается неизвестным. С начала следствия по 23 июля 1734 года умерло 30 человек, но нет возможности определить цифру содержавшихся в этот промежуток времени колодников (см. Д. 2, экстракт 12).

Деятельность комиссии продолжалась более семи лет. Наибольшего развития достигла она в 1733–1734 годах. В 1733 году сектанты сыскивались целыми крупными партиями: к взятым по доносу Караулова 78 чел. с мая присоединилась партия в 62 чел., взятых по указыванию явившегося собою в комиссию крестьянина Ярославского уезда села Махалева Ивана Андреева Беспалова: вина ему была отпущена по определению Тайной канцелярии (Д. 1, протокол 28 марта 1734 года и 24 августа 1736 года). По 24 июля 1733 года было сыскано 222 чел., по 24 апреля 1734 года постановлены приговоры о 200 чел. (определения от 15 ноября и 17 декабря 1733 года, 23 января, 4 марта и 24 апреля 1734 года; см. Д. 2, экстракты за 1733–1734 годы). С начала 1735 года размеры процесса начинают сокращаться – число осужденных за 1735–36 годы не превышает 33 (Д. 1, протоколы 1735 и 1736 годов). В сентябре 1738 года комиссия нашла возможным ходатайствовать перед Тайной канцелярией о прекращении своей деятельности и передаче оставшихся дел и колодников в какое-либо другое учреждение (Д. 1, протокол 28 марта 1738 года), и 28 марта 1739 года следствие по некоторым нерешенным делам было передано Раскольнической конторе (Д. 1, протокол 28 марта 1739 года), которая и продолжала его в 1737–40 годах.

За все время процесса было осуждено 303 человека. Из них 301 чел. поименованы в известии, сообщенном Раскольнической конторе в мае 1745 года 2-й следственной комиссии, в котором помещены реестры осужденных по 1-й комиссии и несысканных оговорных; сведения о двух не вошедших в этот список осужденных, Спиридоне Лупкине и Авдотье Лопухиной, находим в делах комиссии (Д. 2, экстракт 12; Д. 3. Л. 1–9). К смертной казни было приговорено пять

человек: старица Ивановского монастыря Настасья Карпова, иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет Муратин и Тихон Струков (по определению кабинет-министров), монах веневской Богоявленской пустыни Савватий Струков и вкладчица Варсонофьевского монастыря Марфа Павлова (по определению комиссии). Дальнейшими мерами наказания были: 1) наказание кнутом, урезание языка и ссылка на работы, 2) наказание кнутом и ссылка на работы или на жилье, 3) наказание плетью и ссылка в монастырь или возвращение на место жительства. К последнему наказанию приговаривались бывшие на одном сборище. Для тех, которые по следствию оказывались не явившимися к духовным властям с повинными доношениями в указный срок, мера наказания повышалась на одну ступень (Д. 13. Л. 602–610). Приговоренные к ссылке посылались в Сибирь в разные города, остроги и монастыри и в Оренбургский край (см. Д. 2, экстракт 12; Д. 13, выписка в экстракте на Л. 492–601). По первой категории было осуждено 11 человек, по второй – 225 человек, по третьей – 61 человек (двум малолетним крестьянским девкам плети были заменены розгами). Без наказания была сослана в дальний монастырь (Свияжский Предтечев) одна Авдотья Лопухина. Число признанных по суду невиновными и оставленных в подозрении неизвестно.

Несысканных оговорных, о явке которых с повинными доношениями известия в Раскольнической конторе не имелось, показано в списке 150 человек.

Приложение 2

СЛЕДСТВЕННАЯ О РАСКОЛЬНИКАХ КОМИССИЯ 1745–1757 ГОДОВ И ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Причины возникновения комиссии. Состав и подчиненность ее высшим учреждениям. Помещения комиссии. Отношение к Синоду. Порядок следствия и судопроизводства. Степень и характер участия в них духовных и светских членов комиссии. Суровость следствия и влияние его на показания подсудимых. Результаты следствия.

Преследование христовщины в 1745 году началось при обстоятельствах, аналогичных с обстоятельствами возникновения процесса 1733–39 годов. Секта открыта была и на этот раз благодаря профессиональному сыщику из воров Ивану Каину; первые аресты были произведены по распоряжению светской власти, московского главнокомандующего генерал-аншефа Василия Яковлевича Левашова; следствие на первых порах велось светским учреждением – Московскою конторой Канцелярии тайных розыскных дел. В делах комиссии не сохранилось отчетов об арестах, произведенных по указыванию Каина, и ход их на основании этого источника мы можем выяснить только отчасти, сопоставляя рассеянные там и сям отрывочные данные. В сопровождении Каина и доносительницы Федосьи Яковлевой командированный Левашовым полковник 1-го московского полка Ушаков 8 февраля арестовал Якова Фролова с женой и сыном и купца Павла Прянишников; в доме Фролова – в Рогожской ямской слободе – был захвачен и известный учитель Василий Степанов (РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 7. Дело по промемории следственной о воре Каине комиссии. Л.12; Д. 13. Дело о купце Алексее Коротневе)¹.

1 Публикация по: *Нечаев В.В.* Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 96–107.

Вскоре (в каких именно числах февраля – неизвестно) последовали аресты в Варсонофьевском и Ивановском монастырях и в доме юрода Андреяна Петрова. Последний вместе с проживавшим у него отставным капитаном Смурьгиным был захвачен в Петербурге, куда уехал незадолго до московских арестов. В феврале же были сысканы в Тайную канцелярию – которая задержала Андреяна – оговоренные им просвиряк Чудова монастыря Варлаам Шишков, купец Иван Савельев, матросский сын Максим Васильев, Варсонофьевского монастыря игуменья Иринарха Михайлова, старицы: Назарета, Серафима и Александра Юдины, Ефросинья Памфилова, Ироида Андреева, Александра Васильева, Елизавета Пименова, Евпраксия Иванова, Есфирь Игнатьева, белицы: Акулина Родионова, Настасья Максимова и Настасья Макарова (см. Д. 15. Л. 26). Следственная комиссия организовалась не сразу. На первых порах следствие было ведено в Тайной конторе единолично присланным из Петербурга советником Берг-коллегии Василием Казариновым; в помощь ему 7 марта 1745 года были назначены два ассессора Артиллерийской конторы Алексей Гринков и Сыскного приказа Афанасий Сытин (Д. 1, указ № 1). С 17 марта к светским присутствующим были прибавлены духовные: указом Синода от этого числа «для увещания суеверствующих (сысканных сектантов) от заблуждения по обычаю церкви святой духом кротости» были определены ректор Славяно-греко-латинской академии архимандрит Заиконоспасского монастыря Порфирий Краинский и священники: Архангельского собора Антипа Мартинианов и Спасской, что в Чигасах, церкви Иван Иванов (Д. 1, указ № 15); эти священники, впрочем, вскоре – уже в июне – были заменены священником церкви Богородицы Гребневской Степаном Ананьиным и церкви Спаса во Спасском Петром Павловым (Д. 28. Л. 3).

В марте комиссия эта еще не была выделена официально из состава присутствия Тайной конторы – Сенатская контора посылала ей указы на имя «определенного в Москве в Тайной конторе для следствия о содержащихся в богопротивных сборищах колодниках Василья Казаринова», сама комиссия в сношениях с другими учреждениями писалась Тайной канцелярии конторою (Д. 1, указы № 12, 17, 102), и только в начале апреля Казаринову с товарищами дано наименование «следственной в Москве о раскольниках комиссии» (Д. 1, указ № 60, указ Синода от 4 апреля, № 82, указ Сенатской конторы от 9 апреля). В продолжение процесса

состав присутствующих не раз подвергался изменению. 24 декабря 1745 года на место Казаринова, переведенного в Тайную кантору, был назначен советник Камер-коллегии князь Григорий Шаховской (Д. 1. № 685; в книге указы значатся под номерами по входящей), который, впрочем, недолго занимал место председателя в комиссии: уже 29 мая 1746 года Сенат уволил его, признав возможным ограничить состав светских присутствующих двумя асессорами (Д. 1. № 78, дело 6); из последних в июле 1747 года Сытин был заменен асессором Сибирского приказа Федором Радиловым (Д. 1. № 91, дело 44).

В 1749 году последовало новое изменение состава, вызванное непорядочным поведением и постоянными распрями асессоров. Жалобы на Гринкова начали поступать из комиссии в Сенат в 1746 году, и Гринков удержался на месте на этот раз только благодаря заступничеству Синода, признававшего его деятельность в комиссии полезною «во усматривании некоторой его по церкви святой ревности»: Сенат ограничился объявлением ему с подпискою, «чтоб он в оной комиссии необычайных криков или какой неумеренности не чинил». В 1749 году Радилов доносил Сенату и Синоду о постоянных столкновениях своих с Гринковым, главным образом по поводу редижирования (редактирования. – К. С.) пыточных речей, и заявления его были подтверждены доношениями духовных членов, поданными Синоду. Сенат постановил отрешить обоих асессоров от присутствия в комиссии и определил на место их обретавшихся не у дел полковника Лукьяна Боборькина и коллежского асессора Алексея Яковлева, которые и оставались в комиссии до окончания следствия (Д. 2, указ Сената № 9). Духовные присутствующие менялись три раза. 24 февраля 1746 года Порфирий Крайский был заменен архимандритом Пафнутьева монастыря в Боровске Варфоломеем Любарским; 27 мая того же года назначен вторым присутствующим архимандрит курского Знаменского монастыря Митрофан Шеинков. В 1747 году в июне Варфоломей и Митрофан были заменены архимандритами московских монастырей – Златоустовского Лаврентием и Симона Гавриилом Краснопольским (Д. 2. № 92. Л. 133–136).

Штат приказных служителей комиссии также не был постоянным и терпел различные изменения в зависимости от хода следствия. В марте 1745 года в комиссию были определены секретарь Раскольнической канторы Степан Алексеев и 12 приказных служителей из различных московских присутственных мест (Д. 1,

указы № 1, 2). Вскоре по указу Синода Алексеев был заменен канцеляристом Синодальной экономической канцелярии Львом Федоровым, в декабре 1745 года произведенным в секретаря Московской духовной консистории; в 1746 году, ввиду накопления розыскных дел, т. е. дел, сопровождающихся пытками, в комиссию был определен второй секретарь и потом к двум секретарям в том же году были прибавлены еще два (Лев Федоров, секретарь Синодальной экономической канцелярии Иван Шавров, актуариус Герольдии Петр Буторин, секретарь Сысского приказа, см. Д. 1. № 80, выписка на Л. 829–830). Число приказных служителей к сентябрю 1745 года возросло до 22, но комиссия находила его недостаточным и требовала прибавления еще 11 человек (Д. 1, указ № 292); в 1747 году в ней уже было 12 канцеляристов, 8 подканцеляристов, 17 копиистов; 9 приказных служителей были взяты из Ревизион-коллегии, 4 – из Камер-коллегии, 4 – из Мануфактур-коллегии, 3 – из Вотчинной коллегии, 3 – из Сибирского приказа, 2 – из Московского магистрата, по одному – из приказов Сысского и Судного, Главного магистрата, Канцелярии конфискации, Берг-коллегии, контор: Военной, Комиссариатской, Монетной, Артиллерийской, Корчемной, Провиантской и Раскольнической (Д. 1. № 91, дело 43). С 1747 же года начинается постепенное сокращение штата канцелярии. В этом году два секретаря выбыли из комиссии (к июлю, см. указ № 79), и присутственные места, ссудившие ее своими приказными служителями, начали одно за другим обращаться к ней с требованиями обратной отсылки их на место службы (см. № 91). В 1749 году сенатским указом от 22 июля штат комиссии был ограничен одним секретарем, 5 канцеляристами, 5 подканцеляристами и 8 копиистами, остальных служителей велено было отослать в те места, откуда они были взяты (Д. 2, указ № 16). Жалованье приказным служителям, взятым с нежалованных мест, выдавалось из Раскольнической конторы (Д. 1. № 292). Она же отпускала комиссии и деньги на канцелярские и прочие расходы, единовременно от 200 и 300 р.; эти выдачи за 1745–52 годы составили 8 500 рублей (Д. 1, указ № 576; Д. 2, указ № 72).

Помещалась комиссия в начале следствия в Тайной конторе. 4 апреля 1745 года Синод отвел ей помещение в Спасове-Андроникове монастыре (Д. 1, указ № 60), но едва ли она успела перебраться туда: уже 20 мая Сенатской конторой был отдан ей отписной дом графа Головкина в Красном селе (Д. 1, указ № 129).

Колодники были размещены по обывательским дворам поблизости – в декабре 1745 года под них было занято 105 дворов в Красном селе (Д. 1, указ № 667); подвергаемых пытке указано было ставить в Преображенских слободах, между прочими, в домах матросов парусной фабрики (Д. 1, указы № 60, 249). В 1746 году к помещению комиссии были прибавлены порожние покои в находящемся вблизи от нее лазарете отставного лейб-гвардии батальона (Д. 1. № 91, дело об уплате подрядчику Никулину за произведенные им в лазарете починки договорной суммы); в 1747 году пришлось занять под колодников, в добавок прежним помещениям, еще 92 обывательских двора в Спасской улице (Д. 1, дело 47). Когда именно комиссия перешла из дома графа Головкина в конфискованный ею дом юрода Андреяна Петрова (близ Сухаревой башни, на земле статс-дамы княгини Марьи Юрьевны Черкасской) – неизвестно: в этом помещении застал ее указ Сенатской канторы от 18 октября 1751 года (Д. 2, указ № 67), которым она переводилась с делами и колодниками в палаты Житного двора у Калужских ворот. В 1752 году комиссии вновь был отведен двор Андреяна Петрова, в коем она и оставалась по май 1756 года (Д. 2, указ № 106. Л. 154–155).

Военный караул при комиссии был весьма значителен. В декабре 1745 года караульных солдат при 258 колодниках было 332 (Д. 1, указ № 667). В начале 1749 года на карауле в помещениях колодников и на описных дворах стояло 418 нижних чинов под командой 1 секунд-майора, 2 поручиков, 1 подпоручика и 2 прапорщиков (Д. 2, указ № 7). На офицеров было возложено исправление экзекуторской должности в комиссии и смотрение за описными имуществами (указ № 45, инструкция караульным офицерам, № 103–104).

Комиссия была непосредственно подчинена двум высшим «правительствам» – Сенату и Синоду, которые, как мы видели, в организации ее принимали равное участие. В одинаковой степени была подчинена им и деятельность комиссии, доставлявшей им периодически экстракты и доношения о ходе следствия. Вмешательство Синода было ограничено пределами компетенции духовной власти: на основании указа 19 апреля 1722 года комиссия выносила на его решение экстракты, «по которым касалось токмо о богопротивных сборищах» (Д. 1, указ № 102). Поскольку следствие было уголовным, оно подчинено было Сенату, который, например, в сомнительных случаях решал вопрос о розысках

(см. Д. 2, указы № 26, 43); его утверждению подлежали уголовные приговоры комиссии (Д. 2, указ № 47). Случаев вмешательства Синода в действия комиссии известно несколько. На присылаемые комиссией экстракты он нередко делал замечания, требуя исправления усмотренных в ней промахов, направляя по своим указаниям ведение того или другого подследственного дела: указов такого специального характера дошло до нас не менее одиннадцати (Д. 1, указы 142, 152, 291, 600, 649; указы от 7 апреля и 3 июля 1746 года о составлении форм показной присяги для юрода Андреяна Петрова и Варлаама Шишкова № 3, Л. 92–93; от 21 августа того же года о присылке копий расспросных и пыточных речей лжеучителей, бывших под следствием в Тайной канцелярии № 75; указ от 8 декабря 1747 года по делу о переяславских хлыстах № 80, Л. 892–894; от 24 декабря – по делу о Сергее Осипове № 67, Л. 124; от 30 января 1749 года о изобличении лжеучителей от Священного Писания № 66, экстракт № 95). Предписаний, имевших общее руководственное значение, было менее. К числу таковых следует отнести инструкцию духовным членам комиссии, о которой упоминается в указе от 17 марта 1745 года (Д. 1, указ № 15), указ от 9 марта того же года, которым повелено было: 1) производить всем вступающим колодникам допросы по составленным Синодом пунктам и 2) «усматривать накрепко, чтоб кто из последователей оной ереси под какую защиту и фальшем достойного суждения гонзнуть (избежать. – К. С.) и через то плевелы сея ереси как искры в пепеле остаться, а невинные по напрасным оговорам, – что иногда может по ссорам и злобам причиниться, – истязаны быть не могли» (указ этот *passim* в определениях о розысках и освобождении на поруки), и указ от 22 марта 1749 года об освобождении на росписки до произнесения приговора тех колодников, «до коих, кроме того, что они на оных суеверных сборищах бывали и мольбища свои отправляли, иных важнейших действий, яко то: псевдопророчествий, блудного падения, круговертения с прискакиваем вверх, раздавание же хлеба и воды и прочих подобных тому важнейших вин, не касается» и о приводе таких колодников к соборной церкви к присяге «по напечатанному чину, по которому приемлются обращающиеся от раскола к Святой церкви, прибавя к тому пункт из той квакерской ереси, в которой изъяснить вся их заблуждения именно» (Д. 2, указ № 6).

Тайной канцелярии комиссия была подчинена, по-видимому, только пока следствие производилось в Тайной конторе. Данной советнику Казаринову инструкцией предписывалось присылать в

Тайную канцелярию экстракты со мнениями для решения, но на посылку таких экстрактов нет никаких указаний в сохранившихся делах (указ № 3, Л. 123).

Что касается до судопроизводства комиссии, то, благодаря относительному обилию данных, характеристические черты его выступают перед нами яснее, нежели в процессе 1733–39 годов. Не останавливаясь на общих обоим процессам обычных приемах уголовного следствия, отметим здесь те черты, сообщавшие комиссии ее отличительную физиономию.

В первом процессе функции духовных членов были весьма незначительны, во втором – они гораздо обширнее и имеют очень определенный характер. Роль, в которой выступают представители церкви, чисто служебная; все действия их имеют значение по преимуществу процессуальное, служат средством добывания новых данных для следствия. Состоявшие при комиссии священники увещевали колодников по данной из комиссии инструкции после первого расспроса. Из рапортов, подававшихся ими, видно, что целью этого увещания было главным образом добиться дополнительных показаний: убеждая подсудимого от Священного Писания отречься от ереси и обратиться к церкви, увещатели, «смотря расспросных речей», требовали и указания лжеучителей и согласников и пополнений к расспросу; показания, даваемые при увещании, тут же записывались копиистом (Д. 91, дело 41). Увещание это, собственно говоря, служило введением к процедуре в светском суде: в случае неуспеха его, т. е. неполной повинки подсудимого против всех взведенных на него обвинений, он «отдавался к светскому суду», который и приступал тотчас же к розыску. Но и после предания светскому суду увещания повторялись, иногда – все с той же целью. Таких случаев известно несколько: увещаемы были заболевшие колодники при исповеди (Д. 67. Л. 3, Д. 42. Л. 7 и Д. 66. Л. 81), не виновные на очных ставках с Сергеем Осиповым в принятии от него хлеба и воды с частицами тела и крови младенца (Д. 67. Л. 207), лжеучители: Григорий Артамонов (по распоряжению Синода, см. Д. 80. Л. 892–894) – в 1747 году, Сергей Осипов и Андреян Петров – в 1749 году (Д. 95; Д. 100. Л. 326).

Подобное же процессуальное значение имела церемония принесения покаянной присяги лжеучителями пред собранием колодников 16 июля 1746 года. Форма этой присяги, содержавшей в себе исповедание заблуждений и предание секты анафеме, была

составлена духовными членами комиссии на основании указов от 7 апреля и 3 июля 1746 года о приводе к присяге Андреяна Петрова и Варлаама Шишкова, которые должны были «во удовлетворение пред Богом за свои прегрешения» исповедать: «что один юродствовал пред людьми притворно. А между тем и сквернился, валяясь с некими женами в блудодеянии, а Шишков (который был оных богопротивных сборищ и ересей возобновитель), – что он ту ересь между невеждами паки начал рассеять и тем богопротивным действиям других обучал, утверждая, якобы, те богопротивные действия их были столь душеспасительные, что един только то путь лежит ко спасению, и что якобы ж Дух святой на них во время тех их непотребных мольбищ сходил и говорили будто ж странными языки со предпринятых бессловесных вымыслов своих единого ради богомерзкого и душепагубного лакомства своего, все ложно, и обманно на Духа Святого все лгали, а они бормотали и лепетали, и сами что не знают»; духовным членам комиссии было предписано проследить впечатление, какое имел произвести на собранных колодников этот торжественный обряд «удовлетворения» (Д. 3. Л. 92–93). К присяге приведены были Шишков, Андреян Петров, Яков Фролов и Дмитрий Ефимов (Д. 3. Л. 104–105; Д. 36, Л. 195); содержание присяги, в основе тождественное с формой, изложенной в указах, несколько изменялось сообразно с родом вины лица, которое должно было произносить ее (см. Д. 3. Л. 94–95), и эффект оправдал до известной степени расчет Синода: многие по примеру учителей предали ересь анафеме (все ли собранные – неизвестно), из упорствовавших повинились против уговоров не менее 16 человек.

Другая отличительная черта деятельности комиссии – это крайняя суровость светского суда. В 1747 году розыски проводятся «едва не по вся дни», и комиссия находит необходимым постоянное присутствие при ней двух заплочных мастеров, которых и требует настоятельно из Сыскного приказа (Д. 91. Л. 53).

Неудивительно, что деятельность комиссии производила удручающее впечатление на общество, особенно в низших слоях, тем более что аресты производились весьма неразборчиво и в руки ее легко могли попасть люди, неприкосновенные к делу. Полковник Ушаков, производивший аресты по указыванию Федора и Федосьи Яковлевых, в феврале 1745 года захватил по ошибке в Ивановском монастыре старицу Александру Данилову, которая была освобождена из комиссии только год спустя (Д. 7);

Иван Каин арестовал одного крестьянского мальчика единственно с целью получить от отца выкуп за него (Д. 21).

По оговору беглого солдата Пшонкина безвинно держаны были два крестьянина (Д. 2, указ № 20), по оговору крестьянина Григорья Петрова – 27 человек алатырских крестьян (Д. 2, указ № 82). Тайственность, какою окружены были все действия комиссии (освобождаемые из нее обязывались подписками держать в строжайшем секрете то, о чем их спрашивали), еще более способствовала распространению в народе чувства страха и томительного беспокойства. Явившийся добровольно в Синод оговорной купец Федоров признавался в своем доношении, что бежал из Москвы, увидав у своей квартиры присланную из комиссии военную команду «затем, что слышал прежде народный от той комиссии везде страх, – многих в Москве и из уездов обывателей, иных и безвинно по напрасным от воров оговорам, нечаянно во оную комиссию забирают, что и ему, Федорову, не попасть в нечаянное и безвинное какое истязание» (Д. 2, указ № 25).

На людей, имевших несчастье попасть в руки комиссии, ее образ действий мог иметь только деморализующее влияние. Почти все колодники спешили отречься от заблуждения и изъявить покорность церкви; упорствовавших было очень немного – насколько известно, решились отстаивать свою веру только капитан Смурьгин в Тайной канцелярии (Д. 68. Л. 9–10), Андрей Плотников при увещании в Синоде (Д. 100. Л. 494), Клим Анофриев в застенке комиссии (на виске покаялся, Д. 6. Л. 390–392) и старица переяславского княж-Андреева монастыря Максимилла Максимова при увещании в комиссии же (Д. 79. Экстракт. Л. 660). Но и обращение к церкви, по всей вероятности, было сознательным и искренним только в редких случаях. Самая успешность увещаний, результатом которых почти всегда было немедленное покаяние подсудимого, служит лучшим доказательством их бесплодности в религиозном и нравственном отношениях: зная значение этих увещаний в судебной процедуре, видя в священнике если не такого же палача, какой был светский судья, то его ближайшего помощника, колодник спешил каяться, как спешил виниться и оговаривать других перед повытчиком и ассессором, в надежде облегчить тем свою участь, избежать истязаний. Вообще, искренних признаний нельзя было ожидать от людей, смотревших на своих судей как на гонителей. Более мужественные, как Андреян Петров и Григорий Артамонов, старались даже избегать дачи пока-

заний, притворяясь на допросах немыми; Григорий Артамонов, особенно твердо выдерживавший эту роль, с «презельных» двух розысков ничего не говорил и стал показывать только с третьей пытки (Д. 80. Л. 832–835). Негодование и ожесточение против судей выражалось, впрочем, иногда и более активно. Смурьгин осаждал комиссию устными и письменными жалобами на медлительность следствия и неуместную суровость процедуры. 9 сентября 1748 года он говорил присутствующим: «Аще бы касалось до него какое дело, то б чрез такое продолжение можно б-де ему объявить, а то и доныне не объявляют, а доказательства-де и свидетельства на него и доныне нет, и содержится он, Смурьгин, под караулом, признавает яко напрасно» (Д. 68). В записке, поданной комиссии 30 сентября того же года, он энергично осуждал приемы судей: «Он, Андреян, на меня и на себя показал напрасно (о заклании младенцев в секте), убоясь розысков, за немощь плоти своей; да и не дивно: аще сами Святые Отцы наши, убоясь таких же мук, каковы ныне здесь бывают, и самого спасителя нашего отпирались, а ему, Андреяну, не дивно» (там же). Андреян Петров при расспросе объявил за собою слово и дело и требовал, чтобы его переслали в Тайную канцелярию; комиссия, однако, сама допросила его под пыткой (4 марта 1748 года) и узнала, что «слово и дело кричал он в такой силе: нас-де спрашивают в комиссии об убийстве (разумея, вероятно, допрос о найденном во дворе его зарытом под печью трупе), а сами убивают людей: караульный солдат сказывал ему, Андреяну, в 1747 году, что при расспросе в комиссии был засечен до смерти взятый мужик» (Д. 68. Л. 180–184). Весьма вероятно, что заявление Андреяна имело некоторое фактическое основание: 26 сентября 1747 года, спустя неделю после расспроса под плетью, умер колодник крестьянин Тихон Яковлев (см. Д. 88). Особенно ненавистным должен был представляться подсудимым асессор Гринков. Мы уже видели, что он плохо уживался и с товарищами своими по присутствию, которые постоянно жаловались на его сварливый и буйный нрав. Но это был человек, по-видимому, не свободный и от упрека в пристрастности: в октябре 1748 года, вследствие заявленного колодником Еремеем Хреновым подозрения на Гринкова, асессор Радилов отказался присутствовать вместе с последним при розысках по делам, касавшихся Хренова (см. Д. 66. Л. 58–62); Андреян Петров перед присутствием 5 февраля 1748 года решился заявить, что данное им несколько дней назад показание было совершенно искажено

в письменной передаче по указаниям Гринкова (Д. 67. Л. 142). О жестокости Гринкова дают понятие приговоры его, занесенные в поданные Синоду экстракты: во всех случаях, где он расходился во мнениях с товарищем своим Радиловым, предлагаемые им меры наказания были выше, причем иногда мотивом приговора было лишь подозрение («немалое сумнение»), которое Радилов не решался признать основательным. Во мнениях о княжне Дарье Хованской, крестьянах Антоне Иванове, Фекле Григорьевой, Афимье Бочаровой (Д. 100, экстракт 1), Андрее Андрееве, Егоре Иванове, Мавре Григорьевой, сыне Барашевского мещанина Петра Васильева Осипова и старице Никитского монастыря Евдокии Григорьевой (Д. 100, экстракт 2), не были допущены Гринковым смягчающие вину обстоятельства, указанные Радиловым; но по подозрению, при недостаточных уликах нашел он возможным осудить старицу Ивановского монастыря Дорофею Антонову (Д. 100, экстракт 1), крестьянку Татьяну Тимофееву и купца Ивана Кононова (Д. 100, экстракт 3), при отсутствии каких-либо изобличающих показаний – служительницу княжны Хованской Аксинью Петрову (Д. 100, экстракт 1). В задержании колодники утрачивали и те добрые качества, которые по преимуществу воспитывались в них сектантской моралью. Вопреки известным заповедям: «Вина и пива не пить, где песни поют, не слушать, где драки случаются, тут не стоять и не браниться», содержащиеся в Спасской улице колодники предавались разгулу: «От колодников и караульных солдат, – жаловался комиссии в 1747 году священник церкви Спаса во Спасской, – происходят обывателям немалые обиды, и колодникам солдаты приносят вино, и бывают те колодники пьяны и в пьянстве своем чинят великие крики и шум, а солдатство пляски чинят и песни поют» (Д. 91. Л. 58). Не лучше товарищей своих по заключению оказался и лжеучитель Варлаам Шишков, в пьяном виде покушавшийся бежать в декабре 1740 года (Д. 95. Л. 1).

К концу 1748 года следствие по важнейшим делам было закончено, и комиссия приступила к постановлению приговоров, которые в форме «мнений» предлагались на утверждение Синоду в экстрактах; те же экстракты сообщались Сенату «во известие». В 1748 году 13 декабря были представлены 3 экстракта о 114 чел. (2 особые экстракта о Сергее Осипове и Иване Чуркине), в 1749 году: 20 января – один экстракт о 70 чел., 15 марта – один же о 61 чел., 21 июня – два о 73 чел., 2 августа – один о 44 чел.,

22 сентября – один о 24 чел., 10 октября – пять о 20 чел. (четыре особые экстракта об Андреяне Петрове, Варлааме Шишкове, купце Буркове и строителе Санакарской пустыни Иоасафе), 1 декабря – один о 9 чел.; в 1750 году: 7 февраля – два о 14 чел., 30 июля – один о 4 чел., 30 августа – один о 12 чел.; в 1751 году 13 июля – один о 14 чел.; сверх того было передано в епархиальные суды следствие о содержащихся в комиссии колодниках: 20 января 1748 года – о 4 чел., 25 июля 1749 года – о 8 чел. (Д. 2, указ № 47, Д. 100. Л. 110–111, 666). Из этих экстрактов не сохранились: экстракты о С. Осипове, И. Чуркине, Андреяне Петрове, В. Шишкове, Буркове и Иоасафе, экстракт от 7 февраля 1750 года о 3 чел., от 30 июля того же года о 4 чел. и экстракты по делам, переданным в епархиальные суды. В сохранившихся экстрактах поименовано 446 человек.

Духовные члены комиссии не нашли возможным ни одного из подсудимых подвергнуть церковной каре, т. е. клятве и отлучению от церкви, определение рода и меры наказания предоставлялось поэтому светскому суду, с которым духовные присутствующие и сходились во мнениях в большинстве случаев; немногим осужденным сверх уголовного наказания было назначено церковное покаяние в виде «крестообразного лежания» в церкви в течение года. Светские судьи постановляли приговоры на основании Соборного Уложения 1 гл. 1 пункта, 10 гл. 232 п., 21 гл. пп. 9, 10, 38, 63 (о наказании воров и разбойников), указа 16 августа 1663–1655 года об отпущении вин самоявившимся татям и разбойникам, 87 новоуказной статьи 177 года, Морского Устава 4 кн. 1 гл. §§ 2, 3, 5 (о наказаниях за богохульство) и указа от 7 августа 1734 года. Известно 414 приговоров: в дошедшей до нас копии экстракта от 20 января 1749 года не достаёт 45 приговоров, но 11 из них узнаем из списка освобожденных на расписки (Д. 100. Л. 563–596); в этом же списке находим мнения о купце Буркове и строителе Санакарской пустыни Иоасафе, экстракты о которых не сохранились. Было приговорено:

- а) к публичному сожжению в срубе 5 чел.²;
- б) к смертной казни 26 чел.;
- в) к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке 18 чел.;
- г) к наказанию кнутом и ссылке 171 чел.;
- д) к наказанию плетьюми и ссылке 17 чел.;
- е) к наказанию плетьюми и отдаче в солдаты и матросы 38 чел.;
- ж) к наказанию плетьюми и ссылке в монастырь на исправление 5 чел.;

з) к наказанию плетьюми и отдаче на прежнее жилище 78 чел.;
и) к наказанию плетьюми и выдаче замуж за правоверующих 9 чел.
Без наказания освобождено и разослано по монастырям 28 чел.
Различные мнения были поданы о 19 человеках.

Менее виновные, по силе синодского указа от 22 марта 1749 г., были приводимы к присяге в Успенском соборе и освобождаемы на поруки до постановления приговора. С 16 апреля 1749 г. по 6 августа 1752 г. принесли присягу 292 чел. (Д. 100. Л. 81–109).

По внесенным комиссией экстрактам определение в Сенате было учинено 30 апреля 1752 г. (см. Д. 106. Л. 75–76); приговоры комиссии, как видно из указа 9 декабря 1756 г., были Сенатом значительно смягчены, – сожжение в срубе и смертная казнь были заменены кнутом и ссылкой в Рогервик. По приведении сенатского приговора в исполнение комиссия продолжала существовать еще несколько лет в ожидании указа Синода о колодниках, подлежащих отсылке в монастыри (Д. 106. Л. 172–174); в конце 1756 г. указ этот состоялся, и комиссия с делами в 1757 г. была переведена из дома Андреяна Петрова – уже крайне ветхого – в помещение Раскольнической конторы (Д. 106. Л. 178–179, 188–191, 234), где и заседала в продолжение всего 1757 г., хотя деятельность ее за сдачею дел в архив Раскольнической конторы могла уже считаться прекратившеюся.

Приложение 3

СТАТИСТИЧЕСКИЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О «СЕКТЕ ХЛЫСТОВ»¹

Содержащиеся в делах следственных комиссий материалы для статистики и топографии хлыстовской секты дошли до нас не вполне; утрачена значительная часть наиболее ценных источников – следственных дел и экстрактов, доставлявшихся комиссиями высшим правительственным учреждениям. Но если нужно отказаться от мысли установить цифру открытых комиссиями сектантов, если ощущаются пробелы в топографических данных, то мы не лишены возможности выяснить по крайней мере в общих чертах сословный состав и топографию секты. Эту возможность дают нам сведения об осужденных по обоим процессам, содержащиеся в списке подвергшихся наказанию по приговору первой комиссии (РГАДА. Ф. Дела Раскольнической конторы 11408/46) и экстрактах, внесенных второй комиссией на решение Синоду в 1748–52 гг. (РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 100). Выводы, основанные на этих источниках, до известной степени дополняются и комментируются данными, извлекаемыми из следственных дел и различных экстрактов.

По списку, сохранившемуся в делах Раскольнической конторы, осужденных по первому процессу насчитывается 301 человек; к этой цифре следует добавить, на основании других источников, еще 2 человека: Спиридон Лупкин (Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–9) и Авдотья Лопухина (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2. Экстракт 12), следовательно, общее число осужденных было 303 человека.

По классам общества распределялись они следующим образом:

монахов было	19
стариц московских монастырей	57
вкладчиц	4
дворянка	1

1 Публикация по: *Нечаев В.В.* Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 160–169.

купцов и посадских людей	31
фабричных и ремесленников	20
солдат и солдаток	5
сын церковного сторожа	1
крестьян	163
без точного обозначения звания	2
(из них один «шведской нации» Игнатий Андреев; сведений о нем в делах комиссий не сохранилось)	

Крестьяне, следовательно, составляли 53,8% осужденных, на втором за ними месте были монашествующие (считая и вкладчик), на долю коих приходится 25,08%².

Топографическими данными, содержащимися в списке, нужно пользоваться с некоторою осторожностью. Перечисленные в нем крестьяне все расписаны по уездам, селам и деревням, но заключать на основании этих указаний о занесении христовщины в те или другие местности не всегда было бы правильно: крестьянин известного уезда мог проживать в другой местности и принадлежать к утвердившейся в ней общине, как, например, нам известно относительно нескольких крестьян разных уездов и вотчин, посещавших только московские сборища; при распределении сектантов по областям и общинам мы не должны, следовательно, основываться исключительно на данных списка – необходимо привлекать по возможности и указания, сохранившиеся в других источниках, в иных же случаях, где такие указания отсутствуют, приходится совсем отказаться от определенного решения.

Во всяком случае, ясно, что первое место в списке местностей, охваченных сектантским движением, должно принадлежать Москве, на долю которой приходится 126 человек, т. е. около 41,6% осужденных: цифра, которая может быть только ниже действительной, потому что, выводя ее, мы не считали крестьян, *вероятно* принадлежавших к московской общине. Цифру эту составляли:

монахи:	
Высокопетровского монастыря	5
Донского	2
Симонова	1

Чудова	
старицы:	1
Ивановского монастыря	21
Никитского	20
Егорьевского	11
Рождественского	4
Варсонофьевского	1
белицы Варсонофьевского, Никитского и Рождественского монастырей	4
дворянка (Авдотья Лопухина)	1
купцы и посадские люди	21
сын церковного сторожа (церкви архидьякона Евпла)	1
фабричные и ремесленники	19
крестьяне разных вотчин	14

Второе место занимает Московский уезд с 61 крестьянином:

из дворцовой Домодедовской волости	1
деревни Асеевой	2
села Воробьева	1
из дворцового села Коломенского	3
села Мячкова	2
села Никольского	1
села Павшина	4
села Троицкого-Голенищева	3
дворцовых стадных конюхов, жен и детей их	5
из вотчин цесаревны Елизаветы Петровны	
приселка Гольянова	2
из вотчины Кириллова монастыря	
сельца Елгозина	7
Адроньева монастыря села Карачарова	2
Симонова монастыря деревни Коробовой	1

из вотчин разных помещиков:

деревни Загорья	1
деревни Настасьина	2
села Перхушкова	2
деревни Сакиной	2

деревни Суковой	3
деревни Таганкова	2
деревни Толстые Пальцы	9
деревни Ямищ	6

На Ярославский уезд приходится 27 человек:

ярославцев	2
крестьян помещичьих деревни Ананьиной	4
села Антипьева	1
деревни Бурцевой	1
деревни Борисовой	7
села Костенева	2
деревни Леонтьевой	1
села Михальцева	1
деревни Поздеевой	2
деревни Пукининой	2
села Сельца	1
Юхотской волости	1
монастырской деревни Даниловой	1
вотчины Симонова монастыря, без обозначения деревни	1

На долю смежных уездов приходится:

Костромского – 5 крестьянских дворов;
Углицкого – 7 монахов Кассиановой пустыни, что на Учме,
5 крестьян вотчины этой пустыни;
Переяславль-Залесского – 2 крестьянина;
Ростовского – 3 крестьянина.

Южнее Москвы христовщина утвердилась в уездах *Веневском* и *Коломенском*. В числе осужденных было:

веневских постоянных обывателей	8
монахов Веневской Богоявленской пустыни	3
крестьян Веневского уезда села Ясенок	5
коломенских обывателей	2
крестьян Коломенского уезда	2

Относительно большинства показанных осужденных нам достоверно известно, что они принадлежали к общинам, утвердившимся в местностях, где они были показаны проживавшими. Московские сектанты группировались вокруг нескольких центров, служивших местами молитвенных собраний. Такими центрами были женские монастыри: Ивановский, Варсонофьевский и Никитский, дома: Прокофья Лупкина на Швивой горке в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Болвановке, Семена Мелоскина под Новодевичьем монастырем в Кочках, посадских людей Ивана Никитина, Иоакима Федорова и Бориса Калашникова в Кудрине, ямщиковой дочери Марии Анкудиновой (умершей до начала следствия) в Дорогомиловской ямской слободе, купца Степана Яковлева за Пречистыми воротами, дворового человека князя Б. Голицына Алексея Иванова на Шаболовке, хлебника Алексея Перфиньева (несысканного) за Серпуховскими воротами и мастера казенной парусной фабрики Лаврентия Ипполитова в Преображенской слободе (см.: Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракты 1–9; Д. 13. показание фабричного Лариона Иванова, протоколы 1734 года № 1 и № 7). В уезде Московском собрания происходили в деревне Толстых Пальцах в доме крестьянина Осипа Денисова, в селе Троицком-Голенищеве в доме братьев Корниловых (с самого начала столетия), в селе Воробьево у Алексея Трофимова (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракт 2–3), в деревнях Асеевой и Воеводиной, селах Никольском, Елгозине (Д. 13), Коломенском и приселке Гольянове (Ф. 302. Оп. 1. Д. 100, экстракт 88).

В Ярославском и Углицком уездах центрами секты были: деревня Харитонова, село Никольское, деревни Данильцева (вотчины Симонова монастыря), Бурцева, Ананьина, Попкова и Костенева (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракт 9). Среди крестьян обоих уездов христовщина распространилась из одного источника и, по-видимому, задолго до начала следствия: Лупкин, Еремей Бурдаев и братья Ильины (села Никольского Ярославской губернии), в 1717 году захваченные архимандритом Андроником на сборище в деревне Харитоновой Углицкого уезда и бывшие под следствием в Углицком духовном правлении, были пропагандистами и в Ярославском уезде (Полное собрание законов Российской Империи. IX. 6613). Иное происхождение имела хлыстовская община в Кассиановой Учминской пустыни, игумен коей Варлаам вступил в секту еще в бытность свою бельцом в Веневе, а монахи до поступления в мона-

стырь принадлежали к московской общине (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракт 9). Хлысты переяславские, костромские и ростовские, по всей вероятности, примыкали к общинам смежных уездов. Сектантские кружки, возникшие ко времени второго следствия в переяславских женских монастырях и монастырских вотчинах в Переяславском уезде, представляют явление новое и происхождения неместного: начало им было положено уже в 40-х годах москвичом Григорием Артамоновым (Ф. 302. Оп. 1. Д. 80. Л. 647–746).

Значительным центром, как показывают приведенные выше цифры, был Венев. Здесь, в доме посадского человека Герасима Муратина, ежегодно бывали довольно многолюдные собрания; Муратин был в сношениях (т. е. был знаком. – К. С.) с Настасьей Карповой и Семеном Мелоскиным, которые нередко езжали к нему; кружок, группировавшийся вокруг него, возник в самом начале столетия (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракт 9. Показания игумена Кассиановой пустыни Варлаама, Д. 1. Протокол 4 марта 1734 года). Другим местом собраний был дом посадского человека Семена Миляева, у которого в 1725 году было захвачено на сборище 20 сектантов (Коломенское духовное правление, сняв с них допросы, вскоре освободило их на расписки, см. протокол 1736 года № 20, 22, 29). Из Венева вышли наиболее видные и, так сказать, интеллигентные представители секты: казенные монахи Тимофей и Савватий Струковы и Филарет Муратин – все родом веневцы; Савватий был монах Богоявленской пустыни (Ф. 301. Оп. 1. Д. 2, экстракт 12), Тимофей и Филарет до перехода в Москву были: первый строителем Богоявленской пустыни, второй – «житенным» Коломенского архиерея (Ф. 301. Оп. 1. Д. 20, выбывшее; Д. 2, экстракт 12. Показания игумена Варлаама). К веневской группе примыкали сектанты Коломенского уезда.

Относительно 47 осужденных мы не имеем достаточных топографических данных. В числе их есть человек «шведской нации», рудных дел мастера жена, отставной солдат, три солдатские жены, остальные – крестьяне разных уездов и вотчин. К каким группам принадлежали эти осужденные, нам неизвестно; в высшей степени сомнительно, чтобы в уездах, к которым крестьяне значатся приписанными, утвердились самостоятельные хлыстовские кружки: на существование таких кружков в уездах Дмитровском, Нижегородском, Олонецком мы не находим никаких указаний в делах обеих комиссий.

Что касается до списка несысканных оговорных, помещенного в «известии» Раскольнической конторы, то для нас представляют некоторый интерес его цифровые данные, хотя, конечно, безусловно полагаться на них нельзя: список этот был составлен на основании показаний подсудимых – следовательно, многие имена могли попасть в него благодаря опрометчивым и злым оговорам, которые были обычным явлением в уголовных процессах прошлого [XVIII] столетия. Несысканных оговорных насчитано в списке 150 человек, из них – прибавлено в конце его – «по силе опубликованного указа в Святейшем Правительствующем Синоде кто явились ли и о винах своих объявляли ль, о том в контору Раскольническую известия не сообщено». Явившихся с повинными доношениями в указе 9 декабря 1756 года (Полное собрание законов Российской Империи. XVI. 10664) показано 112 человек: следовательно, судебного преследования за время первого процесса успели избежать приблизительно 262 сектанта. Топографические данные, содержащиеся в списке, ни в чем не изменяют уже известной нам карты района секты; отметим только, что в списке еще рельефнее выступает первенствующее положение Москвы среди местностей, в коих утверждалась христовщина, – 88 человек, т. е. 58,7% несысканных приходится на долю Москвы.

В экстрактах второй комиссии мы находим сведения о 452 человеках, бывших под следствием. По классам общества они распределились следующим образом:

монахов	9
священник	1
церковнослужителей	4
из семейств духовных лиц	4
стариц	44
блиц, проживавших в монастырях	14
дворян	2
купцов	40
ремесленников и фабричных	7
матросов и матросских детей	7
солдаток и солдатских детей	4
богаделок московских	2
крестьян	313
гулящий человек	1

Топографическая группировка:

Москва – 164 чел.:

монахов Чудова монастыря (просвиряк Варлаам Шишков, иеромонах Варлаам Федотов, иеродьякон Пахомий Федоров, монах Прохор Григорьев)	4
строитель Санаксарской пустыни (теперешней Тамбовской губернии)	1
священник церкви Воскресения в Барашах Петр Васильев с семьей (сестра, жена, сын)	4
пономарь Александровского собора, что над Тайницкими воротами, Дмитрий Ефимов	1
дьячок Петропавловской церкви на Калужской улице	1
псаломщик Петропавловской церкви на Калужской улице вдова сельского дьячка	1
стариц Ивановского монастыря	13
[стариц] Варсонофьевского	11
[стариц] Никитского	6
[стариц] Георгиевского	1
белиц Ивановского	3
[белиц] Варсонофьевского	2
дворян (княжна Дарья Хованская и отставной капитан Тихон Смурьгин)	2
купцов	26
крестьян разных вотчин	67
фабричных	5
матросов и матросских детей	7
солдаток и солдатских детей	4
богаделок	2
ямщикова дочь	1
гулящий человек (чухонец Василий Степанов)	1

Московский уезд – 124 чел.:

строитель Богословской пустыни (Дмитрий Гусев)	1
келейник его (дворовый человек кн. Хованской)	1
монахов Екатерининской пустыни	2
крестьян дворцовой Домодедовской волости	6

[крестьян] дворцового села Алексеевского	2
[крестьян] села Измайлова	1
[крестьян] села Коломенского	10
[крестьян] дворцовой Коломенской волости приселка Братеева	11
[крестьян] деревни Каланца	1
[крестьян] села Котлов	2
[крестьян] деревни Марьиной	2
[крестьян деревни] Ощериной	2
[крестьян деревни] Чагиной	5
[крестьян деревни] Шипиловой	2
[крестьян] дворцового села Покровского	1
[крестьян] села Тайнинского	1
[крестьян] вотчины Е[е]. И[мп.]. Вел. села Гольянова	5
[крестьян] Андроньева мон. села Карачарова	13
[крестьян] деревни Печатников	5
[крестьян] Перервинского монастыря подмонастырской слободы	9
[крестьян] Симонова монастыря деревни Грайворонов	3
[крестьян] деревни Коробов	1
[крестьян] Чудова монастыря деревни Копотни	2
[крестьян] деревни Кутилковой	2
[крестьян] Рязанского архиерея села Зюзина	4
[крестьян] села Рожай (описной вотчины гр. Головкина)	28
[крестьян] помещичьего села Зюзина	2

Ярославский уезд – 71 чел.:

крестьян деревни Ананьиной	2
[крестьян деревни] Борисовой	8
[крестьян деревни] Верховиц	5
[крестьян деревни] Дору	1
[крестьян деревни] Змановой	8
[крестьян деревни] Исцовой (вотчины Кассиановой пустыни)	2
[крестьян деревни] Комаровой	1
[крестьян деревни] Костеневой	2

[крестьян деревни] Лагуновой	1
[крестьян деревни] Малой Ширманки	3
[крестьян деревни] Мошнинской	2
[крестьян] села Нового	6
[крестьян] деревни Поводнева	13
[крестьян деревни] Поздеевки	1
[крестьян деревни] Посираловой	1
[крестьян деревни] Русиновой	2
[крестьян деревни] Старова	1
[крестьян деревни] Судовиковой	2
[крестьян деревни] Чабровой	5
[крестьян деревни] Упруговой	1
дворовый человек	1
стариц Ярославского Богоявленского монастыря	3

Костромской уезд – 2 чел. (кр. дворцового села Красного)
Углицкий уезд – 10 чел.:

монастырских крестьян	2
углицких купчих	8

Переяславль Залесский с уездом – 58 чел.:

стариц Княж-Андреева монастыря	2
покрытая в искус	1
вкладчица	1
стариц Богородицкого монастыря	2
покрытых в искус	3
стариц Федоровского монастыря	6
покрытая в искус	1
белиц	3
крестьян вотчины Борисоглебского монастыря	2
[крестьян] Горицкого монастыря села Соломидова	5
[крестьян] Данилова монастыря села Усоля	17
[крестьян] Никитского монастыря села Городища	1
[крестьян] села Красного	4
[крестьян] Федоровского монастыря	
подмонастырской слободы	3
[крестьян] села Ивановского	2
[крестьян] деревни Конищевой	1
[крестьян] Богоявленского монастыря	
села Ефимьева	4

Владимирский уезд – 6 чел.:

Старинской волости Воскресенской церкви дьячок	1
крестьян Спасо-Златоврацкого монастыря деревни Разлукиной	5

Петербург – 17 чел.:

монах (Николаевского Клобуковского монастыря)	1
купцов	5
посадский человек	1
цеховой	1
крестьян	9

При сопоставлении статистических данных по обоим процессам открываются некоторые изменения в сословном составе и топографии секты, происшедшие во второй половине [17]30-х и первой половины [17]40-х годов. Преобладание крестьянского элемента среди сектантов за это время сделалось еще значительнее: крестьяне составляют около 69% подсудимых по второму процессу, т. е. их число возросло на 15,2% сравнительно с началом [17]30-х годов. Монастыри, видимо, утратили значение главных рассадников христовщины, потому что на долю их приходится только 14,75% осужденных; в частности, особенно заметно ослабление сектантства в монастырях московских, которые выставили лишь около 24,4% московских хлыстов вместо прежних 55,6%. В связи с этими изменениями стоит изменение в топографической группировке – именно большее, сравнительно с началом [17]30-х годов, распространение секты среди крестьянства в области верхнего течения Волги: на эту область приходится более 37,4% осужденных крестьян вместо прежних 24,5%. В Московском уезде численность сектантов почти не изменилась (по первому процессу более 37,4% осужденных крестьян, по второму – 38,3%), в самой Москве упала довольно значительно – на ее долю приходится уже не 41,6%, а около 36% осужденных.

Приложение 4

КОПИЯ УКАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ ОТ 7 АВГУСТА 1734 ГОДА

В прошлом 1733 году, генваря 21 дня, сообщенным Святейшему Правительствующему Синоду в С[анкт-]Петербурге Святейшего Правительствующего Синода в Москве ведением объявлено: оногo-де генваря 15 дня, в сообщенном же во оный Святейший Синод в Москве из Правительствующего Сената ведении написано: в предложении-де в Правительствующий Сенат генерала кавалера, лейб гвардии Преображенского полку подполковника, обер-гофмейстера, и ее императорского величества генерала адъютанта сенатора графа Семена Андреевича Салтыкова, показано: явившийся собою разбойник Семен Караулов доношением объявил, что в Москве имеются четыре дома, в которых-де чинятся непотребности и собираются в праздники по ночам разных чинов люди старцы, старицы и прочие, и из них-де некоторые выбираются начал[ь]никами и садятся в передних местах, а прочие по лавкам и, приходя-де, им кланяются в землю и целуют у них руки и, собирая деньги, отдают, а другие из них пророчествуют. И по тому его, Караулова, показанию означенные разных чинов люди обоого пола семьдесят восемь человек, в том числе старцы и старицы, сысканы и о чем надлежало, следовано, и по следствию-де явилось, что у тех людей наставница была Ивановского девича монастыря, что в Москве, старица Настасья, да две старицы и старец, которые-де приходящих к ним людей прельщали лживыми пророчествами и вместо причастия Святых таин подавали резаный кусками хлеб и из стакана давали пить квас, а иногда-де и воду. И при том ведении для известия

Полное собрание законов Российской Империи. Т. 4. 1733–1736. СПб., 1830. С. 390–395. Указ № 6613 – 7 августа 1734 года.

В рукописной копии XIX века (РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–8 об.) указ, вероятно ошибочно, датирован 7 июня (!) 1734 г.

Святейшему Правительствующему Синоду в Санкт-Петербурге приобщен и экстракт, в котором показаны многие богомерзкие чинимые оными людьми противности. И по определению Святейшего Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге велено об оной богомерзкой противности определенным в Москве в учрежденную ко оному следствию комиссию духовным и светским персонам следовать накрепко.

А февраля 12 числа Святейшему Правительствующему Синоду в Санкт-Петербурге ж того Синода член преосвященный Феофан, архиепископ Великоновоградский и Великолугский, доношением объявил: одного-де февраля 5 дня дому его преосвященства судия и Юрьева монастыря архимандрит Андроник его преосвященству в разговорах о той богомерзкой противности объявил словесно: в прошлом [1]715 году, в бытность его, Андроника, в Ростовской епархии, в Покровском монастыре, что в Угличе, архимандритом и у духовных дел судиею, уведомился он города Углича Димитриевской церкви от попа чрез словесный донос о явившихся тогда в Углицком уезде еретиках, из которых-де в [1]716 году старанием Архимандричьим как мужеска, так и женска пола в поимке было больше 20 человек, которые-де в том Духовном правлении и допрашиваны. А в присланной в Святейший Правительствующий Синод 5 апреля прошлого 1733 года из Дому преосвященного Иоакима, архиепископа Ростовского и Ярославского, при доношении отписке, отысканной в том доме, писанной в прошлом [1]717 году июня 16 дня, к бывшему Ростовскому епископу Досифею (что потом был растрига Демид) от вышеозначенного бывшего в том же году в Углицком Духовном правлении у дел судии Покровского одного архимандрита Андроника показано, что того ж июня 13 дня в Углицком уезде в вотчине Воскресенского монастыря, что в Угличе, в деревне Харитонове, у крестьянина Еремея Бурдаева поймано оным архимандритом Андроником раскольников мужеска пола 11, женска 10, итого 21 человек, в том числе один московский отставной стрелец Прокофий Лупкин, и по привозе-де их в Углич, в том Духовном правлении по допросам показалось, что оный Лупкин производил в богомерзких своих сонмищах злое свое учение, а именно: называл себя яко Христа, а учеников яко Апостолы: и во время-де бывшего у них с теми учениками пения молитв якобы на некоторых из них сходил Дух Святой овогда на двух, овогда на трех человек, и подымало-де их с лавки, и хо-

дили они, скачучи в круг, по получасу и больше, и в то-де время клали на стол калач ломтиками и, отпев молитвы, тем причащались, и прочих-де приходящих к нему всех учил той же своей богомерзкой противности, которые-де ему в том и последовали, и притом же-де говорил, им, якобы тогда уже последнее время, и есть-де Антихрист на земли от монашеского чина, да о последнем же-де времени последовавшие ему ученики слышали еще и от другого такого же еретика, которого-де тогда, также и поныне, в сыску не явилось, что-де Антихрист народился от монашеского чина, и как-де он будет на море, и возьмет Царь-град, и тогда-де наречется Богом. А во учиненном в Угличе в Духовном правлении допросе вышеобъявленного крестьянина Бурдаева показано: вотчины-де Симонова монастыря, Ярославского уезда, Черemoжской волости, деревни Данильцовой крестьянин Никита Сахарников, с товарищем своим Иваном Васильевым, такие же о последнем времени и о Антихристе речи говорили; а понеже из оногo дела показалось, что те чинившие вышеписанные богомерзкие противности, люди явились жители не одного Углицкого, но и других разных мест, и оное злое свое плевелосеяние разсевали не в одном, но во многих местах, как и в прошлом 1733 году, с доноса явившегося собою в Москве вышеупомянутого разбойника Семена Караулова, по следствию в учрежденной о оных противных собраниях комиссии означалось: что в прошлых годах как в Москве, в Ивановском девичьем монастыре, так и в других разных местах, таковой богомерзкой ереси сонмища их бывали, по которому следствию сыскано и собою явились еще сверх вышеобъявленного числа разного звания духовных и светских чинов людей обоего ж пола многое число, о чем и в Санкт-Петербурге, в особливо высокоучрежденной комиссии, в которой присутствие имели Святейшего Правительствующего Синода члены преосвященные архиепископы Феофан Великоноградский и Великолугский, Леонид Сарский и Подонский, Питирим Нижегородский и Алаторский, да господа министры, тайные действительные советники и кавалеры граф Остерман, князь Черкасской да генерал и кавалер Ушаков, и в разных оной комиссии сессиях из допросов привезенных из Москвы, знатнейших упоминаемой ереси учителей и учеников, богопротивных их учения и действия, кроме вышепоказанных явились следующие:

1) собирались мужеский и женский пол с прилежным укрытельством в одно некое место, и обедав в обществе садились по

лавкам – по одну сторону мужеский, а по другую – женский пол, а в начальном месте заседал оной прелести предводитель, муж, или жена, якобы по чину пастырскому;

2) потом, взяв благословение у оной предводительной особы с низким поклонением и целованием руки, по две и по три пары, или с большим числом иные муж с мужем, иные муж с женою, иные жена с женою плясали кругом по избе, как кто мог высоко подскакивая, и сказывали, что на таковое плясание, или паче шатание, подымал их Дух Святой, приводя на то пребезумным развратом оное у Пророка слово Божье: «Вселюся в них и похожду», что глаголал Бог, обещавая верным своим благодатное свое неотступное присутствие, ведущее их на путь спасения, а не так, шальному движению;

3) между тем некие из них палками и цапами бивали себя;

4) а по таковом бешеном бегании, некие же из них – иногда мужеска, а иногда женска пола персоны – будто бы Духом Божиим движимые нечто и прорицали, или паче суесловные и смеха достойные враки и рассказы произносили;

5) хулили брак законный, установленный и благословенный от самого Бога, вменяя ложе брачное нескверным от апостола или паче от Святого Духа нареченное, в скверну и в великий грех, и того ради приходящим в собрание их приказывали неженатым никогда впредь не жениться, а кто женат, разводиться с женами;

6) составили же себе весьма богомерзкою предерзостию и некое проклятое таинство, а именно: принимали и ели из рук предводительных – мужика или женщины – куски хлеба и пили квас, а иногда же и воду, вменяя то, окаянные, за Святое Причастие с явственным Святых Христовых в Евхаристии Таин ругательством и отвержением;

7) они же твердили между собою, якобы таковое их собрание и действие есть крещение, бываемое Духом, а христианское наше крещение водою во имя Святой Троицы совершаемое, которое в себе и дух заключает, раздирая едино таинство надвое, нарицали простым водным и ко спасению недовольным крещением, хулительне блядословля, якобы никто крещеный преданным от Спасителя нашего крещением, если не воспримет и вымышленного вновь от них, безумных мужиков, крещения, отнюдь спасения не получит;

8) во утверждение же толь злосоставного своего и душевредного суеверия ввали прельщаемым от себя человекам, будто бы и

все древние Святые отцы не иным, только от них употребляемым спасались образом, шаркающую свою новость древним спасения путем бесстыдно нарицая;

9) а когда в таковые собрания сходились, мало когда в тот же день и с места того расход их бывал, но всегда почитай все там же и ночевали в одной избе мужеский и женский пол, только, сказывают, по одну сторону мужчины, а по другую женщины, что немалое подозрение подало блудного их смешения, наипаче, когда и одну из числа их старицу обличено, и сама в упомянутой комиссии винулась, что она с мужчиною той же ереси от беззаконного совокупления и младенца прижила, и у старицы Настасьи, которая мерзкие оные соборы созывала, многие кровати во время следования над келию ея под кровлей найдены и тако они, окаянные, весьма дивным развратом в неискusstный ум пришли, законный брак отвергая, а беззаконного смешения не отстая;

10) таковое же по всему скверное свое учение и действие не устрашились, злочестивые, и призыванием имени Божия клятвенно утверждать: ибо всякого первее к ним приходящего, выставив икону, приводили к присяге, дабы клялся, что он предание их яко весьма благочестивое и благоугодное, приемлет и никогда от того не отступит, тако ж, что он тайного их сего злодеяния никому отнюдь не откроет, ниже (даже. – К. С.) духовному отцу;

11) исповедываться у духовных отцов и вне их сословия сущих, не возбраняли, только бы никто тайны их, как выше упомянули, не изъявлял, тако ж и Святого в церкви Причастия не запрещали, каков обычай был у древних манихеев: но то не для чего делали, только вящего ереси своей укрывательства;

12) всего же того толь богопротивного их вымысла не иное у начальников и начальниц намерение было, только, как сами винулись, хитрый воровских прибылей промысл, которые они от прельщаемых грубых человек и получали, и в Канцелярии тайных розыскных дел о той богопротивной ереси следствие чинено ж, и из оной Тайной канцелярии Святейшему Правительствующему Синоду октября 11 дня оногo ж [1]733 года в доношении показано, что присутствующие господа министры, тайные действительные советники и кавалеры граф Остерман, князь Черкасский да генерал и кавалер Ушаков приказали: держащимся в Тайной канцелярии по делу во оных богопро-

тивных соборищах и действиях старицам, что ныне расстриги, Катерине Ларионовой, Авдотье Михайловой, Аксинье Яковлевой, Акулине Ивановой за их важные вины, о чем явно по делу, учинить наказание: бить кнутом и послать в имеющийся в Тобольской епархии близ мужеского Успенского Долматова монастыря, девичь монастырь, для отдания в том монастыре в тяжкую работу вечно по рассмотрению оногo монастыря игуменьи, и из того монастыря никуда никогда их не выпускать и писем ни к кому писать не давать, и к ним никого тако ж и их между собою видеться отнюдь не допускать, которых стариц в тот девичь монастырь, называемый Введенский, по определению Святейшего и Правительствующего Синода в Санкт-Петербурге, и принять, и содержать, против вышеписанного повелено, а некоторые из оных плевелосеятели и развратители христианского благочестия перевозоводчики и наставники весьма за важные и противные их вины и смертию казнены, а именно бывшие Ивановского девичьего монастыря, что в Москве, старица Настасья, а потом расстрига Агафья Карпова, Петровского Высокаго монастыря, что в Москве же, иеромонах Филарет, а потом расстрига Федор Муратин, иеромонах же Тихон, а потом расстрига Тимофей Струков. Того ради Святейший Правительствующий Синод в Санкт-Петербурге в предостерегательство по довольном рассуждении, дабы таковой богопротивной ереси ученицы, и того ведатели, ни едина персона в неведении не осталась, и от того б оная ересь не возростала б в великое, ибо не нечаятельно есть, что и еще оная остатки своя имеет (как о том и по обстоятельству самого дела оногo видно есть), что оногo злодеяния начало произрастает уже из давних лет и не в одном, но во многих местах, плевелосеяние свое имело, и для пресечения и искоренения той богопротивной ереси, письменно благопочтенно и ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице Анне Иоанновне, самодержице всероссийской, докладывал, что не соизволит ли ея императорское величество высокомонаршеским своими повелением распубликовать во всей ея императорского величества Российской империи от Синода указами, дабы оной богопротивной ереси участницы, где оные ни обретаются, и ересиархи их (ежели где суть), также и те, которые хоть и в самых тех богопротивных действиях и не бывали, но иным ком-либо образом, то есть щедроподательствы к ним и другими

вспомоществованиями были им участные и ведавшие, явились с приношением о том вины своей в Синод в Санкт-Петербурге и в Москве, сами собою без всякия боязни, объявив им в тех указах, что по оным их явкам и приношением вин своих ея императорскому величеству, те вины их всемилостивейше будут всеконечно отпущены без всякого истязания, и для того тому положен бы был по соизволению ея императорского величества термин. Вопреки же оного в тех же указах изобразить бы и сие, ежели на определенный термин объявленные люди сами собою не явятся и вины своей не объявят, а после будут сысканы, и за то с таковыми поступлено будет так, как и о волшебниках в состоявшемся в прошлом [1]731 году: и во всенародное известие того ж мая 20 напечатанном ея императорского величества указом объявлено, без всякие отмены. И по тому Синодальному докладу резолюция учинена и собственною ея императорского величества высокомонаршескою рукою подписана следующим образом: «В такой силе напечатав указы, публиковать, определяя срок по генварь месяц предбудущего 1735 года». И по силе вышеобъявленного ея императорского величества за собственноручным подписанием указа Святейший Правительствующий Синод в Санкт-Петербурге приказали: во всей Российской Империи в пристойных местах для всенародного известия и показанной к подданным своим от ея императорского величества высокой милости и благоутробия и дабы неведением впредь кто винный в оном богомерзком деле был в вышепоказанный срок, а именно по генварь месяц предбудущего 1735 года, жители в Санкт-Петербурге и Москве, и из ближних и посредственных расстоянием к тем градам мест – в Синод, а в дальних местах, а именно в епархиях: в Киевской, в Казанской, в Астраханской, в Тобольской, в Архангелогородской, в Черниговской, в Переяславской, в Иркутской, тех епархий жители – тамошним местным архиереям не явятся, и оной вины своей сам собою не принесет, а после того срока сыскан будет, отговариваться ни каковым образом отнюдь не дерзал. О вышеписанном о всем ея императорского величества сим печатным указом из Святейшего Правительствующего Синода и публиковать, кто имяны и каких чинов обоего пола люди из вышепоказанных винных во оных, именно написанных, дальних епархиях, тамошним архиереям, в которых месяцах и числах собою явятся, и тех всех тем архиереям велеть в домах своих

допрашивать всем надлежащем обстоятельно со всякою подлинною очисткою, и те их допросы присылать при доношениях в Святейший Правительствующий Синод в С[анкт-]Петербурге без упущения времени неотменно, и тем явившимся собою показанные от них свои им вины по силе вышеписанного ее императорского величества именного указа, тем архиереям, отпускать, и их нималого времени не держать, токмо при отпуске обязывать их письменно с крепким подтверждением с их рукоприложением, дабы они, что чинили, того отнюдь бы впредь чинить не дерзали под жестоким, за преступление, публичным наказанием и вечною ссылкой, куда указом ея императорского величества повелено будет неотменно.

Подлинный указ печатан в Московской типографии
августа 7 дня 1734 года.

Приложение 5

ДОНЕСЕНИЕ ИГУМЕНА КАССИАНОВОЙ ПУСТЫНИ, ЧТО НА УЧМЕ, ВАРЛААМА САМСОНОВА

Святейшему Правительствующему Синоду
доношение

В прошлых годах назад тому лет с тринадцать, а подлинно не упомню, жил я, богомolec, в Коломенской епархии в Веневском уезде в селе Холтобине при церкви дьячком, а града Венева уроженец из посадских людей монах Филарет да еромонах Тихон прихаживали к нам в село Холтобино и имели со мной разговор, от божественных книг писания, как возможно человеку спасение получить, и сказывали, что-де есть сущая на земли христова вера, аще кто сохранит чистоту душевную и телесную и любовь к ближним; потом привели меня в дом к посацкому человеку Герасиму Муратину на собрание и объявили мне такое дело: ходят во круг, а иные поют святую молитву, и рассуждали мне таким рассуждением, что и в прежние-де времена святые отцы також-де трудились и спасались, а при мне и також-де на собрание ходил, и были мы в таком с ними согласии года с два, а подлинно не упомню, и таковая их вера нам не польстилась того ради, что с Писанием божественных книг не сходна и Церкви Святой противна, и мы того ради такую веру возненавидели и согласия с ними не возымели и знаться с ними не стали, а больше сего показанного за ними ничего не знаем, и нам они не объявили, а от Святыя Церкви не отлучались, на исповедь ходили и Святыя Таин Тела и Крове Христовы причащались, а в нынешнем 733 году февраля месяца были у меня, богомольца, в нашей Кассиановой пустыни в великой пост на исповеди монах Дионисей, монах Иосаф, монах Иосиф, монах Иона, монах Иоиль, монах Феодосей и объявили о себе, что они в бельцах имели раскольническую прелесть, которая противна Святой Церкви, и я их спрашивал, не имелось ли и еще с вами кого

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–3 об., 1733 г. Рукописный подлинник.

в таком согласии, и оные монахи показали: «В согласии с нами бывали Касиановой же пустыни крестьяне Иван Федоров, Михайло Афанасьев, Ларион Арефьев, Естифей Дмитрев», а по монашеском пострижении с ними согласия не имели, и я, богомолец, вышеозначенных крестьян вызывал и спрашивал: «Имеется ль за вами таковая раскольническая прелесть, которая противна Церкви Божией?», и вышепоказанные крестьяне сказали: «За нами-де то имелось и научены были Углицкого уезду вотчины Воскресенского монастыря деревни Харитоновой крестьянином Еремеем Бурдаевым, и оное его учение нам стало неприятно, того ради, что мы усмотрели в нем противность Святой Церкви, и ныне-де мы с таковыми учителя не знаем, и согласия с ними никакого не имеем, и в дома к себе не пускаем», во Святую церковь ходим и по вся годы у отца духовнаго Касиановой же пустыни священника Василья Сергиева исповедываемся и Святых Таин Тела и Крови Христовы причащаемся.

Того ради всепокорно прошу, чтоб повелено было сие мое доношение в Святейший Правительствующий Синод принять. О сем доносит Углицкаго уезду Касиановой пустыни, что на Учме, игумен Варлаам мая 25 дня 1733 году.

Сие доношение писал игумен Варлаам и руку приложил
[подпись]

Приложение 6

РАССПРОС ИГУМЕНА КАССИАНОВОЙ ПУСТЫНИ ВАРЛААМА САМСОНОВА, 1733 ГОДА

На 1 пункт

Отец мой Самсон, Алексеев сын, был попом и служил Веневского уезда вотчины разных помещиков в селе Холтобине при церкви Одигитрии Богородицы и в нынешнем 1733 году Вениамином, епископом Коломенским и Каширским, в Коломне, в Голутвине монастыре, пострижен, в котором живет и поныне, а мать мою звали Степанидой, Иванова дочь, и тому ныне лет семь умре и погребена в оном селе Холтобине при церкви с отцем своим духовным того ж Веневского уезда вотчины Василья Данилова сына Исленьева села Никольского попом Федором Васильевым, а меня, Варлаама, в бельцах звали Вуколом и по возрасту моему я, Вукол, был со отцем своим при оной церкви дьячком лет с десять, и тому ныне лет с двадцать пять я, Вукол, женился Тульского уезду Синодальной вотчины села Богоявленского попа Григорья Иванова на дочери девке Анне, а венчались в том же селе Богоявленском попом Никитой Ивановым по новоисправленным книгам, и со оною женою своею прижил я семерых детей: сыновей Григория, Игнатия, дочерей Татиану, Евдокию, Стефаниду, Домнику, Анну, а молитствованы и крещены вышеозначенным никольским священником Федором, а из тех моих детей сыновья Григорей да Игнатий да дочери Татьяна, Евдокия и поныне живы, а сын Григорей, который ныне монах Гавриил, при мне, Варлааме, а другого сына Игнатия оставил я в Учемском монастыре, а дочери мои были в Москве при матери их, а моей бывшей жене в Георгиевском монастыре Анне, а ныне где, того я, Варлаам, не знаю, а прочие дети мои померли и погребены во означенном селе Холтобине при церкви вышеозначенным никольским священником Федором Васильевым, и в 1723 году посвящен я к той же церкви

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–10 об., 1733 г. Рукописный подлинник.

во дьяконы Варлаамом епископом Коломенским и Каширским, и был 3 года, а в 724 году по общему с женой своей согласию, желая себе душевного спасения, мы разошлись, и жена моя, тому ныне года с четыре, постриглась в Москве в Георгиевском монастыре, а отроду мне, Варлааму, сорок лет.

На 2 [пункт]

В монахи пострижен я, Вукол, в 724 году в сентябре месяце в Тульском уезде в синодальном Николаевском – Венёва – монастыре в бытность архимандрита Тита иеромонахом Игнатием, и при пострижении наречено мне имя Варлаам, и жил я в том монастыре с год, и в 726 году из того монастыря перешел я в город Венев в Богоявленскую пустынь, и в 728 году Коломенским митрополитом Игнатием посвящен в той пустыни в иеромонаха, и жил в той пустыни года с полтора, и в тое свою бытность и сына своего Григория я, Варлаам, по желанию его постриг, и наречено ему имя Гавриил, и в 729 году указом одного Коломенского архиерея Игнатия я, Варлаам, и с сыном своим переведен в город Тулу, в Предтечев монастырь, и жили в том монастыре года с полтора, а из того Предтечева монастыря в 730 году перешел я и с сыном своим в Москву и были в Петровском монастыре с год и больше, и в 731 году, в октябре месяце, посвящен Иоакимом архиепископом Ростовским и Ярославским из того монастыря в Углицком уезде в Кас[с]ианову пустынь, что на Учме, я, Варлаам, во игумена, а сын мой Гавриил во иеродьякона, и с того времени жили мы и поныне в той пустыни.

На 3 [пункт]

Расколу никакого я не знаю и крестное знамение полагаю на себе первыми тремя персты и молитву Иисусову творю по новоисправленным книгам «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», из отцев духовных имел я [сумнительства не имею] до пострижения Веневского уезда показанного села Никольского священника Федора Васильева и по пострижении в Веневском монастыре иеромонаха Игнатия, а в Тульском Предтечевом монастыре иеромонаха Пахомия, а при поставлении во игумена дому ростовского архиерея крестового иеромонаха Питирима, а ныне в Учемском монастыре Углича Воскресен-

ского монастыря архимандрита Гавриила, у которых я исповедывался и Святых Таин в церквах Божиих причащался, а те Святые Таины на землю я не испровергал и поставлял и ныне поставляю за истинное Тело и Кровь Христову и сумнительства в том никакого не имею.

На 4 [пункт]

На противных собраниях был я в городе Веневе тому ныне лет с тринадцать али больше, подлинно сказать не упомяну, поймов в шесть в доме купецкаго человека Герасима Афанасьева Муратина, он же и Павлов, будучи в бельцах, еще с дьячком с сыном своим, бывшим тогда малолетним Григорием, по зову монаха Филарета, который в то время был в доме Коломенского архиерея жителем, и в Богоявленской пустыни, что в Веневе, иеромонаха Тихона, который после того был в Москве в Петровском Высоком монастыре, оба иеромонаха из комиссии раскольнической посланы в Санкпитербурх [так в тексте. – К. С.], а в тех собраниях были оные Филарет и Тихон да означенный хозяин Герасим с детьми [объявленными] четырьмя сыновьями да с двумя работниками, а именно с детьми Васильем да Алексеем, а других его детей, также и работников как зовут, не упомяну, а ныне оной Герасим с детьми и работниками своими жив ли, того не знаю; и в первом собрании по повелению собравшихся людей приложился я к образу Божия Матери в том, чтоб хранить мне чистоту душевную и телесную, и хмельного не пить, и с женою своею не совокупляться, и про то собрание их и веру, которую называли Христовой, никому не сказывать, что я и исполнял; а в том собрании, также и в прочих собраниях, действо было такое: молились Богу в землю по часу с молитвою Иисусовой краткой против старопечатных книг, а крест на себя я, также и сын мой, изображал тремя первыми персты, а прочие все в том собрании люди крестились двумя персты, а меня, Варлаама, и сына моего двумя персты креститься никто не принуждал, и по молитве сядились по лавкам, пели на гласах означенную ж Иисусову молитву с четверть часа, потом, встав с лавки, все, в том числе и я, Варлаам, и сын мой, и ходили по избе вокруг по часу и более, и били себя кулаками в груди, что чинили мы для утруждения плоти своей, и пели оною молитву Иисусову, и после хождения вокруг молились Богу ж в землю и в пояс, и сядясь по лавкам же, пели наизусть богородичны воскресные и славники, также молитву «Многая множества»,

«Достойно есть» и «О Тебе радуется, благодатная» и другие церковные стихи [*на полях*: а которые именно] сказать не упомяну, также пели ж и псал[ь]мы «Богородице, Царице», «Уже Тя лишаюся», и по окончании оных действий расходились все в дома свои, а в тех-де собраниях хлеба кусочками также и квасу вместо причастия и ни для чего было нам не роздано; а жена моя, также и другие дети в тех противных собраниях нигде со мною не бывали и расколу никакого не имеют; и кроме ж оных собраний я на других таких же собраниях в Москве в Ивановском монастыре у старицы Настасьи Карповой и в доме Прокофья Лупкина, и ни у кого нигде ни с кем я, Варлаам, как в бельцах, так и по пострижении не бывал и их, Настасью и Прокофья, я не знаю, и у меня как до пострижения в доме, так и по пострижении в кельях моих, противных собраний не бывало, и где такие собрания имеются ль, не знаю.

На 5 [пункт]

На пред сего об оном их [*испр. на*: наших] злодеяниях в судебных местах, где, от кого объявления или доношения были, я не знаю.

На 6 [пункт]

Старицы Настасья, Елена и прочие в противных собраниях тряслись ли и кругом верчевались ли и в какую силу, того я не знаю для того, что я с ними в собраниях не бывал, а [нрзб. *испр. на*: мы] в собраниях своих кругом ходили ни в какую силу, [*на полях*: а токмо] ради утруждения плоти своей.

На 7 [пункт]

Чудова монастыря старец Иоасаф, будучи в противных собраниях, пророчествуя, говорил ли о непреставлении света, того я не знаю и ни от кого не слышал; и Иоасаф со мнимым лжепророком Ионою знался ль, того я не знаю, и его, Иоасафа, не знаю ж.

На 8 [пункт]

Лживого их [*испр. на*: наших] учения согласников [*дважды*] кроме тех, о которых я показал в сем допросе в четвертом пункте, также и повинным своим доношением ж показал, других никого я не знаю, а все ль ныне живы оные или из них кто умре, того не знаю.

На 9 [пункт]

О подметных ни о каких письмах и через кого б оные сочинены были, я, Варлаам, не ведаю и согласия с теми сочинителями никакого не имею.

На 10 [пункт]

В оное суеверие сначала приведен и учен я вышписанными иеромонахами Филаретом и Тихоном по новоисправленным книгам: по Толковому Евангелию, по Прологу и по Благовестнику, которые браны были на время в оном селе Холтобине из церкви, а учили меня речьми такими: аще кто оставит отца или мать, жену или чад своих имени ради Божия, сей сторицею приимет и живот вечный наследит, и другими многими речи, ведущими человека ко спасению, а какие подлинно, за многопрошедшим временем сказать не упомяну, и то учение книжное поставляю и ныне я за истину, токмо во означенные противные собрания, в которых, ходя в круг, и бивали [*испр. на:* бивал себя] в груди кулаками, впредь ходить я, Варлаам, не буду, и те противные собрания и содержащих их я, Варлаам, проклиная, а в грехопадения я, будучи в тех противных собраниях, ни с кем не впадывал, а то их собрание христовщиной почему именуется, того я не знаю и от оных учителей своих о том подлинно не слыхивал.

На 11 [пункт]

В Москве и других городах и нигде еще таких же противных сонмищ я не знаю и из их [*испр. на:* того] сборища в [нрзб.] никого никуда не имеется, а то их [*испр. на:* наших] зло продолжалось того ради, что они [*испр. на:* мы] того себе в грех и противность не вменяли.

На 12 [пункт]

Оное суевежество [нрзб. *испр. на:* в тайне] содержать мне было приказано ото всех бывших в противных их [*испр. на:* наших] собраниях людей, о которых показано у меня в сем расспросе в 4-м пункте, и из оных собраний возвращаяся в дом, оному злу никого я не учивал, и на исповедях до поставления во игумена отцем своим духовным об оных противных собраниях я не объявлял

за простотою своею, а при поставлении во игумена отцу своему духовному иеромонаху Питириму при исповеди о бытии своем с прочими на оных собраниях и о хождении в тех собраниях вкруг и что я прикладывался к образу, дабы о тех собраниях не объявлять, сказывал. И тот-де отец мой духовный впредь того чинить мне под проклятием запретил, что я и исполнять обещался и исполнял.

[*дописано*: а до поставления во игумена об оных противностях не покаюся, я, Варлаам, священнодействовал]

На 13 [пункт]

В тех собраниях на здравие блаженных и вечностойных памяти Их Императорских Величеств и ныне благополучно царствующей Ея Императорского Величества и Ея Величества фамилии и на Отечество никаких злых умыслений я не чинивал и совету о том ни с кем не имел.

На 14 [пункт]

Дети мои крещены в церквах по новоисправленным книгам.

На 15 [пункт]

Мертвых погребаем мы при церквах же по новоисправленным книгам и по церковному чиноположению.

На 16 [пункт]

Наставника и наставницы в собраниях их [*испр. на*: наших] не было, а в других собраниях оные имелись ли и как их выбирают, и посвящают ль и кем, того не знаю.

На 17 [пункт]

Особливых никаких молитв, кроме церковных, в собраниях наших не бывало и в доме своем не имеем.

На 18 [пункт]

Повестей и историй, и житий в исповедании их [*испр. на*: наших] подвизавшихся никаких не имели и не имеем.

На 19 [пункт]

В собраниях их [*испр. на:* наших] чудес никаких не бывает и никто во исповедании их [*испр. на:* нашем] не славится, и показанному старцу Иоасафу лжеучитель Алексей Трофимов такие слова, что-де в «прежние времена святые апостолы и святые отцы такую верою и делами спасение получили, и кто-де против того исправил, и на тех-де сходит [*на полях:* с небес] Дух Святой, и тогда-де уже крещение примут второе духом, [нрзб. *испр. на:* первое]-де крещение было им водою, и кто тем крещением не крестится, и тот-де в Царство Небесное не внидет», где говорили, того я не знаю, и ни от кого он [*испр. на:* я] не слышал, и оных старца Иоасафа и Алексея Трофимова я не знаю и оное показание, что святые апостолы и святые отцы такую верою и делами спасение получили – никакою другою верою [и делами], но токмо как Святая Восточная Церковь содержит и утверждает, иного я не разумею, и Духа Святого сошествия на меня не бывало, а на других на кого бывает ли, не знаю. И во оном суеверии что второе крещение бывает якобы духом, а первое уничтожается, я в том не утверждаюсь, и доводов из книг и никаких записок о том у меня не имеется, а утверждаюсь на первом своем крещении, а у других у кого о том мудровании книги и записки какие имеются ль, не знаю.

На 20 [пункт]

Причастия посвященного и преподавания на [*испр. на:* у нас в] собраниях не было, и хлеба резаного кусочками, и квасу нам ни от кого ни в какую силу было не роздавано.

На 21 [пункт]

Раскольщиков Павлина, Ануфрия, Сергия, Макария, Иосифа я не знаю и за православных не поставляю, и из их раскольнических исповеданий, кроме того, что пели Иисову молитву по старопечатным книгам, противного Святой Церкви мудрования никакого в собраниях их [*испр. на:* наших] не было и не имели.

На 22 [пункт]

В богопротивных собраниях кругом ходили они для одного труда, а другого разуместь ничего я не могу, и то хождение вокруг

поставлял я простотою своею за угодное Богу по словам оных старцев Филарета и Тихона, которые объявляли ему, ежели-де плоть свою утрудить, то спасешься [нрзб. *испр. на:* и от всяких] злых дел отстанешь, а ныне я оного хождения вкруг за угодное Богу не поставляю того ради, что в церковных книгах ни в которых о таком хождении вкруг я не сыскал.

На 23 [пункт]

Цепочками и обухами, и поленьями я себя не бивал, а бил только в груди кулаками, утруждая плоть свою.

На 24 [пункт]

В то их сборище раскольники и раскольнические учителя, как мужеск, так и женск пол, ни из которых скитов и ниоткуда никакого согласия не прихаживали, и из показанных бывших со мною в собраниях людей [кроме того, что были на противных собраниях] расколу никакого не имеют, а приводных в комиссию в противных же собраниях людей никого я не знаю, и раскол какой они имеют, не ведаю; и в сем допросе сказал я, Варлаам, сущую правду и ничего не утаил, а ежели что утаил или кого противного своего собрания людей укрыв, а впредь от кого в том изобличен буду, и за то указом Ея Императорского Величества повелено б было учинить мне смертную казнь.

Сей допрос писал я, Варлаам, своею рукою
мая 29 дня 1733 года.

Приложение 7

РАССПРОС ИЕРОДИАКОНА ГАВРИИЛА ПО ПРИСЛАННЫМ ИЗ СИНОДА ПУНКТАМ

Игумена Варлаама сын иеродиакон Гавриил сказал:

На 1 пункт

От роду мне, Гавриилу, двадцать один год, а в мире звали Григорием и женат не был.

На 2 [пункт]

В монахи пострижен я в прошлом 1728 году в Богоявленской пустыни, что в городе Веневе, отцом своим иеромонахом Варлаамом, и наречено мне монашеское имя Гавриил, и жил я в том монастыре при отце своем с полгода, и из того монастыря указом коломенского архиерея Игнатия отец мой и я переведены в город Тулу в Предтечев монастырь за неимением в том монастыре иеромонахов, а в котором году, того сказать не упомяну, и жили в том монастыре года с два или меньше, и в прошлом 730 году оной отец мой и я, Гавриил, из того монастыря волею своею приехали в Москву и жили в Петровском монастыре года с полтора, и в 731 году отец мой Иоакимом, архиепископом Ростовским и Ярославским, посвящен в Кассианову пúстыню, которая в Углицком уезде, на реке Учме, во игумена, и меня взял с собою, при котором жил я по сей 733 год простым монахом, а сего году в генваре месяце оным же архиепископом посвящен в иеродьякона, и в том монастыре живу с показанным отцом своим и поныне.

На 3 [пункт]

Расколу и противности Святей Церкви никакой я не имею, и крестное знамение полагаю на себя от малых лет триперстное, а

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 15–22, 1733 г. Рукописный подлинник.

молитву творю наедине «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного», а соборне в церкви Божией «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», а отцов духовных имел я в бельцах веневского уезду вотчины Василия Исленьева села Никольского попа Феодора, а в монахах означенного Предтечева монастыря иеромонаха Павла, у которого исповедовался и святых Таин приобщался, а на землю оных святых Таин не испровергал, и поставлял и ныне поставляю за истинное тело и кровь Христову.

На 4 [пункт]

На противных собраниях был я до пострижения своего лет осми и со оным отцом своим в городе Веневе у посацкого [человека] Герасима Павлова в три пойма по научению означенного отца своего, да на тех же собраниях бывали вышеозначенной Богоявленской пустыни монах Филарет да иеромонах Тихон, которые после того были в Москве в Петровском монастыре, да оного Герасима Павлова дети, два сына, и другие домашние жители, а как их зовут, не упомяну, а в тех собраниях действо было такое: по приходе к тому Павлову молились Богу и клали земные поклоны, и вышеписанный монах Филарет просил у меня поруку, чтоб мне быть в их вере и хранить чистоту душевную и телесную, пива и вина не пить и матерна не бранитца, и какое-де действо в их собраниях бывает, про то никому не сказывать, и я, Гавриил, дал по себе в том порукою образ Богородицын, и потом сажались все по лавкам и пели Иисусову молитву *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас* нараспев с полчасы, и с того собрания незнаемо кто, встав с лавки, ходил по избе кругом с полчасы и говорил, а какие речи, того ныне сказать я не упомяну, и для чего ходил кругом, того не знаю и ни в какую силу не поставляю, а во время того моления крестился я, Гавриил, тремя персты, а другие тремя или двумя персты крестились, того не упомяну, а больше того иного действия никакого не было и хлеба кусками ни от кого не принимали, и квасом не захлебовали, и денег никому на тех собраниях не даывали, и кругом я не ходил, а отец мой ходил ли, того сказать я не упомяну, и ничем себя в тех собраниях не бивал, и кроме означенной Иисусовой молитвы иных молитв и стихов не певали, и по окончании расходились врознь, а кроме оного Павлова у других нигде на таких собраниях я не бывал, и у себя в келье с отцом

своим, и один таких собраний не чинивал, и московского жителя Прокофья Лупкина и Ивановского монастыря старицы Настасья Карповой я, Гавриил, не знаю, и на собраниях у них никогда не бывал же.

На 5 [пункт]

Напредь сего об оных противных собраниях в судебных местах где и от кого объявления или доношения было ль, того я не знаю.

На 6 [пункт]

Старицы Настасья и Елена в противных собраниях тряслись ли и кругом верчивались ли и в какой силе, того я не знаю для того, что я с ними в тех собраниях нигде не бывал и их не знаю.

На 7 [пункт]

Чудова монастыря старец Иоасаф, будучи в противных собраниях, пророчествуя, о непреставлении света говорил ли, того я не знаю, потому что я его не знаю, и нигде на тех собраниях с ним не бывал, и тот Иоасаф со мнимым лжепророком Ионою знаком ли, про то я не знаю ж, и сам я, Гаврила, с тем Ионою не знался.

На 8 [пункт]

Оного лживого учения согласников, кроме показанных мною выше сего, других никого я не знаю, а все ль оные ныне живы или кто из них умре, и где и кем погребены, того я не знаю.

На 9 [пункт]

О подметных ни о каких письмах и чрез кого оные бывали сочинены и кем могли быть подбрасываны, также и сочинителей таких писем я не знаю ж.

На 10 [пункт]

Сначала во оное суеверие приведен вышеписанным отцом своим да иеромонахом Филаретом по Апостолу, что-де нежени-

выйся печется о душе, а оженившийся печется о жене, и еще даёй [девству?] брак добре творить, не даёй лучше творит, а сказывали ему то речми, а не по книгам, и то учение поставлял и ныне поставлю я за истину, токмо в означенные противные собрания ходить не стал, понеже кругом хождение признал я за противное Церкви и по обещанию своему постригся, и впредь ходить не буду, и содержащих то проклиаю, а во время вышеписанных собраниев грехопадения ни с кем я не чинил, а те собрания и вера христовщиною по чьему толку или разумению называется, того я не знаю.

На 11 [пункт]

В Москве и в других городах и нигде еще таких же противных сонмищ я не знаю и из нашего соборища в розыске никого никуда не имеется, а то же зло продолжалось, того ради, что мы того себе в грех и в противность не вменяли.

На 12 [пункт]

Оное суеверство в тайне содержать мне было приказано от оных отца моего да от монаха Филарета, а для чего, не знаю, и оному злу я никого сам не научивал, и на исповеди вышеписаным отцам своим духовным о том не сказывал простотою своею.

На 13 [пункт]

В тех собраниях на здравие блаженных и вечнодостояных памяти их императорских величеств и ныне благополучно царствующей ея императорского величества и ея величества фамилий, и на отечество никаких злых умышлений я сам, и совету о том ни с кем не имел.

На 14 [пункт]

Детей у меня не имеется, потому что я женатым не бывал.

На 15 [пункт]

Из согласников наших мертвых никого не имеется и как их погребают, по новоисправленным ли книгам и по церковному чинположению, того я не знаю.

На 16 [пункт]

Наставника и наставниц в собраниях наших не было, а в других собраниях оные имелись ли и как их выбирают, и посвящают ли, и кем, того я не знаю.

На 17 [пункт]

Особливых никаких молитв, кроме церковных, в собраниях наших и у меня не было.

На 18 [пункт]

Повестей и историй, и житиев, во исповедании нашем подвизавшихся, никаких не имел и ни за кем не знаю.

На 19 [пункт]

В собраниях наших чудес никаких не бывало и никто в исповедании нашем не славятся, и помянутому старцу Иоасафу лжеучитель Алексей Трофимов такие слова, что-де в прежние времени святые апостолы и святые отцы таковою верою и делами спасение получили, и кто-де против того исправил и на тех сходит с небес дух святой, и тогда-де уже крещение примут второе духом, а первое-де крещение было им водою, и кто тем крещением не крестится и тот-де в царство небесное не внидет господне, говорил ли, того я, Гавриил, не знаю и ни от кого не слышал, и оных старца Иоасафа и Алексия Трофимова я не знаю, а то показание, что святые апостолы и святые отцы таковою верою и делами спасение получили – никакою другою верою и делами, но токмо как святая восточная церковь содержит и утверждает, инако я не разумею, и духа святого сошествия на меня не бывало, а на других на кого бывало, не знаю, и в оном суеверии, что второе крещение бывает, якобы, духом, а первое уничтожается, я в том не утверждаюсь, и доводов, и книг, и никаких записок о том у меня не имеется, а утверждаюсь я на первом своем крещении, а у других у кого о том мудрований книги и записки какие имеются, того я не знаю.

На 20 [пункт]

Причастия посвященного и преподавания в собраниях наших не было и хлеба, резаного кусками, и квасу, нам ни от кого ни в какую силу было не роздано, о чем показано выше сего на 4 пункт.

На 21 [пункт]

Раскольников Павлина, Анофрия, Сергия, Макария, Иоасафа я не знаю, и за православных их не поставляю, и из их раскольнических исповеданий, кроме того, что пели Иисусову молитву по старопечатным книгам, противного святой церкви мудрования никакого в собраниях наших не было и не имели.

На 22 [пункт]

В богопротивных собраниях кругом ходил из бельцов, а какого чину и как его зовут и чей сын, того я не знаю, а знает ли или нет про того человека отец мой [не знаю], а то кругом хождение за богоугодное я не признавал, потому что о том верчении в Божественном писании нигде не ведывал и кроме оных собраний, чтоб так где чинимо было, не знаю, а в тех собраниях от того человека какие слова происходили, того сказать подлинно не упомяну.

На 23 [пункт]

Во время собраниев цепочками и обухами, и поленьями, и в груди кулаками я и никто себя не бивали.

На 24 [пункт]

В то наше соборище раскольники и раскольнические учителя как мужеск, так и женск пол из скитов и ниоткуда никто не приходили, и таких я не знаю, и согласия с ними не было, а привожденных-де в комиссию в противных же собраниях людей я никого не знаю, и расколу, какой они имеют, не знаю ж.

В сих пунктах сказал я сущую правду и ничего не утаил, а ежели сказал что ложно, и за то-де повелено было б учинить мне жестокое наказание, сей допрос писал я, иеродьякон Гавриил, своею рукою.

Приложение 8

РАССПРОС МОНАХА УЧЕМСКОГО МОНАСТЫРЯ ИОАСАФА МИХАЙЛОВА

И того ж июня 18 дня присланный из святейшего правительствующего синода монах Иосаф в комиссию следствия о раскольниках прибыл и роспрашиван, а в роспрос и за запирательством с битья плетью сказал:

На 1 [пункт]

В бельцах звали его Иваном, от роду ему тридцать семь лет, отец его Михаил Фролов был Копорского полку солдат, а мать его звали Софиею, Борисова дочь, и оный его отец тому лет с тридцать под Выборхом убит до смерти, а мать тому ныне лет семь умре и погребена в Московском уезде в дворцовом селе Мячкове при церкви Рождества Христова попом Андреем, а чей сын, не упомнит, который умре. А он, Иосаф, после матери своей ходил в Москве по миру, а приставал за Москвою рекою в приходе церкви Климента, папы Римского, у ярославца Ивана Афонасиева, который тогда торговал хлебом и умре тому лет с пять, а где погребен, не знает, и после смерти его спустя года с два в воскресный день ходил он в Симонов монастырь по обещанию от ножной болезни молиться Богу, и в том-де монастыре после обедни того монастыря монах – Яким зовут, а чей сын не упомнит, который вышел из того монастыря в Кашинский уезд в Рябов монастырь, и тот года с два умре, взял его, Иосафа, к себе в келью и накормил Христа ради, и тот-де монах в то время спрашивал его, Иосафа, чем он болен, и он, Иосаф, сказал ему, что болен ногами, и тогда тот монах говорил ему, лучше-де ему, Иосафу, постричься в Учменском монастыре, который имеется в Углицком уезде и, поверя его словам, он, Иосаф, в тот монастырь и пошел, и жил с год в бельцах, и на другом году, а именно ныне

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 25–32. Рукописный подлинник.

четвертый год, зимою того ж монастыря игумен Гедеон прежде Рождества Христова послал его, Иосафа, того монастыря с монахом Макарием, который и поныне живет в том монастыре, в Москву для сбирания в церковное строение денег, и оныи-де Иосаф со оным монахом в Москву пришел, и жили с неделю близ Спаса нового монастыря у купецкого человека Мартена Артемьева, которые служат на Швивой горке в солодовой лавке по знакомству означенного монаха Макария, зятя его, гвардии Преображенского полку барабанщика, а как зовут и чей сын, не упомнит, которой в то число стоял на квартире у одного купца Артемьева, и тот-де Артемьев за теснотою их от себя согнал и, сошед, жили они с недели две за Москвою рекою в Садовниках в приходе церкви Николая Чудотворца за Яузой на дворе фелт маршала [так в тексте. – К. С.] Бориса Петровича Шереметева у оброчного крестьянина Ивана Федорова сына Соколова, который тому ныне года с три умре и погребен при оной же церкви, и в тое его бытность оной Соколов призвал его, Иосафа, в особую горницу, и учил словами, чтобы он, Иосаф, крестное знамение полагал на себя двумя персты и молитву творил по старопечатным книгам *Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас*, и на крестины не ходил, и сам не женился, и пошел бы куда в монастырь для спасения, и ежели он те его заповеди сохранит, то Господь избавит его от мук вечных. И он, Иосаф, против того его учения исполнять обещался и исполняет, а бол[ь]ши того учения ему в то время никакого не было, также для того учения собрания людей не было, токмо-де после того на другой неделе как они жили за Москвою рекою в приходе у Николы Мученика в Кузнецкой на дворе Титова, а которого не знает, у жильца его ярославского уезду у крестьянина Ивана Афонасьева, и тогда в суботней день ввечеру по зову одного Соколова был он, Иосаф, один в доме его на противном собрании, а в том собрании было пятнадцать человек, в том числе он, Иосаф, и оной Соколов с братом родным меньшим Иваном и с женою его Мариною, да племянница их вдова Анна Иванова, да работница его, Соколова, Матвеи да Иван, а чьи дети и каких чинов, также и другие, кто именно были и каких же чинов, не знает, а первенство в том собрании имел означенной Соколов и во первых молитвах они Богу клали земные поклоны с четверть часа, а крест на себя изображали двумя персты и молитву творили *Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас*, потом, севши по лавкам, пели наизусть молитвы и

стихи попеременно, кто какие упомнит, с час, а он, Иосаф, пел стих *Се жених грядет в полуночи*, а Соколов и прочия собравшись пели молитву *Дай нам, Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, и Дух Святыи, и пресвятая Троица, помилуй и спаси нас*, и от какого учения они тое молитву приняли, не знает, и какого тою молитвой подающей просили и того они не выговаривали, а бол[ь]ши того деиства никакого не было, только того ж числа они у него Соколова все ночевали, а на другои день пришел он в дом означенного Титова по-прежнему, и помянутый товарищ его монах Макарии спрашивал его, где он ночевал, и он, Иосаф, сказал ему, что он ночевал в доме показанного Соколова и о бывших деиствах тому монаху Макарию сказывал он, Иосаф, и о собрании в доме того Соколова, и тот-де Макарии за то его бранил и впредь на такие собрания ходить не велел. И после того спустя недели с полторы с показанным монахом Макарием ходили они к обедне в церковь Николая Чудотворца, что за Яузою на Болвановке, и в той церкви случился быть той же церкви прихожанин и купецкой человек Прокофеи Лупкин, про которого тоя ж Николаевской богодельни нищая Анна Григорьева сказала, что он, Лупкин, человек милостивой, и они-де тогда, из церкви пошел за ним, просили милостыни, также и вкладу во онои монастырь, и он-де, Лупкин, взял их к себе на двор и накормил, и дал им в монастырь вкладу два рубля, и велел им у себя ночевать, и товарищ его ночевал в людской, а он, Иосаф, пошел в хозяйскую комнату погреться, и после приходу его собралось в тое ж комнату вскоре разных чинов людей белцов мужеска полу человек с пятнадцать и больши, в том числе сидельцы его, Лупкина, пол[ь]ской нации Василий Степанов, Алексей Григорьев да сиделец его Галицкого уезда монастырской крестьянин, а которого монастыря, не знает, Филип Мелентьев, которого знают Чудова монастыря монахи, потому что он, Мелентьев, прежде того у Проскурина, а как зовут и скол[ь]ко времени до Лупкина жил в том Чудове монастыре, [не знает], из наиму пек просвиры, и тот-де Проскурин тому года с два умре, да Московского уезду из дворцового села Любериц крестьянин Козма Прохоров, да Кашинского уезду вотчины девича монастыря, а которого села и деревни, не знает, крестьяне Иван Артемьев да Максим Козмин, ис которых Козма Прохоров и Иван Артемьев ныне живут на Орле своими дворами кормятся, напилят, настругают, кузничают, а Максим Козмин тот-де ныне другои год пошел из Орла из наиму, а на Москве реке, не доез-

жая Коломны, упал со стругу и утонул, а где погребен и с отпеванием ли, не знает, а другие кто именно и каких чинов в том собрании были, не знает же, также означенные Лупкина сидельцы где ныне, того он не знает, а Лупкина в том собрании не было. А в том собрании действие началось было быть такое: сперва пели наизусть церковные стихи, а именно *Се упование мое да Многая множества*, да стихи *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, и Дух святыи, и пресвятая Троица, помилуй нас*, а больше того пения, также и действия никакова не было для того, что ко оному Лупкину приехал ис полку в гости маэор Василии Осипов сын Чубарев и солдат человек с пять, а они, испужався его, разошлись врозь по разным избам, и он, Иосаф, пришел в людскую избу к товарищу своему, в которой и ночевал, и после того спустя с неделю он же, Иосаф, пред отбытием своим в монастырь в субботу ходил ввечеру ко оному Лупкину прощаться, и тогда, в небытность того Лупкина в хоромаш его, было собрание ж, в котором были домашние его Лупкина, и именно помянутые Василеи, Алексей, Филипп, четвертой Иван Ефимов, которой от него тому года с два бежал и ныне где, не знает, да работницы его четыре бабы Авдотья Трофимова, Аксинья Борисова, Устинья Дмитрова, а четвертая Николина дочь, а как зовут и ныне где оные его работницы и сидельцы, того он, Иосаф, подлинно не знает же, а действие было такое: молились Богу и поклонов по сту положили земных, потом означенные ево сидельцы Василии да Алексеи, ходя по избе, вертелись вкруг с полминуты, а ничего не говорили, токмо вертяться, ухали. А в какую силу вкруг ходили и ухали, того им не сказали, токмо он, Иосаф, то хождение вкруг по словам вышешоказанного Ивана Соколова признавал с простоты своей от нашествия на них духа святого, и после хождения вкруг, сидя по лавкам, пели с час на голосах означенные молитвы, какие пред собранием в доме того Лупкина были, потом прикладывались они все ко кресту, которой держала означенная Лупкина работница Авдотья Трофимова, в такой силе, чтоб в вере их, которую называли христовщиною, быть ему непременно и учение их исполнять, а чтоб ему о той вере никому не сказывать, о том ему от них запрещения, также и бол[ь]ши того действия никакого не было, и по означенным оным действиям он, Иосаф, у того Лупкина в людской избе ночевал, и по утру с двора того Лупкина сошел, и того ж дня из Москвы с означенным монахом Макарием поехал в монастырь свои по-прежнему, и жил в том монастыре

бельцом же с год, и тому ныне пятои год он, Иосаф, помянутым игуменом Гедеоном в том монастыре пострижен в монахи, и наречено ему означенное имя Иосаф. Да он же, Иосаф, в прошлом 732 году, а именно зимою за три дни до Рождества Христова по отпуску монастыря своего нынешнего игумена Варлаама того монастыря с монахом Ионою приезжал в Москву Борисоглебского монастыря, что в Ростовском уезде, к крестьянину Дмитрию Архипову, которой жил за Яузои в приходе у Симеона Столпника на дворе купецкой жены вдовы, а как зовут и чья дочь, не знает, для взятья коробки своей с шилами (?), и в Москве пожил токмо три дни, и с Москвы съехал с оным монахом по-прежнему в монастырь свои, а на противных собраниях в то время и никогда в Москве и нигде ни у кого не бывал и сам к себе для того учения людей не збирывал, и в Москве ни у кого в собраниях не был и из дому Прокофья Лупкина женку Устинью Дмитриеву с собою он, Иосаф, не уваживал, и в нынешнем 733 году перед днем Богоявления Господня и после того дни в Москве он, Иосаф, не был. О вышепоказанном их злодеянии объявления и доношения и следования с начала вступления его в противные собрания не было, а прежде того были, не знает и ни от кого о том не слышал.

На 2 [пункт]

Чинимое в собраниях их означенным Иваном Соколовым и поляком Василием Степановым и Алексеем Григорьевым кругом верчение признавал он тогда, по словам одного Соколова, с простоты своей от нашествия на них духа святого и за угодное Богу.

На 3 [пункт]

От старца Иосафа, который ныне в Санктпитебурхе, пророчества не слышал, и ево не знает, и с означенными лжепророки и оными монахи он, Иосаф, знался ль, того он, Иосаф, не знает.

На 4 [пункт]

Лживого их учения согласников, кроме поканных в сем в роспросе в первом пункте, и где и того также, те согласники живы ль и где жительство имеют, или померли, того он, Иосаф, не знает же.

На 5 [пункт]

О подметных ни о каких письмах и чрез кого оные были сочинены, и кем могли быть подбрасываны, того он, Иосаф, не знает, и никакого согласия с теми сочинителями не имел.

На 6 [пункт]

В оное суеверие сначала приведен он, Иосаф, вышепоказанным крестьянином Иваном Соколовым словесно, о чем показано у него выше сего в первом пункте, и то суеверство, по словам одного Соколова, поставлял он тогда за угодное Богу, а ныне того суеверства за угодное Богу не поставляет, и в том суеверстве быть и содержать себя не желает, а желает быть в соединении со Святою Церковью. А в том собрании грехопадения ни с кем он не чинил, также, по какому и чьему толку и разумению то их богомерзкое собрание именуется христовщина, того он, Иосаф, не знает.

На 7 [пункт]

Как в Москве, так и в городах, таких сонмищ он, Иосаф, не знает и из соборищ их в розыске никто нигде не имеется, и какой ради причины оное зло продолжалось, того он, Иосаф, подлинно сказать не знает.

На 8 [пункт]

Оное злое суеверие в тайне содержать ему было приказано вышепоказанным лжеучителем Иваном Соколовым, а про оное злое суеверие отцам своим духовным он сказывал, а именно, буде в бельцах Углицкого уезду церкви преподобного Кассиана, что на Учме, священнику Василию Афонасиеву, который и ныне имеется при той же церкви, да по пострижении своем учминского монастыря иеромонаху Павлену, а чей сын сказать не упомнит, которой в нынешнем 733 году в великой пост умре и погребен в том же Учминском монастыре, и те-де его отцы духовные в противных собраниях ходить и с учителями знатца запретили, и по тому их запрещению от оных противных собраний и от того лживого их учения он, Иосаф, и отстал, а как он, Иосаф, из оных собраний в дом свой возвращался, тому злу никому не учивал.

На 9 [пункт]

В тех злых и богопротивных соборищах на здравие блаженных и высокодостоинных памяти их императорских величеств и ныне благополучно здравствующей Ея императорского величества и ея величества фамилии и на отечество никакие злые помышления не имеет и не чинивал, и также злоумышленников никого не знает.

[на полях слева: на 12]

Мертвые под сараим их имеются ль и как погребены, не знает.

[на полях слева: на 11]

Детей у него не было, понеже он пострижен холостым.

На 13 [пункт]

Наставниками и наставницами в собраниях их никого не имелось.

На 14 [пункт]

Особливых молитв, кроме преданных от Святеи Церкви, о которых показано у него в сем роспросе в первом пункте, других никаких у них не было.

На 15 [пункт]

Повестей и истореи и житии во исповедании их подвизавшихся никаких у них не было и грамоте он не умеет.

На 16 [пункт]

В собраниях их, кроме того, что, якобы, по словам лжеучителя его, Ивана Соколова, сходил на него, Соколова, и на прочих двух человек, о которых показано у него в первом пункте, дух святыи, чудес никаких не славилось, также и старец Иосаф, будучи в собраниях такие речи, что будто в прежние времена святые апосто-

лы и святые отцы такою верою и деланием спасение получили и, кто против того исправит, и на тех-де сходит с небеси дух святыи и тогда-де уже крещение примут второе духом, а первое крещение было водою, и кто тем крещением не крестится, тот-де в царство небесное не внидет, говорил ли, не знает и ни от кого не слышал, и противного Иосафова показания он не утверждает, а утверждается на первом своем крещении, а о святых апостолах и отцех и инаго он никак разуметь не может, токмо что спасение они получили так, как святая восточная церковь содержит и утверждает. Чудес никаких в собраниях их не происходило и что будто второе крещение бывает духом, а первое уничтожается, в том он не утверждается и учение и доводов, также на то суетное мудрование книг и записок у себя не имеет, и ни у кого не знает.

На 17 [пункт]

Причастия посвященных и преподаваний и непосвященных он, Иосаф, не видал, також хлеба и квасу ни от кого не принимывал.

На 18 [пункт]

Раскол[ь]щиков Аввакума, Павлина, Ануфрия, Сергия, Макария, Иосифа он не хвалит и за православных не поставляет, и из их раскол[ь]нических исповедании, кроме того, что крестится он двуперстно и творит молитву по старопечатным книгам, иного противного мудрования Святеи Церкви никакого он не имеет, а ныне онои противности иметь не будет.

На 19 [пункт]

В противных собраниях их кругом верчение ставил он, как и в первом пункте показал, по словам учителя своего Соколова, от шествия святого духа и за угодное Богу, а доводов на то никаких не имеет, а ныне оное кругом верчение признавает за противное Богу.

На 20 [пункт]

Цепочками и бухами, и поленьями он, Иосаф, себя не бивал, а кто бивает, не видал, и ис того какой пол[ь]зы надеется ль, не знает.

На 22 [пункт]

В то их злодеянное соборище и расколнических учителяи грамотных мужеска полу ни ис которых согласии никто не прихаживали, и из их согласия, кроме того что крестились они двумя персты и молитву Иисусову творили по старопечатным книгам, расколу никто не имели.

И в сем роспросе говорил он, Иосаф, сущую правду, и ничего не утаил, а ежели сказал что ложно и в том впредь от кого изобличен будет, и за то повелено б было указом ея императорского величества учинить ему смертную казнь.

Приложение 9

РАССПРОС КРЕСТЬЯНИНА ИВАНА ИЛЬИНА

Ярославского уезду вотчины стол[ь]ника Ивана Петрова сына Матюшкина села Никольского крестьянин Иван Ильин сказал:

На 1 пункт

От роду ему, Ивану, сем[ь]десят лет, отец его, Илья Ермолаев, был оного села крестьянин, а мать его звали Федосьею, Власова дочь, и тому лет с двадцать померли и погребены во оном селе Никольском при церкви Николая Чудотворца попом Емельяном Григорьевым с надгробным отпеванием, а он с женою своею Парасковей Филатовой дочерью жительство имеет во оном же селе своим двором, с тою женою своею прижил было он детей: сыновей Михаила, Тимофея да дочь Матрену, а молитствованы и крещены бывшим в том селе попом Емельяном Григорьевым, которой в прошлых годах, а сколько лет не упомнит, умре, также и дети его померли во младенчестве. А тому ныне лет с пятнадцать или бол[ь]ши, подлинно сказать не упомнит, в день Анофрия Великого был он, Иван, в Ярославском уезде в Черemoжском стану Анофриева монастыря во Александровской пустыни на торгу для продажи плужного железа, и в то время на том торгу случаем был для продажи холста московской житель посацкой человек Прокофеи Данилов сын Лупкин, которой близ его шелаша имел разговор Ярославского уезду вотчины Симонова монастыря деревни Данилцовой с крестьянином Никитою Никитиным и учил его, чтоб он, Никита, вина и пива не пил, матерно не бранился. И те его, Лупкина, слова ему, Ивану, показали к пользе, тогда и он, Иван, подошел к нему Лупкину поближе и говорил тому Лупкину, что и он, Иван, желает от него всякого себе добра. И в то ж число Лупкин учил его, Ивана, чтоб он вина и пива не пил же, и матерно не бранился, и

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 161–167 об. Рукописный подлинник.

имел чистоту, и с женою своею не совокуплялся, и творил молитву *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас*, и ежели-де он, Иван, его, Лупкина, станет слушать, то б с ним, Лупкиным, знался. И на те его слова он, Иван, сказал ему, Лупкину, что слушать его он будет и знатца с ним станется. А прежде того времени оною Лупкина он, Иван, не знал, да в тож число помянутой Симонова монастыря крестьянин Никита Никитин говорил ему, Ивану, чтоб он с того торгу ввечеру заехал в дом к нему, Никитину, для того, что-де онои Лупкин будет у него, Никиты, да, пришед же, Лупкин сказал ему, Ивану, ежели-де доброго желает, то б приходил в дом оною Никитина и послушал учение его, и он, Иван, быть к нему хотел. Того ж числа ввечеру с оною торгу заехал он, Иван, к показанному Симонова монастыря крестьянину Никите в деревню Данильцову, которая деревня от жилища его, Иванова, верстах во шести, и в то время у того Никитина был онои Лупкин да того ж уезду вотчины Шереметева, а которого не знает, деревни Ананьиной крестьянин Никита Васильев, и по обеде онои Лупкин учил его, Ивана, против прежних своих слов, и уверял его пред образом Спасовым, чтоб он то его учение содержал, которое он содержать пообещался, токмо к тому образу он не прикладывался, и бол[ь]ше того учения и действия никакова не было, и ночевал у того Никитина. На другой день помянутой Лупкин от оною Никиты Никитина из дому поехал в город Углич для торгового промыслу, с которым для провожания до Углича поехал и он, Иван, и помянутой хозяин Никитин, и Симонова монастыря крестьянин Никита Васильев, и того ж дня после обеда заехали было они для питья квасу того ж Углицкого уезду в монастырскую деревню Харитонову к крестьянину Еремею Васильеву по знакомству того Лупкина, а по какому, не знает, и как они токмо на двор к тому крестьянину Еремею въехали, тогда на тот же двор приехал Углицкого Покровского монастыря архимандрит Андроник многолюдством, и оною Лупкина, и его, Ивана, и показанного Никиту Васильева, и хозяина Еремея Васильева, взяв, привезли в город Углич и отдали под караул в Покровский монастырь, и допрашиваны они оным архимандритом в потаенном расколе. А в допросе своем показал он, Иван, то же, что и выше сего, а онои Лупкин с товарищи что показали, того он, Иван, не знает, и после допросов онои Лупкин свободен прежде них под росписку или без росписки, того не знает, а он, Иван, и помянутые Никита Никитин и Никита Васильев свободены на росписку после оною Лупкина вскоре, а которым на росписку отданы, сказать не упом-

нит, а взятков-де от того он, Иван, никому не давал, а товарищи его, Лупкина, и протчие взятки кому какие давали ль, также и Еремеи Васильев свободен ли, того он, Иван, не знает, токмо слышал он, Иван, от народной молвы, что помянутой Еремеи Васильев, будучи уже в доме своем, умре, а как давно и где и кем погребен, не знает. А кроме их, как мужеска, так и женска полу по тому делу в Угличе в задержании с ними не было и из них как в Преображенской приказ, также и в Углицкую воевоцкую канцелярию отсылки никому не было, и после-де свободы своей жил он, Иван, в доме своем близ полугода, и в том же году зимою, а о которую пору, не упомнит, приезжал в Москву к помещику своему для отчета в хлебе и прочих помещичьих припасов, понеже он был в том году в вотчине своей старостою, и перед отъездом своим из Москвы с помещикова двора ходил он в дом вышеписанного Прокофья Лупкина для одного ж учения, и в то время того Лупкина в доме он не получил, токмо работница его жонка, а как зовут и чья дочь, не знает, его, Ивана, накормила и, пообедав, поехал он, Иван, от него, Лупкина, в дом свои, а противного собрания в доме того Лупкина при нем, Иване, не было, а в небытность его бывало ль, не знает. Да тому ныне года с три в день верховных апостолов Петра и Павла было противное собрание в доме его, Ивановом, а на том собрании были брат его родной Яков Ильин с дочерью девкою Афимьею, которые тому года с два померли и погребены в селе Никольском при церкви отцом своим духовным того села попом Иваном Емельяновым с надгробным отпеванием, да были приведены с ним крестьяне Ярославского уезду вотчины Кирила Петрова сына Матюшкина деревни Русиновой Василеи, Лука, Яков, Иван Семенов, деревни Борисовой Никифор Спиридонов, Матвеи Тимофеев да деревни Бурцовой крестьянская девка Катерина, а чья дочь и другие кто были ль, о том подлинно сказать не упомнит, и в тож число, засветя пред образами свечи, молились все с час и, севши по лавкам, пели вышезначенную Иисусову молитву краткую, и после того племянница Иванова девка Афимья ходила по избе кругом с полчаса и, ходя, полагала на себя крестное знамение двумя персты и творила вышешоказанную ж Иисусову молитву, потом, помолясь, все разошлись по домам, а бол[ъ]ши того действия никакова у них не было, и крошенова хлеба, также и квасу вместо причастия и ни в какую силу ни от кого им было не роздавано и других таких же собраний в доме у них не бывало, и он, Иван, кроме того на противных собраниях нигде ни с кем не бывал. И отныне-де он, Иван, во оном суеверствии быть не

желает, а желает быть во единении с святою Церковью и креститца будет тремя первыми персты, и молитву творить так: *Господи, Иису- сусе Христе, Боже наш, помилуй нас*, а оную лживую веру и содержащих ее проклинаят, а отца духовного имеет он вышеписанного села Никольского попа Ивана Емельянова, у которого он исповедывается и Святых Таин приобщается по вся годы, и тоя Святыя Таины наземь он не испровергал и поставляет оные за истинное Тело и Кровь Христову и сомнительства в том таинстве никакого не имеет, а кроме имеющагося об них в Угличе дела в других где местах о показанных их злодеянии объявлении или доношении и следование какое когда было ль, не знает.

На 2 [пункт]

В собраниях их племянницею его, девкою Афимьею, кругом верчение признавает он, что чинено было ею ради труда собою, а не от силы Божиеи и не от нашествия на нее духа святого.

На 3 [пункт]

Старца Иоасафа он, Иван, не знает и о непреставлении света он пророчествовал ли, ни от кого не слышал.

На 4 [пункт]

Оного лживого их учения согласников, кроме содержащихся ныне в комиссии, также и умерших брата своего Якова и племянницы Афимьи и монастырского крестьянина Еремея Васильева, никого он не знает, и оной брат его и племянница при смерти во исповеди у отца своего духовного, о котором показано в первом пункте, были и святых таин он, Еремеи Васильев, сподоблен пред смертною болезнью, у отца духовного был ли и как он, Васильев, так и брат и племянница его от вышеписанного своего злочестия во исповедании покаяние приносили ль и с каким раскаянием или без раскаяния померли, того не знает.

На 5 [пункт]

О подметных ни о каких письмах и чрез кого б оные были сочинены и кем могли быть подбрасываны, также и сочинители тех писем никого он не знает.

На 6 [пункт]

Во оное суеверие приведен он вышеписанным Прокопием Лупкиным, а какими речми, о том показано у него в первом пункте, и то суеверство признавает он за противное Богу и впредь в том суеверстве содержать себя не будет, а будучи в противных собраниях грехопадения ни с кем он не чинил, а то их собрание христовщиною от кого называемо было ль и по какому разумению и толку, того он, Иван, не знает.

На 7 [пункт]

Как в Москве, так и в других городах, нигде таких же соборищ он, Иван, не знает, и из их соборища в розыске никуда никого не было, а какой ради причины оное их зло продолжилось, о том он сказать подлинно не знает.

На 8 [пункт]

Оное суеверство в тайне содержать было ему приказано от вышеписанного Прокофея Лупкина, того ради про то суеверство на исповеди отцу своему духовному он не сказывал, а сам он тому суеверию никого не учивал.

На 9 [пункт]

На здравии блаженные и вечно достойныя памяти их императорских величеств и ныне благополучно царствующей ея императорского величества и ея величества фамилии и на отечество никаких злых умышления они не имели.

На 11 [пункт]

Как дети его крещены, показано у него в сем допросе в первом пункте.

На 12 [пункт]

Мертвых погребал при церквах с надгробным отпеванием.

На 13 [пункт]

Наставника в их соборищах никого не было, а в других соборищах наставники и наставницы имелись ли и как их выбирают и посвящают ли и кем, того он, Иван, не знает.

На 14 и 15 [пункты]

Во время-де противного собрания особливых сочиненных молитв, также повестей и истореи из жития во исповедании их подвизавшихся, у них не было.

На 16 [пункт]

В собрании их чудес никаких не бывало и не славилось, что старец Иоасаф показал, якобы учитель его Алексеи Трофимов объявил ему, [что] в прежние времена святые апостолы и отцы такую верою и делами спасение получили и кто против того исправит и на тех-де сходит с небеси дух святыи и тогда уже крещение приимут второе духом, а первое-де крещение было им водою, и кто тем крещением не креститца, тот в царство небесное не внидет, и то же его учение он, Иоасаф, поставлял за истинное, а он, Иван, о святых апостолах и отцех разумеет, что спасение получили так, как святая восточная Церковь содержит и утверждает, а так он никак не разумеет и таковой не знает. И духа святого схождения также в их собраниях никакого, быв, он не признавал, и чудес никаких у них не было, и по словам одного старца Иоасафа о втором крещении якобы святым духом, он не утверждается, а утверждается он на первом своем крещении, принятом от Святыя Церкви.

На 17 [пункт]

Причастия и преподавания в собраниях посвященного и непосвященного не было, и хлеба и квасу ни в какую силу им не раздавано.

На 18 [пункт]

Раскольников Аввакума и прочих произшедших он не хвалил и за православных их не ставит, и ныне раскольнических исповеданий, кроме того, что крестится двуперстно и молитву Иисусову

краткую творит по старопечатным книгам, противного Святей Церкви мудрования никакого не имеет.

На 19 [пункт]

В собраниях кругом верчение поставляет он во утруждение и за угодное Богу, собою, а учения ему о том ни от кого не было и доводов никаких на то не имеется, а ныне оное верчение за угодное Богу не вменяет, а ставит за противное Богу.

На 20 [пункт]

Будучи в противных собраниях, цепочками и обухами, и поленьями, и в груди кулаками себя он не бивал, и кругом кто чем бичевался, никого не видал.

На 22 [пункт]

Во оное их собрание из раскольнических учителей и раскольников никто к ним не прихаживали и согласия с ними никакого у них не бывало, и из их соборища по вышеозначенным противным собраниям и учению все они были.

И в сем роспросе говорил онои Иван сущую правду, и никого не утаил, а ежели сказал что ложно и в том впредь от кого изобличен будет, и за то повелено было б указом ея императорского величества учинить ему смертную казнь.

Приложение 10

РАССПРОС КРЕСТЬЯНИНА НИКИТЫ НИКИТИНА САХАРНИКОВА

Ярославского уезду вотчины Симонова монастыря деревни Данил[ь]цовой крестьянин Никита Никитин сын, прозвище Сахарной, сказал:

На 1 пункт

От роду ему пятьдесят лет, холост, отец его, Никита Антонов сын Сахарнов, был онои же деревни крестьянин, жену его звать Фетиньею, Сергеева дочь, и в прошлых годах тому лет с десять как была в Александровой пустыни ярманка, что слывет Анофриевская, и на тоя же ярмонке был москвитин Прокофеи Данилов сын Лупкин, приехал в дом к отцу его в деревню Данилцову по знакомству, а по какому, того он, Никита, не знает, потому что он бегал в Санкпитербурх и в Кронштат и торговал съестных харчей, да с ним же, Лупкиным, приехал вотчины Матюшкина, а как зовут, не знает, того ж Ярославского уезду села Слободки крестьянин Иван Ильин, да вотчины графов Шереметевых Охоцкой волости Никита Ильин, и в то время онои Лупкин учил его, Никиту, чтоб он крест на себе изображал двуперстным сложением, и молитву творил *Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас*, вина б и пива не пил, по свад[ь]бам бы не ходил, и не женился, и блудного греха не творил, и имел чистоту телесную, и потом, севчи по лавкам, пели Иисусову молитву *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас* и после того пения отобедал, а хлеба кусками и квасу захлебывать в то число никто не раздаывал, и креста, и образа он, Никита и никто не цоловал, токмо онои Лупкин запрещал ему, чтоб он, Никита, про оное учение никому не сказывал и, ночевав, оныи Лупкин поехал было в Москву и отец его, Никитин, и он, Никита, и Иван Ильин,

РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 149–152 об. Рукописный подлинник.

и Никита Васильев поехали его, Лупкина, провожать, и как были в монастырской деревне Харитонове, а которого монастыря не знает, у крестьянина Еремея Васильева, и в тою ж деревню приехал Покровского монастыря архимандрит Андроник и того Лупкина, и его, и отца его Антонова, и Ивана Кузнеца, Никиту Блина, показанного Еремея с женою Авдотьей и прочих, а кто именно, не упомянул, токмо было их всех человек с шесть, и повезли в Покровской монастырь, и держаны были под караулом в том монастыре, а Лупкин из Покровского монастыря взят был в Углич с работником своим, а как зовут не упомянул, и был в том городе недель с десять под караулом и свободился, а каким случаем, о том он, Никита, не знает, и потом они из того монастыря освобождены на росписку. И после того на другой год услышал он, Никита, что такое ж учение творит Ярославского уезду деревни Поповцовои Шереметева крестьянин Кирила Васильев, которой от них жительство имел в пяти верстах, и он, Никита, к тому крестьянину ходил на собрание, на котором у него было человек с пять, а именно: Шереметевы крестьяне Минеи Семенов, Савелеи Карпов сын Бунин, Минеев сын Андрей и он, Никита, и оной Кирила велел ему, Никите, сесть на лавку, как и прочие сидят, и, сидя по лавкам, пели молитву *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас*, и оной, Кирила, встав, вертелся кругом с полчаса и что, вертясь, говорил, он, Никита, не вслушался, и после того верчения молилися Богу ж и обедали и, пообедавши, пошли на своя места и легли спать, а он, Никита, пошел в дом свои. А хлеба кусочками никто не раздавал, и квасом не запивал, и ко кресту и к иконе он, Никита, не прикладывался, и его, Никиту, оной, Кирила, никакому злomu суеверию, кроме молитвы по старопечатным книгам, не учивал. А отныне в том суеверии быть он не желает, а желает быть в соединении со святои Церковью, и крест на себя полагает он, Никита, треперстным сложением, и молитву творит *Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас*, и отца духовного имеет Ярославского уезду прихода Рождества Богородицы попа Сергия Кузмина, у которого исповедывался и Святых Таин причащался по вся годы, а про оное суеверие тому отцу духовному он не сказывал. А означенный отец его тому лет с восемь, а мать тому года с четыре померли и погребены у приходу разных помещиков при церкви Рождества Христова попом Сергием Калининым с нагробным отпеванием, а на пред сего о том их злодеянии доношения и объявления, кроме означенной архимандритом Андроником поимки, ни от кого нигде не было.

На 2 [пункт]

Вышеписанное кругом верчение признавает он, что вышеписанной Кирила Васильев чинил собою для утруждения плоти, а не от святого духа и не от силы Божиеи.

На 3 [пункт]

От старца Иоасафа о непреставлении света пророчества никакого не слышал и со мнимым лжепророком монахом Ионою оной Иоасаф знался ль, про то он, Никита, не знает и ни от кого о том не слышал.

На 4 [пункт]

Оного лживого их учения согласников, кроме содержащихся в комиссии, никого он не знает.

На 5 [пункт]

О подметных ни о каких пис[ь]мах и чрез кого б оные были сочинены и кем могли быть подбрасываны, также и сочинителей тех писем, никого он не знает и согласия с ними не имеет.

На 6 [пункт]

Во оное суеверие приведен он, Никита, вышеписанным Прокопием Лупкиным, которой учил его словами, о чем показано в первом пункте, а по книгам ему учения не было, и будучи в тех собраниях, грехопадения ни с кем он, Никита, не учинял, и то их собрание по какому разумению или толку называеца христовщина, того он не знает.

На 7 [пункт]

Как в Москве, так и в других городах, таких же соборищ он, Никита, не знает, и из их соборища в розыске никуда никого не было, и какой ради причины оное их зло продолжается, не знает же.

На 8 [пункт]

Оное суеверство в тайне содержать было приказано от выше-писанного Лупкина, того ради про то суеверие на исповеди отцу своему духовному он не сказывал и сам тому суеверию никого не учивал.

На 9 [пункт]

На здравие блаженных и вечнодостоинных памяти их императорских величеств и ныне благополучно царствующи ея императорского величества и ея величества фамилии и на отечество никаких злых умыслений не имел и ныне не имеет.

На 12 [пункт]

Об умерших показано у него на первой пункт.

На 13 [пункт]

Наставника или наставницу как выбирают и посвящают ли и кем, того он, Никита, не знает.

На 14 и 15 [пункты]

Во время противного собрания особливых молитв, кроме Иисусовой, никаких также повестей и исторей и жития во исповедании их подвизавшихся, не имелось.

На 16 [пункт]

А что старец Иоасаф показал, якобы в прежние времена святые апостолы и святые отцы такою верою и делами спасение получили и кто против того исправит, на тех-де сходит с небеси дух святый, того ради уже крещение примут второе духом, а первое крещение было водою и кто тем крещением не креститца, и тот в царство небесное не внидет, он, Никита, на том не утверждается и по его разумению, что святые апостолы и святые отцы спасение получили так, как святая восточная Церковь содержит и утверждает, а инако никак не разумеет и толковать не знает, и Духа Святого

схождения, также и чудес, в их противных собраниях не было, и утверждаетца он на первом своем крещении, которое принял от святых Церкви.

На 17 [пункт]

Причастия и преподавания в собраниях их никакого не было.

На 18 [пункт]

Раскольников Павла, Анофрия, Сергия, Макария, Иосифа за православных он не ставит, их и не знает и никого из раскольнических согласей не приемлет.

На 19 [пункт]

О верчении кругом показано у него на первой пункт, и то верчение поставлял он за угодное Богу, а ныне за угодное Богу того верчения он не поставляет.

На 20 [пункт]

Будучи на собраниях, цепочками и обухами, и поленьями, и в груди кулаками он, Никита, себя не бивал, и другие при нем никто не бился ж.

На 22 [пункт]

Во оное их собрание из раскольнических учителей и раскольников никто не прихаживал и согласия никакого с ними у него не бывало, и из приводных в комиссию людей, кроме того, что были на противных собраниях, раскол иной кто имеет ли, того он не знает.

В сем роспросе говорил он, Никита, сущую правду, и никого не утаил, а ежели что сказал ложно или кого утаил и от кого в том в чем изобличен будет, и за то указами б ея императорского величества учинить ему, Никите, смертную казнь.

Приложение 11

СБОРНИК ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВА
(1720–1730-е ГОДЫ)

1. Сия песенка-покаяние приносить Богу

Свет Боже, царство небесное,
Небесное царство, блаженный рай.
И пресветлый рай, жизнь бесконечная.
Кому, Боже, царство достанетца?
Достанетца царство небесное
Сударь праведным, душам избранным,
Чистым девицам непорочным,
Ни греху тьяшкому недоточным.
Един я тебя, царство, лишаюся,
А мимо хожу – не покаюся,
А держуся спесивства и гордости,
Не имею ни смирения, ни кротости,
Ни великова себе и воздержания,
Не имею страха я, и не имеет сердце.
Идет к нам, братия, с небеси
Чаша гнева великово со яростью.
Кто сию чашу выпивать будет?
Выпивать сию чашу единому,
Единому свету родимому,
Самому свету Сыну Божиему
За спасение всех верных человеков.

2. Сия песенка – богоотступникам и изменникам

Идет лето сего света,
Приближается конец веку.
Идут-пойдут вси грешницы,

Публикуется по: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2004. С. 428–453.

Сего миру прелестницы
Ко Отцу Богу со слезами:
«Умилосердися, Отец Бог наш,
Сего мира ты сам Творец,
Прости наше согрешение,
Великое преступление».
Речет Господи, глаголет:
«Изыдите, вы вси грешницы,
Сего мира прелестницы.
Изготована вам мука вечная
И т(ь)ма вам всем кромешная.
Не будет вам прощения,
Ни грехам вашим отпущение
Ни в сем веце, ни (в) будущем,
Окроме плачу-рыдания.
Изготована вам мука вечная».

3. Сия песенка – прошение и моление к Богу в царство небесное

Росплачется царь Давид,
Стоя-стоячи он у прекрасныя пустыни:
«Свет мой прекрасная пустыня,
Прими ты меня многогрешново,
Многогрешново меня на покаяние,
Многогрешного меня человека
Аки мати любезное свое чадо.
Заставь ты меня работати,
Слезами постелюшку умывати
И денно, и ношно беспрестанно,
Завсегда, государь, непрестанно.
Государь мой, Царь свет Небесной,
Надежда моя, свет Сын Божий,
Прости, государь, мое согрешение
И великое мое преступление,
Избави меня превечныя муки,
Достави меня небесного своего царства,
Запиши, сударь, в животные свои книги,
Причти, государь, ко избранному своему стаду».
Алилу(й)я, Алилуйя, слава Тебе, Боже.

4. Сия песенка – слезная и воскресител(ь)ная

Как доселева мы жили на земле,
Ничего не знали мы, не видали,
Как что на земле состроится,
Бел престол Господен(ь) поставляетца,
Сам Господь Бог, сам Небесный Царь
По земли, сударь наш, Он катается,
Поровну, сударь, Он с человеками,
Во плоти, сударь, Он человеческой.
Собиралися, соходилися
Со все со четыре со сторонюшки
На святу беседу на апостольску,
Возмолилися ко Святому Духу,
Проливали слезы ко источнику:
«Государь наш, батюшка Святой Дух,
Укажи нам путь свой Божей истинной.
Нам как идти – до тебя дойти,
До твоего царства до небеснова,
До раю, сударь, до блаженнова?»
К нам не золота трубушка вострубила,
Живогласная к нам прогласила,
Прогласил надежды наш Святой Дух:
«И вы братия-сестры духовныя,
Вы ступите же по духовному,
По Святу Духу по блаженному.
Вы не пейте же поила пьянова,
Ни вина, други, ни зеленого,
Не ставите ж меды сладкие,
Не творите, други, греха тяжкова,
Не бранитесь словом скверным,
Не гневаетесь всякою злобою,
Не водитесь сестры с братьями.
Укажу вам путь свой Божей истинной,
Как вам идти – до меня доитить,
До моего царства до небеснова.
Вы подите же на тихой мой Дон:
На тихом Дону утешитесь.
Вы еще подите на Сладей-реку:
На Сладей-реке насладитесь.

Вы еще подите на Дарей-реку:
На Дарей-реке надаритесь.
Вы не ходите, други, на Шат-реку:
Еще Шат-река – шатовитая,
Отлучит она от дела Божиева.
Вы подите, други, на Сион-гору,
Изошед, вы сами оглянитесь:
Не остался ли кто на сырой земле.
За их вы Богу молитесь,
Самому Отцу свету небесному,
И Сыну Божию едиnorodному,
И Святому Духу и блаженному,
И Матери Его святой Бож(и)ей,
И Пресвятой святой Богородицы,
И всей силе и господней Божией,
И всем праведным и избранным».
Господа пойте и превозносите его во веки.

5. Сия песенка – моление Богородицы Марии, Матери Бож(и)ей о грешных к сыну своему, Христу Богу нашему

На зоре было на утренней,
На закате светло месяца,
На восходе красно солнышка,
На теплой тихой на заводе.
Не белой лебедь воскликкала,
Прогласила помощница
Своему Сыну избранному,
Избранному, возлюбленному:
«И ты, свет, сударь свет Сын Божей,
Избранной мой, возлюбленной,
Ты когда ко мне в гости будешь,
Ты когда, сударь, пожалуешь
В верховую сторонушку,
Во свою, сударь, родимую,
Во родимую, небесную,
Ко своему батюшке родимому,
Ко Царю свету Небесному?»
Проглаголет ей сударь Сын Божий:
«Государыня моя матушка,

Свет Мати Божия, помощница,
Пресвятая Богородица,
Я в те поры к тебе в гости буду,
Я тогда тебя пожалую,
Когда праведныя управятся,
Грешныя души воспокаются,
Принесут Богу покаяние,
И соистинно поклонение,
О твоих грехах моление
Ко Отцу Богу небесному
И ко Сыну едиnorodному,
Ко Святу Духу блаженному,
К тебе, Матери Божией,
Пресвятой Богородице,
Ко святой ко Троице,
Святой Троицы нераздел(ь)ной,
И ко всей силе небесной,
И ко всем праведным избранным».
Поите Господеви, славно бо прославися.

6. Сия песенка – на спящих и ленивых

Братцы вы, братцы духовныя,
Полно нам спать, полно так лежать,
Пора от сна пробудит(ь)ся,
На истинный путь возвратит(ь)ся,
Пора от злых дел отлучит(ь)ся.
Не проспять бы нам царства небеснова
И раю, други, и блаженного,
Не проспять бы нам заутрени Великоденския,
Не прогулять бы нам обедни Благовещенской,
Не прогулять бы нам вечерни Троицкой,
Не прогневать бы нам Отца небеснова,
Не прогневать бы Сына света Божиева
И Свята Духа и блаженнова.
Почему у нас заутрени Великоденская?
Того у нас заутрени Великоденская,
Что сам Сын Божий воскресе Христос.
Почему у нас обедня Благовещенская?
Потому у нас обедня Благовещенская,
Что благословил сам Сын Божий.

Почему у нас вечерня Троицкая?
Потому у нас вечерня Троицкая,
Что сам Сын Божий во Троице –
Отец и Сын и Святой Дух –
Потому у нас великая вечерня Троицкая.

7. Сия песенка – утешительная или беседовная

У нашего государя доброхота,
Гостя-государя дорогова,
У батюшки-государя у роднова
Была тихая смиренная беседа.
И съезжались тут князи и бояре,
Честныя все тут власти-патриархи
И все тут православные христиане.
Они пили сами и ели, прохлаждались,
Блаженным они Духом утешались.
Не золотая трубочка вострубила,
Не громогласная святая прогласила,
Что пророчет наш свет надежда:
«Вы светы мои князи и бояра,
Честные все вы и власти-патриархи
И все вы православные христиане,
Вы пейте, други, прохлождайтесь,
Про Бога вы про света говорите,
Блаженным Святым Духом утешайтесь,
Вы в честную мою книгу вы читайте,
Вы честную мою книгу во Минею,
В Евангелие мое толковое.
Говорите, во толк дело положите,
Чтоб вам мимо Бога не прейтити,
Мимо света царства небеснаго
И раю други и блаженного,
Небесной светлой красоты его».
Аминь, аминь Царю Небесному.

8. Сия песенка – воскресительная

С высоты было с сед(ь)ма неба,
От раю было блаженново,
От престолу от Господнево,

От Саваофа Бога чуднова
Солетел тута и сел сокол
И со чистым со голубем –
Со Святым Духом блаженным.
Соносил тута грозный указ
За рукою свет за царскою,
За печатью за красною.
Как в указе написано,
Во наказе страшно наказано:
«Не водитесь сестры с братьями,
Вы не пейте поила пьянова,
Ни вина, други, ни зеленова,
Не становите меда сладкаго,
Не бранитесь словом скверным,
Вы не еш(ь)те яства скоромныя,
Не творите греха тяшкова.
Как не будет за то вам прощения,
Ни грехам вашим отпущения,
Окромѣ вам муки вечныя
И тьма вам всем кромешная».
Аминь Царю Небесному.

9. Сия песенка – печал(ь)ная Сына Божиева

Как сошел к нам, братцы, с небеси
Свет глас от Саваофа Бога вышняяго,
Ко государю Сыну Божиему:
«Ты не плач(ь), не плач(ь), свет Сын Божий,
Не рыдай, мой возлюбленной,
Не надрывай своего ретива сердца,
Не слези своих ясных очей».
Отвещает Сын Божий:
«Государь ты мой батюшка,
Саваоф Бог, превышний Творец,
Рад бы я, государь, не плакати –
Сами слезы из очей катятся,
Само сердце надрывается,
Свет в очах у меня помрачается,
Разум в голове у меня мешается.
Что сослал ты меня, батюшка,
С небеси на сыру землю.

Привлек в плоть человеческу,
Возложил бремя великое,
Вручил стадо немалое,
Повелел ты, сударь батюшка,
На земле хранить их и миловать.
Как а нынечи, государь батюшка,
Уже верные меня не слушают:
Повелися сестры з братьями,
Стали братия возвышатися,
Вдвое им воживатися,
А сестры-вопомощницы
Надевают мое платье,
Отымают да и богатество,
Отбивают залоту казну,
Отдают меня на предательство,
Не дают мне пожить на сырой земле,
Изгоняют меня, батюшко,
Что птичку безгыздную,
Что кукушечку горемышную».
Отвещает ему батюшко,
Саваоф Бог превышний свет:
«Ты не бойся, свет Сын Божий,
Не утрашишь, мой возлюбленной,
Ты терпи стради со радостию.
Не наденут твоего платья,
Не возову(т)ся во твое имя,
Не отымут (у) дому богатства,
Не отобьют твоей золотой казны.
Я скоро сошлю грозных ангелов,
Повелю им главы поснять
По самые по могучи плеча,
Повелю вверзить в муку вечную,
И во т(ь)му кромешную,
Уже не будет им прощенья,
Ни грехам их отпущенья,
Окроме муки превечныя
И т(ь)мы всем кромешныя.
За твое ж за терпение,
За великое за страдание,
Как вознесся свет Сын Божий

Ко мне к Богу во сед(ь)мо небо,
Я (в)стречу тебя, Сын Божий,
Со всею силою небесною
И воз(ь)му тебя, свет Сын Божий,
На свои руки пречистыя,
Посажу тебя, света Сына Божия,
По правую сторонушку,
Удивятся Сыну Божиему
Вся сила небесная.
Ты в те поры, свет Сын Божий,
Со своими со гонители,
Супостаты со предатели
Ты сам свет управисься».
Тебе свету Сыну Божиему
Слава со Отцом и со Святым Духом,
Со всею силою небесною.
И во веки веков. Аминь.

10. Сия песенка – как Сын Божий сеит свое семя божественное в верныя человеки

Дай, Господи Иисусе, свет Христос Сын Божий,
С нами да, сударь, святые,
Свет памилуй нас грешных.
Пресвятая Богородица, уприси о нас грешных
У своего Сына, у нашего Бога,
Тобою спасет от суда души наши грешныя
На сырой земле.
Да по полю-полю, по чистому полю,
По широкому раздолью.
Тут ходит-гуляет государь наш надежда,
Государь свет Сын Божий.
На ручушках носит чашу золотую,
А и в той было чаше Божие семя,
Был крупичатой сахар.
Государь свет разсеивает по всей подселенной
свое Божие семя,
Да сам сударь глаголет:
«Разродися, мое семя, в моих верных человеках,

Разродися, Божие дело, в моих верных-избранных,
Уродися, мой белой сахар, белою ярою
пшеницей,

Рости, моя пшеница, от земли и до неба,
И от престола Господня до Бога Саваофа,
До Сына Божия света,
До Свята Духа блаженна,
И до Троицы Святыя,
Святой Троицы нераздельной,
И до Матери Божией, Пресвятой Богородицы».
На том было месте, где Сын Божий гуляет,
Выросло свято древо,
Свято древо кипарисно,
Булатное корение, серебряны ветве,
Листье золотое.

Да что древо кипарисно?
Да тот сударь (Сын) Божий.
Да что булатно корение?
Это – крепость-утвержденье.

Что серебряны ветве?
То добры его дела.
Что листье золотое?
То вера его, радение,
И плач(ь), и моление,
И слезное течение,
Сердечное попечение.

На том было древе
Сидят царски дети,
Сидят они по ветвям,
Поют они песни –
Архангельски гласы.
Ветвья не обломите,
Сами с дерева не упадите.

Да сам сударь глаголет:
«Да вы царски дети,
Сами пойте-распевайте,
Царя прославляйте, Бога Саваофа,
И сына света Божия,
И свята Духа блаженна,
Троицу и святую, святую Троицу нераздельну,

И Матерь его Божию, Пресвятую Богородицу,
То причтет вас Господь Бог
Ко прежнем святым,
Ко ангелам-архангелом,
Ко апостолом-пророком
И ко всей силе небесной,
То причтет вас Господь Бог
Ко чистым девицам, к чистым непорочным,
Греху недоточным,
Ко женам-мироносицам
И ко всем святым-праведным».

11. Сия песенка – Богородицына

Веденье Пречистая Богородица.
Ангели удивилися,
Како дева ведена.
Она Спасова дитя.
Ва пище...пищере огненняя.
Породив она ходила.
Из рода роды брала,
Людей к Богу вела.
Она во зорю вокатила,
Во зорю утреннюю.
В красное солнышко вошло,
Всю вселенную обошло,
Всю подсолничную.
Сына Божиева нашла,
Ему суд святой вручала,
Души грешныя привела,
Праведных приклонила,
За их она упросила
У его Сына Божия,
Преблагомилостиваго,
Милосерднаго Царя,
Небеснаго Бога света,
Лучезарнаго светила,
Всемогущаго Бога.
Ему слава во веки века, аминь.

12. Сия песенка – отпадшим от Бога в погибель в грех

Росплачется красно солнце со лучами,
Росплачется светел месяц со звездами,
Увидел государь их свет Сын Божий,
Увидел Государь их сам небесной:
«Светы вы мои красно солнце со лучами,
Светел месяц со звездами,
О чем ты, красное солнышко, плачешь?
О чем ты, светел месяц, плачеш(ь) со звездами?
А и милости от меня вам нет?
И дару от меня вам мало?»
Что зговорит красно солнце со лучами
И светел месяц со звездами:
«Государь ты наш надежда, свет Сын Божей,
Государь ты наш ты батюшка, Царь Небесной,
И много от тебя, свет, нам дару,
И много, государь, милости Божией.
Плачу я, красно солнце со лучами,
Светел месяц плачу со звездами,
Что мир-народ идет он весь в погибель,
Во ту ли он муку во превечную,
А верные твои идут в отпаденье».
Сударь ты свет надежда, Царь Небесной,
Умилися ты до души до и грешной,
Прости ты, сударь, наше согрешение,
Великое наше, сударь, преступление,
Не оставь ты, сударь, от царства небесного,
От раю, государь, своего блаженного,
Избави, сударь, нас муки превечныя,
Запиши, сударь, в животные свои книги.
Причти нас, государь, к избранному своему стаду.
Аллилуия, аллилуия, слава тебе, Боже.

13. Сия песенка – как Сын Божий призывал вол(ь)ных людей охотников на большей корабль

Государь ты наш батюшка, богатый гость,
Нет тебя государя богатее
Ни на небе, а ни на земле.

У тебя же, сударя, бол(ь)шой корабль,
Богатый гость по кораблю покатывает,
В золоту трубочку вострубливает,
Воскликивает своих людей вол(ь)ных:
«Подите ко мне, люди вол(ь)ные все охотнички,
Подите ко мне на большой корабль,
Покупайте товары безценныя,
Безценныя-драгоценныя,
Не златом покупайте, ни серебром,
Не крупным акатистым жемчугом,
Покупайте товары безценные,
Безценные-драгоценные
Вы верою и радением,
Сердечным своим попечением,
Вы слезным своим и течением
И нощным, други, умолением».
Слава тебе, Царю Небесному.

14. Сия песенка – уверител(ь)ная: уверяет человек(ов), хотя-
щи(х) на спасенный Божий путь

Батюшко ты белоюшко, белый свет, ты помилуй всех.
Батюшко друг, ты не скинь своих с рук.
Батюшко Бог, положи дело во ум.
Матушка Мария, ты прибавь Божия ума,
Чтобы государыне не ходить без ума,
Чтобы не носить нам пустая сума,
Чтобы нам носить за тебя полную суму,
Полную суму да и все Божиево дело.
Полно нам жить, полно мучица,
Царства небеснова хочетца,
Хочетца, да не можетца.
Станем мы, праведные, мучитца,
Авос(ь)-либо праведные вступятца,
Богу нам молитца похочетца.
Праведные шли да Христа Бога нашли.
Им они светом ругаются,
Духу Святому насмеваются,
Сами они во ад проваливаются,
Во муку они проваляются,
Слава тебе, Царю Небесному.

15. Сия песенка – любительная, что Бог верного человека любит

Ей люблю, ей люблю.
Люблю друшка – золота струшка.
Ей люблю, ей люблю.
Золота струшка – соловеюшка.
Ей люблю, ей люблю.
Да и за что его люблю:
По ночам не спит.
Ей люблю, ей люблю.
Ей люблю, по ночам не спит,
По зорям рано встает.
И он песенки поет.
Ей люблю, ей люблю.
Утешает соловей роднова батюшка.
Ей люблю, ей люблю.
Роднова батюшка моево, гостя верховово.
Ей люблю, ей люблю.
Люблю друшка – золота струшка.
Ей люблю, ей люблю.
Золота струшка – соловеюшка.
Ей люблю, ей люблю.
Как за то ево люблю:
По ночам не спит.
По зорям рано встает.
Ей люблю, по ночам не спит,
По зорям рано встает.
Ей люблю, ей люблю.
По зорям рано встает.
И он песенки поет.
Ей люблю, ей люблю.
Утешает соловей родную матушку.
Ей люблю, ей люблю.
Родную матушку мою, гостью верховую.
Ей люблю, ей люблю.
Аминь, аминь Царю Небесному.
А(минь), а(минь) Ц(арю) Н(ебесному).

16. Сия песенка – как Сын Божий призывал вол(ь)ных людей на большой корабль

С высоты было, с сед(ь)ма неба не ясен сокол летит,
К нам гость-батюшка катит,
Он на тихой Дон Иванович,
На святой свой, на тихой.
Он устами свет гласит,
Аки в трубушку трубит,
Покликает своих верных-избранных людей:
«Вы подите, мои верные избранные души,
И на тихой Дон Иванович,
На бол(ь)шой мой на корабль.
Дам вам, други, вечелечки яровчатые,
Гребите вниз по батюшки по тихому по Дунаю
От края, други, до края, до небеснова до раю,
От конца, други, до конца, до Небеснова до Отца,
Уж за вешние за труды дам вам золоты трубы,
Свет сестрицы вы мои,
За вашии за труды дам вам семиградные венцы».
Аминь Царю свету Небесному.

17. Сия песенка – кто Бога не любит и искреннею своею и заповеди Божии не соблюдает

Да что то за люди,
Да что батюшки не любят,
Золоту трубу не трубят,
Себе рай не закупают,
Себе вечнаго житья.
А кто батюшку любит,
Золотую трубу трубит,
Себе рай закупает,
Себе вечное житье.
Ай, то-та будет,
Что и батюшки не будет,
Ай то-та будет,
Что по батюшки потужат,
Потужат и поплачут.

А кто батюшку любит,
В зелену саду гуляет,
Он цветочки сорывает,
Он веночки совивает,
На буйну главу викладает.
А кто батюшку не любит,
В золоту трубу не трубит,
Себе раю не закупит,
Себе вечного житья.
И не получает.
А кто батюшку не любит,
В зелену саду не гуляет,
Он цветочки не сорывает,
Он веночки не совивает,
На буйну голову не вскладывает.
И он милости не получает.

18. Сия песенка – от веры отпадения от Бога

То-то конь был,
То-то конь был, то-то добрый,
То-то воин, то-то богатый,
Богатырь был.
Как уш(а)ми конь
Все татар он в поле водит,
Во чистом поле все татар он водит.
Копытом конь
И он землю пробивает,
Уже хвостом конь
Он следочки все заметаает,
Гривою конь
Всю дубровочку устилает.
Нонечи и конь
Во чистом поле гуляет,
Уже гуляет
Как та травка ковыльчик.
Нонечи молодец
Во чистом поле гуляет,
Как гуляет –

Дело Божие забывает,
Уже он ищет
Такова себе человека:
«Кто б мне друг был,
Пособил тоски-кручины
Со великою со печалию,
Я б того назвал
Батюшкой своим родным,
Я б того назвал
И сердечным сердоболем,
Кто б довел бы
Как до Матушки до Божии,
Я б того назвал
Я Сионскую горою».
Аминь, аминь царю Небесному.

19. Сия песенка – путешественная, в пути ходящая

Благодатный Бог наш,
Упование Божие,
Прибежище Христово,
Покровитель Свят Дух.
По пути Бог с нами,
С нами и над нами,
С нами, перед нами.
Сохрани нас, Боже,
В пути и на дороге
От всех наших врагов
Видимых и невидимых.
Покори под нозе
Побеждати всех врагов
Всегда непрестанно.
Плоть и мир и диавола
И все козни демонский,
Нечестивых человек,
Отгони их, Господи,
Наших всех ругателей,
Не попусти их, Господи,
Нам зло учинити,

Отжени от нас, Господи,
Всякого врага-супостата.
Дай нам, Господи,
Желанное исполнить,
Тебе Богу угодити,
Тебе Богу работати
И денно, и ношно,
Непрестанно плакаться,
От грехов очиститься.
Дай нам, Господи,
Всегда познавати
Волю твою Господню
И о Бозе радоваться,
Суету оставляли
И любовь возыметь,
Веру содержати,
Надежду исполняти,
Послушание скорое,
Чистоту сохранить
Духовную и телесную,
Тако и сердечную,
Нищету духовную,
Страх Божий знати,
Тебя Бога боят(ь)ся.
Не лиши нас, Господи,
Всякого добра-блага,
Запиши нас, Господи,
В книги во животныя.
Не лиши нас, Господи,
Царства и небесного
И раю блаженного.
Избави нас, Господи,
Муки-то превечныя
И т(ь)мы кромешныя.
Дай нам, Господи,
Разум, разсуждением,
Память Божией доброй,
О Бозе всегда разумети,
Тебя света знати,
Никого не осуждати,

Никого не оклеветати,
Милостиву быти,
Милосердие имети,
Всегда и вовеки.
И вовеки веков, аминь.

20. Сия песенка – до Бога лесенка

Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
Я тебе, сударь, воспобаюся,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
Прости мое согрешение,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся
На велико мое преступление,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
Я тебе, свету покаюся,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На великое мое преступление,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся
На мое такое беззаконие,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся
На мою, сударь, таку простоту,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мое, сударь, неверие,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мое, сударь, безстрашие,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
Но мою, сударь, леность,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мое, сударь, непослушание,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мое, сударь, непокорение,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мое, сударь, нежелание,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На такое неискание,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На недоброй мой смех,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мою такую гнев да злобу,

Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На недоброй мой совет,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мой такой сон да дрему,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На мою такую неправду,
Сударь ты мой батюшка, не прогневайся,
На недоброе мое житие.

21. Сия песенка – как Сын Божий сиит свое семя божественное, безценное, драгоценное в свои сироты в последние

Как у нас было в каменной Москве,
Во Кремле было в красном городе,
Во дворце было государеве,
От крыльца было от красново,
Уже ис погреба государева
Выходил туту добрый молодец.
Он ис погреба государева
Выносил тут, добрый молодец,
Во правой руке своей семена,
Семена свои безценныя.
Он, вынесши, да сам задумался,
Сам задумался-закручинился:
«Семена ли да мои семена,
Семена да мои царские,
Уже царские безценные,
Уж безценные драгоценные,
Уже где же вас да мне посеяти?»
Как пошел ли да добрый молодец
Он далече до во чисто поле,
Становился да доброй молодец
При пути да он при дорожен(ь)ки,
Как посеял да свои семена
При пути да он при дороженьке.
Он посеевши, сам задумался
Он задумался-закручинился:
«Семена ли мои безценные,
Уже безценныя-драгоценныя,
Не у места я вас посеял я:

Налетит на вас черный вран,
Семена ли да вас повыгребует,
Уже повыгребует, все повыклюет».
Как пошел ли да добрый молодец
Он далече во чисто поле,
Под дубровочки под зеленя.
При дубровушки при зеленя
Он посеял да свои семена.
Становился да доброй молодец
При дубровушки при зеленя,
Уже посеявши, сам задумался,
Он задумался-закручинился,
Заливался он горючи слезы:
«Семена ли да мои царские,
Уже царския, безценныя,
Уже бесценныя-драгоценныя,
Не у места я посеял вас:
Набегут на вас серы волки,
Семена мои все повытопчут,
Все повытопчут, все повытолочут».
Как задумался доброй молодец,
Он задумался-закручинился,
Уже пошел ли да доброй молодец
Он далече до во сине море,
Становился доброй молодец
Среди моря на камени,
Он на камени на белом,
На натверженем.
Уже посеял да доброй молодец
Среди моря он синева
Семена свои безценныя,
Он безценныя-драгоценныя.
Он посеявши, сам возрадовался:
«Семена ли мои безценные,
Уже безценныя-драгоценныя,
Как у места посеял вас,
Семена мои повыросли».
Выростал туто зеленый сад
Со древами да с кипариснами
И с яблон(ь)кой со кудрявою,

Уже со грушкою со зеленою,
Уже с вишенью с цареградскими;
Как во тот ли да во зеленой сад
Солеталися птицы райския,
Уж поют они песни царския.
Уже кто этот зеленый сад,
Еще кто же да ево посадил?
Как садил ево зеленой сад,
Посадил ево государь-батюшка.
Еще кто этот зеленой сад,
Еще кто-то ево поливал?
Поливала да этот зеленой сад,
Поливала да ево матушка –
Сама Мать Божия Богородица.
Еще кто этот зеленый сад,
Еще кто ево огораживал?
Огораживал етот зеленой сад
Уже сам государь свет Сын Божий.
Еще кто да ево возрастил
Этот зеленой сад?
Возрастил ево Святый Дух
Он со всею силою небесною,
Он со ангелы-архангелами.
Аминь царю Небесному утешителю,
Свят Духу и вовеки веков, аминь.

22. Сия песенка – как Сын Божий выплывает на большом корабле и душа с телом расставалася

Да по морю, морю синему,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Да по морю, морю по житейскому,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Как плывет-выплывает большой, сударь, корабль,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
О двенадцати белых парусов,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
На том корабле престол Христов,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,

На престоле сам Исус Христос,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Сам Исус Христос,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Сам Исус Христос, государь Сын Божий,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Он со ангелы, со архангелы,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Что сзговорит сам Исус Христос
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Сам Исус Христос, сударь Сын Божий,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй:
«И вы свет мои святы ангелы,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Святы ангелы-архангелы,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
И вы где были да что видели,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
А что видели, что вы слышали?»
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Как что зговорят святы ангелы,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
«И ты свят государь ты наш батюшка,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Сударь батюшка, сударь Сын Божий,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
И мы были были на сырой земле,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
На сырой земле,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
И мы видели и мы слышали,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Господь, душа с белым телом ра(с)ставалася,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Ра(с)ставшись, душа с телом не простилася,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
Назад душа воротилася,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
«Тебе, телу, быть во сырой земле,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,

А мне, душе, быть на страшном суде,
Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй,
На страшном суде перед самим Христом⁷». Аллилуиа, аллилуиа, Господи помилуй.
Аминь, аминь Царю Небесному.

23. Сия песенка – суд Господень святой Божей

Еще кто б нам построил
Мать прекрасную пустынь
Не в нажиточнем месте,
Чтобы око не видало
Сего житья суетново,
Чтобы ухо не слыхало
Человеческаго гласу.
Я учну ли гор(ь)ко плакать
И я слезно възрыдати
О своих ли грехах тяшких.
Уш сошел ли Господь с неба
И он сам, сударь, глаголет:
«Вы рабы мои, рабыни,
Православные христиане,
Не забуд(ь)те Бога живите
И вы друг друга любите,
Промежду любовь держите,
Не живите лицемерстье.
Как я буду Бог катити,
Сыном Божиим ликовати,
Путь свой истинно явити,
На пути вас укрепити,
Дух Святые к вам катити,
Дело истинно явити».
Уже сошел Господь с неба,
Спустил ли гнев свой Божей,
Когда будет конец веку,
Уже нигде житья не будет:
Ни в горах, ни в вертепах,
Ни во темных во лесах,
Ни во дал(ь)ных пустынях,
Ни в земляных упокоях.

Еще слава тебе, Христе Боже
И Святому твоему Духу.
И во веки веков, аминь.

24. Сия песенка – в печали утешител(ь)ная

Свет Господи, создатель мой,
Поведай мне печаль мою.
Когда пришлешь помощника?
Владыко мой как Бог во мне.
Не унывай, душе моя,
Ты уповай на Господа,
На его Царя Небеснаго,
На Мать Божию Богородицу,
На ангелов-архангелов,
На всю силу небесную,
На всех святых угодников.
Аминь Царю Небесному.

25. Сия песенка – как Сын Божий вручает стадо свое избранное пасти своему садовнику, учителю благому, аки садовые древа

Садик мой, садик, зеленой мой виноград,
Кто тебя насадил, тот и спинушку отсаднил,
Садик насадил, он и спинушку осаднил.
Добрый молодец в зеленом саду гулял,
Яблочки сщипал да на блюдечко клал на серебряное,
Золотой виноград на тарелочку клал,
К гостю носил на высокой на терем.
Гость ево встречал, на белы руки принимал,
За белы руки принимал, за дубовый стол сажал,
Бьет челом ему, покланяется:
«Здравствуй, мой садовник, своим зеленым садом
Со яблон(ь)ками со кудрявыми,
Зеленым виноградом и со вышеньками».
Дай Боже здравствовати,
Нашему сударю да воздравствовати,
На многие лета, неущетные годы,
С верными людьми, избранными души.
Аминь, аминь Царю свету Небесному,
Утешителю Святу Духу и блаженному.

26. Сия песенка – кто похочет к Богу верно служитьи

Ей кому батюшку любити,
Крестное знамение держати,
Да орусему [?] тому быти,
Богу ыстиной служити,
Тому опасности быти,
Надежду исполняти,
Тому в любви Божьей жити,
Тому милостиву быти,
В послушании тому быти,
Да под страхом ему жити,
В чистоте жити,
Тому Бога не гневати,
По-плотскому не ходити,
По-духовному жити,
Тому греха не творити,
Нищету тому любити,
Милосерду тому быти,
Тому страх в сердце держати,
Тому правду говорити,
Много милости просити,
Да разумну тому быти,
Тому в кротости жити,
Во смирении тому жити,
По ночам не усыпати,
По зорям рано вставати,
На Дарей реку ходити,
На Сладим реку ходити,
Гор(ь)ки слезы проливати,
Свое сердце надрывать,
Нелицемерно тому жити,
Не лукавством тому жити,
Волею Богу служити,
Хулу-бесчестие принятьи,
Да изгнану тому быти,
Тому за Бога страдати,
Тому с радостию терпети,
Неизменну тому быти,

В Божию церковь ходити,
Божие слово хранити,
В Божией радости быти,
В золоту трубу трубити,
В золоту верву звонити,
Тому в милости ходити,
Тому Евангелие читати,
Толковое разсуждати,
Да тому пророком быти,
Огненными языцы глаголати,
В зеленом саду гуляти,
Тому ангелом быти,
Тому ангелом летати,
Херувимом тому быти,
Серафимом тому быти,
Тому апостолом быти,
Во блаженном раю быти,
У престола Божия быти,
У суда Божия стояти,
Тому милости прощати,
В семигранном венце быти,
Золоты ризы носитьи,
Тому праведным быти,
В Божией радости быти.

27

Братцы вы, братцы вы духовные,
Не покин(ь)те доброво молотца
При бедности, при великой печали при кручинушке,
Заменяю я вашу смерть животом своим,
Не в кое время пригожуся, братцы, вам,
Не то что животом, всею грудью белою,
Их же Господь и Бог избра,
Тех хранит, милует и любит,
И Духом Святым наставляет,
Отнюдь не погубит,
Нету у вас радение,
Отняли вы у нас.

Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с(о) трепетом.

Величаем тя.

Буди имя Господне благословенно отныне и до века.

Велик Господь наш, и велия крепость Его, и разума Его
несть числа.

Величаем тя.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

¹ В.В. Нечаев указывает, что в 1886 г. была составлена опись и что при осмотре дел оказалось, что «в более или менее неповрежденном виде сохранились немногие из них, <...> большинство дел было разбито на отрывки, беспорядочно сложенные в вязки, <...> многие из этих отрывков оказались весьма ветхими, иные почти истлели, иные покрыты местами засохшей грязью» (*Нечаев В.В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. II. С. 77–79*).

² *Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.*

³ Как в приложениях, так и в главах тексты приводятся в соответствии с современной графикой и пунктуацией, титла раскрываются. Для удобства читателя пространные цитаты из Евангелия приведены по синодальному переводу, фрагменты литургических текстов – по современным богослужебным книгам. Расхождения с более древними текстами оговариваются в работе особо. Во всех случаях, где в тексте речь идет о дораскольном варианте Иисусовой молитвы «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», молитва названа Иисусовой. В других случаях – Иисусовой согласно традиции. Все выделения текста курсивом мои, если не сказано иное.

⁴ *Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.*

⁵ *Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.*

⁶ *Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. М., 1973. С. 324–334.*

⁷ *Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Некоторые замечания к психологии молитвы: когнитивный аспект // Московский психотерапевтический журнал. 1998. № 1. С. 31–55.*

⁸ *Гинзбург К.* Колдовство и народная набожность: заметки об одном инквизиционном процессе 1519 года // Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история: Сб. ст. М., 2004. С. 19–50. Благодарю за консультацию А.А. Игнатьева.

⁹ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект (далее – Христовщина и скопчество...), М., 2002. С. 14–43.

¹⁰ *Нечаев В.В.* Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. М., 1889. С. 77–199.

¹¹ *Чистович И.А.* Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2. Отд. I. С. 1–89.

¹² *Есипов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайных розыскных дел канцелярии (далее – Раскольничьи дела XVIII столетия). Т. 1. СПб., 1861; Т. 2. СПб., 1863; *Он же.* Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1885; *Он же.* Тяжелая память прошлого. Рассказы из дел Тайной канцелярии. СПб., 1885. Последние два очерка переизданы в 2010 г. под общим названием «Тайная канцелярия. Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии».

¹³ Имеется в виду так называемый сборник Василия Степанова, опубликованный И.Г. Айвазовым и переизданный А.А. Панченко в составе двух книг: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 427–465; *Духовные песни христовщины* (публ. А.А. Панченко) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М.: Индрик, 2002. С. 478–504. См. прил. 11.

¹⁴ Публикуемые В.В. Нечаевым показания объединены общей темой – речь идет о нарративах, содержащих мотив заклания младенцев христоверами. Важно помнить о том, что, по мнению В.В. Нечаева, «приходится признать ложными большинство показаний» (*Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 180), считать их самоговорами.

¹⁵ *Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.

¹⁶ *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

¹⁷ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество...; *Он же.* Сборник Василия Степанова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. С. 467–518.

¹⁸ *Берман А.Г.* Мистические секты в Среднем Поволжье в XVIII–XX вв. Чебоксары, 2004.

¹⁹ *Clay J.E.* The Theological Origins of the Christ-Faith (Khristovshchina) // Russian History / Histoire Russe. 1988. Vol. 15. № 1 (далее – The Theological Origins...). P. 21–42; *Idem.* God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. Vol. XXVI (I). 1985 (далее – God's People...). P. 69–124.

²⁰ *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998 (далее – Хлыст...); *Он же.* Джеймс и Коновалов: многообразии религиозного опыта в свете Заката Империи // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 102–122; *Он же.* Горький и Безбедов: подтекст «Серебряного голубя» в «Климе Самгине» // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 30–52.

Дискуссии о происхождении христовщины

¹ *Барсов Н.* Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869. С. 48–49.

² А. Эткинд, ссылаясь на Н.В. Реутского, указывает 1631 год.

³ *Кутепов К.* Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 272. К. Кутепов излагает версию христоверов.

⁴ Этой же версии придерживаются некоторые позднейшие исследователи. См., напр.: *Снегирев И.* Основатели секты Людей Божиих лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Май–август. С. 324–328.

⁵ ИРЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 7. Л. 25 об.

⁶ *Барсов Н.* Указ. соч. С. 13.

⁷ *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872. С. 5.

⁸ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 106–107. Известно, впрочем, что пост на Светлой неделе (после Пасхи) – древнехристианская традиция.

⁹ *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. М., 1995. С. 150.

¹⁰ *Эткинд А.* Хлыст. М., 1998. С. 26.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 118. Д. 1291. Л. 6.

¹² В некоторых документах – Иван Иванович Суслов.

¹³ *Рождественский А.* Хлыстовщина и скопчество в России // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1882. Ч. 3. С. 165–166. По преданию, вознесение произошло 1 января 1700 г. – эта дата связана с изменением летосчисления и подчеркивает эсхатологический характер христовщины.

¹⁴ *Clay J.E. God's People...* P. 72.

¹⁵ Там же. С. 103–107.

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Берман А.Г.* Указ. соч. С. 14.

¹⁹ *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы... С. 26.

²⁰ *Clay J.E. The Theological Origins...* P. 38–41.

Глава 1

Христоверы глазами их современников: следственные дела XVIII века

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 80. По следствию о секте квакеров (хлыстов) в Москве, 1733 г. Ср.: РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 101. По определению Синода относительно появившейся в Москве ереси, похожей на учение квакеров, 1733–1734 гг.; РГИА. Ф. 796. Оп. 27. Д. 41. О сыске наставников «квакерской» ереси, 1746 г.

² *Айвазов И.Г.* Первое следственное дело о христовщине // Миссионерское обозрение. 1916. № 7–8 (далее – Первое следственное дело...). С. 360–386.

³ *Clay J.E. God's People...* P. 69–124 (публикация материалов начинается на с. 102).

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 80. По следствию о секте квакеров (хлыстов) в Москве, 1733 г.

⁵ *Clay J.E. God's People...* P. 104.

⁶ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 126.

⁷ Еремей Бурдаев, как указывает И.А. Чистович, умер в 1731 г. – дерево, которое он рубил в лесу, упало на него и раздавило (*Чистович И.А.* Указ. соч. С. 4).

⁸ Протокол его же допроса 1733 г. см. в прил. 10.

⁹ Протокол его же допроса 1733 г. см. в прил. 9.

¹⁰ *Clay J.E. God's People...* P. 105.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 14. Д. 80. Л. 160–160 об.

¹² *Айвазов И.Г.* Первое следственное дело... С. 367–368.

¹³ *Clay J.E. God's People...* P. 106.

¹⁴ *Ibid.* P. 115.

¹⁵ *Айвазов И.Г.* Первое следственное дело... С. 368.

¹⁶ От глагола «радить» («радеть») со значением «печься, заботиться, стараться, усердствовать».

¹⁷ Ср. показания Марии Емельяновой (1733): «...Наставлена она речьми, чтоб ей молиться по ночам в два перста и хмельного не пить и хранить чистоту... исполнит тож и избавлена будет вечныя муки» (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Л. 46).

¹⁸ *Айвазов И.Г.* Первое следственное дело о христовщине // Миссионерское обозрение. 1916. № 7–8. С. 370.

¹⁹ Милоть – церк., греч. μιλωτή – овчина // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1914. Т. 2. С. 819. Интересно, что в милоти (т. е. в длинной одежде из шкур) изображают на иконах Покрова Андрея юродивого (см.: *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. С. 241).

²⁰ *Айвазов И.Г.* Первое следственное дело... С. 370.

²¹ *Clay J.E.* God's People... P. 111.

²² *Ibid.* P. 114.

²³ *Ibid.* P. 123.

²⁴ *Ibid.* P. 120.

²⁵ *Ibid.* P. 123–124.

²⁶ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 65.

²⁷ См. гл. 4.

²⁸ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 2 об.–4. Полный текст указа приведен в прил. 4.

²⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Дело о князе Ефиме Мещерском, имевшем в своем доме дароносицу с церковными дарами, 1721 г.; РГИА. Ф. 796. Оп. 1. Д. 387. Дело по доношению Тайной канцелярии о князе Ефиме Мещерском, 1721–1730 гг.

³⁰ *Есиков Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия... Т. 2. С. 189–202; см. *Его же.* Люди старого века... СПб., 1880; *Его же.* Тяжелая память прошлого... СПб., 1885. (современное переиздание – *Есиков Г.* Тайная канцелярия. Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 2010).

³¹ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 18, 300–305 (о князе Мещерском и Алене Ефимовой), 131 (О Григории Ефимове), 441 (о Пелагее Ефимовой и ее сыне Иване Цветкове).

³² *Смилянская Е.Б.* Указ. соч. С. 269–270.

³³ *Федотова М.А.* О расспросных речах старообрядцев. По материалам первой половины XVIII века фонда канцелярии Синода // *Revue des Etudes slaves.* Paris. 1997. Vol. LXIX. № 1–2. P. 45–59 (на с. 57–58 опубликована «Молитва за царя Петра Алексеевича, сочиненная Аленой Ефимовой»).

³⁴ А.С. Лавров отождествляет Настасью Зиму и Настасью Карпову из московского Ивановского монастыря, лидера ранних христоверов

(см.: *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 256). О Настасье Зиме см. также: Смилянская Е.Б. Указ. соч. С. 270–272.

³⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

³⁶ Там же. Л. 17 об.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 17.

³⁹ Об этом феномене см.: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 325.

⁴⁰ М.А. Федотова указывает со ссылкой на В.В. Руммеля и В.В. Голубцова, что «князь Евфим Васильевич [был] стряпчий (1681), стольник (1682–1696) и ротмистр 20-й роты стольников в Азовском походе (1696)». См.: *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. С. 44; *Федотова М.А.* Указ. соч. Р. 51.

⁴¹ На вопрос следствия о том, «с какого году он у себя богомолье в дому учинил», князь отвечал: «После Нарвского походу, вскоре, как в том походе через избавление от образа Пресвятой Богородицы, который на рамах своих носил, избавлен бысть от смерти» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 38).

⁴² «А богомолье у себя в доме имел для того, что обещался построить церковь, тот образ поставить в ней, для того, чтоб пред тем образом без пения [т. е. без богослужения. – К. С.] не было» (Там же).

⁴³ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 301.

⁴⁴ Там же. С. 161–162.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 26. См. также: *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 302. Именно факт владения дароносицей (а не укрывательство раскольников, например, и не прославление чудотворной иконы) был вынесен в название следственного дела о князе Мещерском.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 15.

⁴⁷ Там же. Л. 25.

⁴⁸ То есть монахиням и послушницам.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 24.

⁵⁰ Там же. Л. 27 об.

⁵¹ Ср. «...А книги де читал только Псалтырь» (РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.).

⁵² Подобная мысль уловлена и воспроизведена П. Мельниковым в его романе «На горах» – юная староверка Дуня, попавшая на собрание христоверов, удивлена не их проповедью, а именно сочетанием ряда физических и физиологических действий (кружений, верчений, истерик и приступов) с молитвой.

⁵³ О почитании юродивых на Руси см.: *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. Говоря о тенденции XVIII в. отделять юродивых-святых от лжеюродивых или притворных юродивых, автор книги упоминает о почитании христоверами «притворного юрода» Андреяна Петрова (С. 320–321).

⁵⁴ См. очерк А.С. Лаврова о кликушах в работе «Колдовство и религия в России» (М., 2000. С. 376–393).

⁵⁵ Там же. С. 388.

⁵⁶ Можно видеть здесь некоторую типологическую параллель с шаманской инициацией – исцеленные путем инициации от шаманской болезни (во многом похожей на симптомы кликоты) юноши становятся шаманами, исцеленные от кликоты женщины становятся пророчицами. Те и другие обретают некоторый сакральный статус, являясь посредниками между общиной и миром «священного».

⁵⁷ См., в частности, работу С.А. Иванова, в которой приводится немало парадоксальных примеров из житий византийских юродивых.

⁵⁸ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 413.

⁵⁹ Рукопись 1720 г. «в парчовом с деревянными крышками переплете с серебряными золочеными застежками» хранится в Фонде канцелярии Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 1). Автором текста был епископ Феофан (Прокопович).

⁶⁰ «Духовный регламент»: Электрон. версия. Метод доступа: <<http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1229>>.

⁶¹ С 17 апреля 1733 г. Афанасий Савелов был заменен Борисом Нероновым, также бывшим судьей Раскольнической конторы. См.: *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 80.

⁶² Копия указа от 7 июня 1734 г. (РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 4).

⁶³ Там же. Л. 2–2 об.

⁶⁴ Ср.: Игумен Варлаам говорил: «*Цепочками* и обухами и поленьями я себя не бивал, а бил только в груди кулаками, утруждая плоть свою» (РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 10).

⁶⁵ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–6.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Расспросы 78 человек колодников по присланным из Синода пунктам, 1733 г.

⁶⁷ См.: *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 163.

⁶⁸ См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756). Д. 732. Л. 169 об.–170.

⁶⁹ Там же. Л. 165.

⁷⁰ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 83.

⁷¹ См. прил. 2.

⁷² РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. 1733 г. Л. 46 об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 54.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Монастырь находился в Ярославском уезде, недалеко от Углича, и был упразднен в 1764 г.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–3 об.

⁷⁷ Там же. Л. 4–10 об.

⁷⁸ Там же. Л. 15–23.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 7. Там же сказано, что тем, кто принесет покаяние до января 1735 г., *«те вины их Всемилостивейшие будут всеконечно отпущены без всякого истязания»*, что, однако, реальному положению дел не соответствовало.

⁸⁰ Согласно документам первой ревизии Герасим Муратин родился в 1645 г., в 1715 г. в его доме в Венёве проживали его жена Дарья (68 лет), дети Василий (42 лет), Алексей (35 лет), Фома (25 лет), Иван (23 лет), Марфа (37 лет), Авдотья (20 лет). Обращает на себя внимание то, что женаты и имеют детей только старшие сыновья Герасима Андрей и Василий (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 56. Л. 43 об.). Благодарю за предоставленные материалы венёвского историка-краеведа Дениса Махеля.

⁸¹ *Панченко А.А. Христовщина и скопчество... С. 146.*

⁸² Там же. С. 148.

⁸³ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–10 об. Текст расспроса приведен в прил. 6.

⁸⁴ Там же. Л. 7 об.–8.

⁸⁵ Там же. Л. 8.

⁸⁶ Там же. Л. 8 об.

⁸⁷ Там же. Расспросные речи колодников, [1733]. Л. 6–6 об.

Глава 2 Вера Христова

¹ См., например, комментарий к словам «Бог, божество», который дают Т.С. Рождественский и М.И. Успенский при публикации духовных стихов: «В песнях встречаются почти все библейские термины, прилагаемые к Богу: Бог Отец, Сын Божий, Дух Святой, Троица, Саваоф, Искупитель, Иисус Христос и другие, но под ними разумеются люди (хлыстовские вожаки), достигшие путем особых подвигов “обожествления”» (*Рождественский Т.С., Успенский М.И. Песни русских сектантов-мистиков.* СПб., 1912. С. XI–LV).

² РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 4–6. См. прил. 4.

³ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 84–85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6. Л. 46.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 149.

⁹ Там же. Л. 150.

¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 52 об.

¹¹ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 9.

¹² Сборник Василия Степанова. № 4 (см. прил. 11).

¹³ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 15–16.

¹⁴ Сборник Василия Степанова. № 8 (см. прил. 11).

¹⁵ Типологически эволюцию общины христоверов от «нормативной» до «альтернативной» можно сравнить с общинами христиан-трезвенников. Известно, например, что община братца Иоанна Чурикова, последователи которой сохранились еще в Петербурге и его окрестностях, прошла путь от нормативного православного братства христиан-трезвенников до общины, полностью отказавшейся от причащения вином и других таинств.

¹⁶ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 139–140.

¹⁷ *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Б.А. Успенский. Избранные труды. М., 1996. Т. 2. С. 74, 93.

¹⁸ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 239.

¹⁹ *Коновалов Д.Г.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Сергиев Посад, 1908. С. 197. Впрочем, подобные пророчества могут быть интерпретированы не только в контексте бытового прогноза, но и как эсхатологические.

²⁰ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 28 об.

²¹ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 76.

²² Там же. С. 31.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ В расспросе Иоасафа Семенова говорится, что он «пророчествовал, что не будет преставления света, только-де как человек умрет, то-де и преставление ему будет» // Там же. С. 57.

²⁵ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 56–60.

²⁶ Расспросные речи колодников (78 человек), 1733 г. // РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 6–7. Л. 46 об.

²⁷ См.: *Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011. С. 53–55, 74–75. Вслед за Б. Стоком автор описывает «текстуальное сообщество» как «совокупность лю-

дей, в пределах которой распространяется особого рода фольклор – устное знание и практики, которые считаются “написанными” в известном этим людям тексте». Он подчеркивает, что «единственное холистическое свойство текстуального сообщества, позволяющее рассматривать его как единое целое, – это стремление и способность действовать “как написано”, то есть приводить социальную реальность в соответствие с текстом» (С. 53–54).

²⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 17 об.

²⁹ Что позволяет сопоставлять христовщину не только со староверами, но даже с культурой молокан – субботников и воскресников, уделявших большое внимание чтению и толкованию Священного Писания. Интересно, что после 1905 г. многие христоверы записывались молоканами – отчасти потому, что молокане получили право открыто исповедовать свою веру (в отличие от христоверов и скопцов, которые так и остались «вреднейшими сектами»), но, может быть, и в силу некоторых общих черт, исследование которых могло бы стать темой отдельной работы.

³⁰ В настоящее время этот текст считается псевдоэпиграфом.

³¹ Может быть, именно с этим евангельским фрагментом связаны следующие названия христоверов «серыми голубями», а скопцов – «белыми голубями». Ср. с названием посвященного хлыстовской теме романа Андрея Белого «Серебряный голубь». Небольших голубков можно и теперь наблюдать на хлыстовских могилах в разных районах Подмосковья (в Кармолине Щелковского района, в Дракине под Тарусой).

³² О нем см.: *Панченко А.А.* Сборник Василия Степанова... С. 471–474. Духовные стихи христоверов принято называть «распевцами».

³³ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 27 об.

³⁴ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 169–170.

³⁵ Там же. С. 169.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 106.

³⁸ *Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. 1. Пг., 1915. С. 1–35.

³⁹ *Панченко А.А.* Сборник Василия Степанова... С. 467–518.

⁴⁰ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 171–179. По словам В.В. Нечаева, выдержки из сборника сохранились в указе № 142 (РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1).

⁴¹ Там же. С. 77–199.

⁴² Духовные песни христовщины // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 504.

⁴³ Там же. С. 518.

⁴⁴ Часослов. М., 2000. С. 170–222.

⁴⁵ Домашние православные богослужения проводились по меньшей мере до середины XIX в. Вот как сельский священник описывает своих прихожан: «Многие из них молятся довольно много и некоторые из грамотных в праздничные дни и великий пост отправляют в своих домах богослужение сами, и в таком случае они едва ли не предпочитают свою домашнюю молитву общественной, совершаемой в храме» // ГАКО (Кострома). Ф. 130. Оп. 13. Д. 76. Общая ведомость раскольников, состоящих в Костромской епархии Костромского уезда в приходах Богородицкой церкви села Исаковского, за 1868 г. Л. 7 об.

⁴⁶ Фрагмент 9 песни праздника Введения во храм пресвятой Богородицы: «Ангели, вхождение Девы зряще удивишася...песнопоя Тебе, провозглашаше Давид, глаголя Ты Дщерь Цареву...Дево Чистая» // Цит. по: Отреченное чтение России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 511.

⁴⁷ Цит. по: *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 170.

⁴⁸ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 246.

⁴⁹ Там же. С. 247. Выделение курсивом и разрядкой А.А. Панченко.

⁵⁰ Книга, именуемая «Устав домашния молитвы и прочих христианских обрядов» («Красный Устав»). Электронная версия. Метод доступа: <http://www.staropomor.ru/Ustav%282%29/krasn_ustav.html>

Глава 3

Ритуальная практика христоверов

¹ Современные исследователи кликоты затрудняются привести критерии, по которым проходило отделение притворных кликуш от настоящих.

² *Радить, радесть* – печься, заботиться, стараться, усердствовать. Например: он о храме Божьем радит, радеет; чего душа радела, то Бог мне и дал (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1914. Т. 2. Стб. 1465).

³ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 6–7.

⁴ *Чистович А.И.* Указ. соч. С. 16–17.

⁵ Стихира на стиховне праздника Пятидесятницы, ставшая впоследствии отдельной молитвой.

⁶ *Чистович А.И.* Указ. соч. С. 86.

⁷ Неделя жен-мироносиц (третье воскресенье после Пасхи) или неделя о расслабленном (четвертое воскресенье после Пасхи).

⁸ РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 93. Л. 7 об.

⁹ Книга, именуемая «Устав домашния молитвы и прочих христианских обрядов» («Красный Устав»): Электронная версия. Метод доступа: <http://www.staropomog.ru/Ustav%282%29/krasn_ustav.html>

¹⁰ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 42–42 об. Иван Андреев был провокаторм, посредством которого было найдено и арестовано много согласников.

¹¹ Там же. Л. 42 об.

¹² *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 71–72.

¹³ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 267.

¹⁴ Там же. С. 268.

¹⁵ Например, «присяга» подьячего Лариона Докукина (1718). См.: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 265.

¹⁶ Там же. С. 267.

¹⁷ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

¹⁸ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 76–77.

¹⁹ Там же.

²⁰ Среди значений глагола «назвать, называть, назывывать» В.И. Даль указывает «обзывать», «сказывать названье» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. Стб. 1083–1084).

²¹ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 104.

²² *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8. История распоряжений по расколу. СПб., 1863. С. 85.

²³ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 2–2 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 93. Л. 7 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.

²⁶ *Clay J.E.* God's People... P. 120.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 123–124.

²⁹ Ibid. P. 54.

³⁰ Ibid.

³¹ См.: *Лаэров А.С.* Указ. соч.

³² Хлеб, который освящается в церквях на Пасху и раздается верующим в Фомино воскресенье (второе воскресенье по Пасхе).

³³ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. Л. 25.

³⁴ Там же.

³⁵ Речь идет об исцелении кликуши.

³⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 93. 1721 г. Л. 37 об.

³⁷ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

³⁸ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 87.

- ³⁹ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. Л. 41 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 46 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 6. Л. 9.
- ⁴² *Скабалланович М.* Толковый Типикон. Киев, 1913 (репринт: М., 2003). Вып. 2. С. 45.
- ⁴³ *Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 260.
- ⁴⁴ *Скабалланович М.* Указ. соч. С. 45.
- ⁴⁵ Чин о панагии [бываемый во обителях по вся дни] // Часослов. М., 2000. С. 128–134.
- ⁴⁶ Здесь и ниже в квадратных скобках комментарии автора.
- ⁴⁷ *Скабалланович М.* Указ. соч. С. 65.
- ⁴⁸ Там же. С. 66–67.
- ⁴⁹ *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 128–131.
- ⁵⁰ *Скабалланович М.* Указ. соч. Вып. 3. С. 77.
- ⁵¹ *Коновалов Д.Г.* Указ. соч. С. 197.
- ⁵² Там же. С. 170.
- ⁵³ Там же. С. 171.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 167.
- ⁵⁶ Например, в более поздних источниках встречаются подобные обвинения в воровстве, зафиксированные в распевцах: «Ой, Анисим, берегись, Богу крепче помолись! Не забудь ты Бога ради, Господь сказал: “Не укради!”» (см.: *Коновалов Д.Г.* Указ. соч. С. 206).
- ⁵⁷ О возбуждении функций речи см.: *Коновалов Д.Г.* Указ. соч. С. 157–256.
- ⁵⁸ Истерией в XIX в. считали и кликоту. Впрочем, нужно прислушаться к словам А.С. Лаврова, говорящего, что «неопределенность психологического механизма кликушества заставляет нас особенно осторожно относиться к интерпретации источников» (*Лавров А.С.* Указ. соч. С. 383). Можно перенести это суждение и на пророчиц христоверов.
- ⁵⁹ Имеются в виду так называемые анененайки, сохранившиеся в песни староверов-беспоповцев.
- ⁶⁰ *Успенский Б.А.* Раскол и культурный конфликт XVII века // Б.А. Успенский. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 342–343.
- ⁶¹ *Malony N., Lovekin A.* Glossolalia. N.Y., 1985. P. 29–38, 101–102.
- ⁶² Ibid. P. 224–225.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 93. Л. 6–8 об.
- ⁶⁴ Там же. Л. 7 об.

Глава 4
«Богомерзкая противность»:
распространенные мифы о христоверах

¹ См. прил. 4.

² *Димитрий Ростовский*. Розыск о раскольнической брынской вере и о учении их, и о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не Богоугодны. М., 1847. С. 571–572.

³ Три послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского. Послание третье // Православный собеседник. 1855. № 2. С. 112–114. Фрагмент, о котором идет речь, полностью воспроизведен в тексте А.А. Панченко (*Панченко А.А. Христовщина и скопчество...* С. 107–108), поэтому мы укажем только разночтения.

⁴ Ср. в синодальных документах 1733–1734 гг.: «Чародейство употреблялось средством к помрачению в простодушных даже последней искры ума» (РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 10 об.).

⁵ Цит. по: *Панченко А.А. Христовщина и скопчество...* С. 108.

⁶ Легенда, в частности, нашла свое отражение в эпилоге к «Петру и Алексею» Д. Мережковского.

⁷ Логика напоминает ту, что была применена по отношению к кликушам и юродивым – бывают «настоящие», но бывают и «притворные» случаи, в которых актер преследует корыстные цели (финансовые или конспиративные).

⁸ Исключение составляет, пожалуй, лишь автобиографический очерк Марины Цветаевой «Кирилловны» («Хлыстовки»). О хлыстовской теме в литературе писали А. Эткин (*Эткин А. Хлыст...*) и М. Никё (*Niqueux M. Le mythe des xlysty dans la litterature russe // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 201–221*).

⁹ РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 70. Л. 9. Если сравнить этот текст с текстом указа от 7 августа 1734 г., то можно заметить, что «Великий жрец и жрица» заменили более нейтральное выражение членов Синода – «предводители» или «начальники».

¹⁰ *Нечаев В.В.* Указ. соч. С. 165.

¹¹ *Реутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы... С. 51–52.

¹² *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество... С. 153–156.

¹³ Там же. С. 153–154.

¹⁴ *Миниций Феликс*. Октавий // Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. С. 342–343.

¹⁵ Ср.: в советское время похожие мифологемы переносили на протестантов (некоторые из них были отражены, например, в известном фильме «Гучи над Борском»), а в настоящее время – на членов новых религиозных движений.

¹⁶ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 9.

¹⁷ В работе А.С. Лаврова есть несколько тому примеров.

¹⁸ В этом отношении интересны были бы исследования влияний христовщины на другие религиозные течения (молокан-прыгунов, пятидесятников и др.).

¹⁹ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 29.

²⁰ Там же. С. 87.

²¹ Там же. С. 24.

²² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756). Д. 732.

²³ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 51.

²⁴ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756). Д. 732.

²⁵ *Снегирев И.М.* Основатели секты «людей Божиих» лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Июль. С. 324–326.

²⁶ *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 38–39.

²⁷ РГАДА. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3. 1733 г. Л. 48 об.

²⁸ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 50.

²⁹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 11 (1756). Д. 732. Л. 169 об. – 170 об.

³⁰ РГАДА. Ф. 302. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

³¹ Там же. Л. 52–53 об.

Приложение 1 Комиссия 1733–1739 годов и ее действия

¹ Иеромонахи Высокопетровского монастыря Филарет Муратин и Тихон Струков, просвирик Чудова монастыря Иоасаф Семенов, эконом Симонова – Серафим Лупкин, старицы: Ивановского монастыря Настасья Карпова, Есфирь Ларионова, Анна Иванова, Ксенофонта Яковлева, Никитского – Елена Михайлова, крестьяне Новодевичьего монастыря Семен и Иван Мелоскины и Матрена Ларионова, дворцовые – Степан и Григорий Крашенинниковы (здесь и далее в постраничных сносках – примечания В.В. Нечаева).

² См. книгу указов Раскольнической конторы 1733 года, № 8 и 84.

Приложение 2
Следственная о раскольниках комиссия
1745–1757 годов и ее деятельность

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны номера дел фонда «Следственной о раскольниках комиссии (второй)». Опись, которая была доступна В.В. Нечаеву, и ныне является действующей описью фонда 302 РГАДА. В последующих постраничных сносках примечания В.В. Нечаева.

² Василий Степанов, Афросинья Соплина, Яков Фролов, строитель Богословской пустыни Дмитрий Гусев, иеромонах Чудова монастыря Варлаам Федотов.

Приложение 3
Статистические и топографические данные
о «секте хлыстов»

¹ Кавычки в названии мои, в тексте раскрыты сокращения слов, выверены ссылки на документы фондов 301 и 302 РГАДА. Антисектантская терминология В.В. Нечаева сохранена как авторская, хотя она и не соответствует подходу, которого я стараюсь придерживаться в книге.

² Ошибка в источнике: 25,08% – не считая вкладчиц; с вкладчицами – 26,4%.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7: Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция. Оп. 1. Д. 93: Дело о князе Ефиме Мещерском, имевшем в своем доме дароносицу с церковными дарами, 1721 г.
- Там же. Ф. 301: Следственная о раскольниках комиссия (первая). Оп. 1. Д. 2: Экстракты и доношения, представленные [раскольнической] комиссией в Сенат, Синод и московскому главнокомандующему генералу гр. С. Салтыкову для отсылки в Тайную канцелярию, 1733–1738 гг.
- Там же. Д. 3: О крестьянах вотчины Симонова монастыря Василии Сытенине и Митрофане Копылове, крестьянине Ярославского уезда Василии Ларионове, крестьянине Олонецкого уезда Петре Суханове, московском купце Якове Дмитриеве и старице московского Никитского монастыря Максимилле Мартиновой (неполное), 1733 г.
- Там же. Д. 5: О монахах вневской Богоявленской пустыни Савватии и Серафиме, келейнике устюжского архиерея Моисее и старицах московских монастырей, 1733 г.
- Там же. Д. 6: Расспросы 78 человек колодников по присланным из Синода пунктам, 1733 г.
- Там же. Д. 7: Расспросы монахов Учминского монастыря, 1733 г.
- Там же. Д. 10: Об описных по комиссии дворах и пожитках, 1733 г.
- Там же. Д. 13: Дело о хлыстах, сысканных по показаниям разбойника Алексея Кузьмина и священника с. Колычева Московского уезда Василия Ларионова, 1735 г.
- Там же. Ф. 302: Следственная о раскольниках комиссия (вторая). Оп. 1. Д. 1. Книга указов, полученных комиссией в 1745 году из Сената, Синода и их контор.
- Там же. Д. 7: Книга, содержащая в себе 15 дел, 1745 г.
- Там же. Д. 93: О лечении колодника Андреяна Петрова, 1753 г.

- Там же. Д. 133: О возвращении старицы Анфисы в Ивановский монастырь, 1749 г.
- Там же. Ф. 350: Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 1. Д. 56. Л. 41–56. Ландратская перепись посадских людей г. Венева, 1715 г.
- Там же. Ф. 1183: Московская контора Синода. Оп. 1. Ч. 11. Д. 732. По указу из Св. Синода о квакерской ереси, 1756 г.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796: Канцелярия Св. Синода. Оп. 14. Д. 80: По следствию о секте квакеров (хлыстов) в Москве, 1733 г.
- Там же. Д. 101: По определению Синода относительно появившейся в Москве ереси, похожей на учение квакеров, 1733 г.
- Там же. Ф. 796. Оп. 27. Д. 41: О сыске наставников «квакерской» ереси, 1746 г.
- Там же. Оп. 1. Д. 387: По доношению Тайной канцелярии о князе Ефиме Мещерском, 1721–1730 гг.
- Там же. Оп. 118. Д. 1291: Об открывшейся в Москве секте хлыстов, 1837 г.
- Там же. Ф. 797: Канцелярия обер-прокурора Св. Синода. Оп. 97. Д. 4. Указы за 1729–1734 гг.
- Там же. Ф. 1473: Секретный комитет по делам раскола. Оп. 1. Д. 70. Записки, донесения, доклады следователей о секте хлыстов, 1837–1843 г.

Электронные версии источников

- Книга, именуемая «Устав домашния молитвы и прочих христианских обрядов» («Красный Устав»): Электронная версия. Метод доступа: <http://www.staropomog.ru/Ustav%282%29/krasn_ustav.html>.
- Духовный регламент: Электронная версия. Метод доступа: <<http://portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1229>>.

Опубликованные источники

- Бессонов П.* Калеки перехожие: Сборник стихов. Вып. 1–6. М., 1861–1863. Т. 1–2.
- Димитрий Ростовский, митроп.* Розыск о раскольничьей брынской вере, о учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевердно и дела их не Богоугодны. М., 1847.
- Духовные песни христовщины / Публ. А.А. Панченко // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М.: Индрик, 2002. С. 478–504.
- Есинов Г.* Раскольничьи дела XVIII столетия, из дел Преображенского приказа и Тайных розыскных дел канцелярии. СПб., 1861.

- Он же.* Тайная канцелярия. Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 2010.
- Нечаев В.В.* Дела следственные о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. II. С. 77–199.
- Панченко А.А.* Сборник Василия Степанова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 467–477.
- Полное собрание законов Российской Империи. Т. 4. 1733–1736. СПб., 1830.
- Рождественский Т.С., Успенский М.И.* Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912.
- Чистович И.А.* Дело о богопротивных сборищах и действиях // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 2. Отд. I. С. 1–89.
- Clay J.E.* God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. Vol. XXVI (I). 1985. P. 69–124.

Литература

- Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. 1–3. Пг., 1915.
- Он же.* Первое следственное дело о христовщине // Миссионерское обозрение. 1916. № 7–8. С. 360–386.
- Он же.* «Сектоведы» нашего времени. К диссертации Д.Г. Коновалова «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве». СПб., 1916.
- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Анисимов Е.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
- Барсов Н.И.* Русский простонародный мистицизм. СПб., 1869.
- Берман А.Г.* Мистические секты в Среднем Поволжье в XVIII–XX веках. Чебоксары, 2004.
- Бирюков П.* Псалмы, песни и гимны русских сектантов, рационалистов и мистиков // История русской литературы. М., 1908. Т. 1. С. 396–421.
- Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.
- Варадинов Н.В.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

- Волков Н.Н.* Секта скопцов. Л., 1930.
- Высоцкий Н.Г.* Первый опыт систематического изложения вероучения и культа «людей божиих». М.: Синодальная типография, 1917.
- Он же.* Сомнительное «ученое» издание (*Айвазов И.Г.* Материалы для исследования русских мистических сект. Вып. 1. Христовщина. Т. 1–3. Пг., 1915). М., 1916.
- Гавриш Т.Р.* «Жизнь Клима Самгина» А.М. Горького в литературном процессе 1920 – начала 1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Гинзбург К.* Мифы–эмблемы–приметы: Морфология и история. М., 2004.
- [*Даль В.И.*] Исследование о скопческой ереси. СПб., 1844.
- Добротворский И.* Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Казань, 1869.
- Дударев А.* Беседническое движение в Русской Православной Церкви: историософский анализ. М., 2003.
- Зелинский А.Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря. М., 1996.
- Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринт. М., 1995.
- Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.
- Кельсиев В.И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Вып. I–IV. Лондон, 1860–1862.
- Он же.* Святорусские двоеверы // Отечественные записки. 1867. № 17–20 (сентябрь–октябрь). С. 583–619.
- Киприан (Керн), архим.* Евхаристия. М., 1999.
- Коновалов Д.Г.* Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. 1. Вып. 1. Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908.
- Кутепов К.В., свящ.* Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1883.
- Лавров А.С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
- Левин И.* Двоеверие и народная религия в России. М., 2004.
- Левитин-Краснов А.* Народные святые в России: отец Иоанн Кронштадтский // *Sahiers du monde Russe et Soviétique*. Vol. XXIX (3–4). 1988. P. 455–470.
- Леонид, архим.* Изъяснение раскола, именуемого христовщина или хлыстовщина, составленное священником Иоанном Сергеевым, бывшим самовидцем всех таинств одного раскола // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1874. Кн. 3. Отд. 5. С. 62–77.
- Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Он же.* Семиосфера. СПб., 2001.

- Львов А.Л.* Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011.
- Мельников П.И.* Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 2. С. 39–205.
- Муратов М.В.* Русское сектанство. М., 1919.
- Мухомиловичи Н.Л., Шрейдер Ю.А.* Молитва: семиотика текста и психология деяния // Логос. 1999. № 3. С. 379–402.
- Они же.* Некоторые замечания к психологии молитвы: когнитивный аспект // Моск. психотерапевт. журн. 1998. № 1. С. 31–55.
- [*Надеждин Н.И.*] Исследование о скопческой ереси. СПб., 1845.
- Панченко А.А.* «Мифологическое отождествление» и социальная роль: к изучению религиозного самозванства // Лотмановский сборник. М., 2004. Т. 3. С. 589–597.
- Они же.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Пругавин А.С.* Бунт против природы. (О хлыстах и хлыстовщине). М., 1917.
- Они же.* Значение сектанства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. Кн. 1. С. 301–363.
- Ранович А.Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.
- Ремеров В.* Веро-нравоучение и характер радений хлыстов Центральной России // Миссионерское обозрение. 1900. № 4. С. 542–549; № 6. С. 827–832; № 7–8. С. 72–78.
- Рутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872.
- Они же.* Московские «Божьи Люди» во второй половине XVIII и в XIX ст. [б. м., б. г.].
- Рождественский А.* Хлыстовщина и скопчество в России // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1882. Ч. 1. С. 1–112; Ч. 2. С. 113–184; Ч. 3. С. 185–242.
- Самарин Д.* Богородица в русском народном православии // Русская мысль. 1918. Кн. III–VI. С. 1–38.
- Сергазина К.Т.* Игумен Варлаам и венецкие христоверы: протоколы допросов 1733 года // Вестник РГГУ. 2010. № 15. С. 147–153. (Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»).
- Она же.* Из истории первых общин христоверов (по материалам следственной комиссии 1733 года) // Вестник РГГУ. 2008. № 10. С. 161–167. (Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»).

- Сергазина К.Т.* История Прокопия Лупкина как пример неконфессионального благочестия первой половины XVIII века // Православный собеседник. 2012. Вып. С. 214–221.
- Она же.* Литургическая практика христоверов // Религиоведение. 2006. № 1. С. 25–38.
- Она же.* Монастырская культура XVIII века и кликушество (по документам дела о князе Е.В. Мещерском) // Православный собеседник. 2011. Вып. 1 (21). С. 111–117.
- Она же.* На какие тексты опирается в своем учении христовщина? // «А мне глаголати неленостно...»: Раскол и старообрядчество в современной рефлексии: Сб. науч. тр. Кострома, 2012. С. 146–150.
- Она же.* Традиции и инновации: история князя Ефима Мещерского как пример личного благочестия горожанина петровской эпохи // Петровское время в лицах – 2013. К 400-летию Дома Романовых (1613–2013): Материалы науч. конф. // Тр. Гос. Эрмитажа. СПб., 2013. С. 263–269.
- Синяевский А.Д.* Иван-дурак: Очерки русской народной веры. М., 2001.
- Скабалланович М.* Толковый Типикон. Вып. 1–3. Киев: Тип. Н.Т. Корчак-Новицкаго, 1910–1915. Репринт. М., 2003.
- Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Снегирев И.М.* Основатели секты «людей Божиих» лжехристы Иван Суслов и Прокопий Лупкин // Православное обозрение. 1862. Т. 8. Май–август. С. 324–326.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. XX, XXII. М., 1963.
- Спивак Д.Л.* Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.
- Тарт Ч.* Измененные состояния сознания. М., 2003.
- Торчинов Е.А.* Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 2000.
- Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Б.А. Успенский. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т. II. С. 67–161.
- Федотов Г.П.* Святые древней Руси. М., 2003.
- Федотова М.А.* О расспросных речах старообрядцев (по материалам первой половины XVIII в. фонда Канцелярии Синода) // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 45–59.
- Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М.; Л., 1928.

- Щепанская Т.Б.* Странные лидеры (о некоторых традициях социального управления у русских) // Этнические аспекты власти. СПб., 1995. С. 211–240.
- Эткинд А.* Хлыст (секты, литература и революция). М., 1998.
- Clay J.E.* The Theological Origins of the Christ-Faith (Khristovshchina) // Russian History / Histoire Russe. 1988. Vol. 15. №. 1. P. 21–42.
- Comtet R.* A propos du livre de Karl Konrad Grass *Die russischen Sekten* // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 183–200.
- Conte F.* Le chemin vers «l' autre monde» dans la vision traditionnelle des paysans d' Europe central et oriental // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 281–297.
- La religion populaire. Laval, 1970.
- La religion populaire: aspects du christianisme populaire à travers l'histoire. Lille, 1981.
- Malony N., Lovekin A.* Glossolalia. Behavioral Science Perspectives on Speaking in Tongues. NY, 1985.
- Niqueux M.* Le mythe des *xlysty* dans la littérature russe // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 201–221.
- Niqueux M.* Vieux–croyants et sectes russes: un chantier pour la recherche // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 7–19.
- Severac J.-B.* La secte russe des Hommes de Dieu. Paris, 1906.
- Spiritual songs in seventeenth-century Russia. Köln, 1996.
- Van Regemorter J.-L.* Les sectes russes sous le regard du sociologisme vulgaire // Revue des Etudes Slaves. 1997. LXIX (1–2). P. 249–255.
- Vandermeersch P.* La chair de la passion. Une histoire de foi: la flagellation. Paris, 2002.

CONTENTS

The author's foreword	9
Disputes on the origins of the Khristovovers	15
<i>Chapter 1. The Khristovovers as viewed by their contemporaries: investigatory records of the 18th century</i>	19
The Uglich case of 1717	21
The case of Prince Efim Meshchersky	29
The Moscow and St. Petersburg commissions of enquiry ...	35
The case of the Uchminsk monastery of 1733	40
<i>Chapter 2. Christ's faith</i>	47
Ascetic teaching	48
The Khristovovers' reading scope	57
Prayers	62
<i>Chapter 3. The Khristovovers' ritual practices</i>	71
Dancing around bonfires or radenie	72
Oaths	79
A feast	84
Prophecies at the meetings	91
<i>Chapter 4. "The unholy filthiness": widespread myths about the Khristovovers</i>	95
"The Khlysts' sacrament"	95
Orgies and sacrifices of infants at the rituals	98
"False Christs" and "Antichrists"	101
<i>Conclusion</i>	111

<i>Addendum 1.</i> The 1733–1739 commission and its actions	113
<i>Addendum 2.</i> The 1745–1757 investigatory commission on Old Believers and its actions	120
<i>Addendum 3.</i> Statistical and topographical data on “the sect of Khlysts”	133
<i>Addendum 4.</i> A copy of the 7 August 1734 Decree of Empress Anna Ioannovna	144
<i>Addendum 5.</i> A report of Varlaam Samsonov, the Hegumen of the Kassian Uchem Monastery	152
<i>Addendum 6.</i> A questioning of Varlaam Samsonov, Hegumen of the Kassian Uchem Monastery, in 1733	154
<i>Addendum 7.</i> A questioning of Hierodeacon Gavriil on the points sent from the Synod	162
<i>Addendum 8.</i> A questioning of Ioasaf Mikhailov, a monk of the Uchem monastery	168
<i>Addendum 9.</i> A questioning of Peasant Ivan Ilyin.	177
<i>Addendum 10.</i> A questioning of Peasant Nikita Nikitin Sakharnikov	184
<i>Addendum 11.</i> Vasily Stepanov’s collection (1720–1730)	189
Notes.	217
Bibliography	233

Sergazina K.T. “Dancing around”: the ritual practice of the first communities of the Khristovers

The book is a study of the religious culture of the Khristovovers, or “Khlysts”, a Russian mystic sect which emerged at the turn of the 17th–18th centuries. The defining feature of the religious culture of the Khristovovers was their ritual practice which combined chanting Church prayers with spiritual poems and reading the Bible with ecstatic rituals. The author of the book strove to describe the religious practice of the Khristovovers as comprehensively as possible and find the putative sources of its elements. In order to analyse the historical context in which the Khristovovers’ culture emerged and functioned, she used studies of folk religious practices, of Old Believers, of Foolishness for God and Klikushi, of self-flagellation practices, of spiritual poems and the forms of liturgical canon.

The book is intended for students of humanities, historians, religious studies experts as well as all the readers interested in the history of the split of the Russian Orthodox Church and the 18th century Church policies.

Сергазина К. Т.

С32 «Хождение вокруг» : Ритуальная практика первых общин христоверов / К.Т. Сергазина. – М.: РГГУ, 2015. – 238 с. ISBN 978-5-7281-1673-8

Рассматривается религиозная культура христоверов, или «хлыстов», – русских сектантов-мистиков, появившихся на рубеже XVII–XVIII вв. Отличительной чертой религиозной культуры христоверов была их ритуальная практика, сочетавшая пение церковных молитв с духовными стихами и чтение Библии с экстатическими кружениями. В основе книги лежит желание ее автора как можно подробнее описать религиозную практику первых общин христоверов и найти возможные источники отдельных ее элементов. Для анализа контекста, в котором возникает и функционирует культура христоверов, привлекались исследования, посвященные народным религиозным практикам, староверию, феноменам юродства и кликоты, практикам самобичевания, духовным стихам и формам богослужебного устава.

Для студентов гуманитарных вузов, историков, религиоведов, а также для всех интересующихся проблемами русского раскола и церковной политики XVIII в.

УДК 28
ББК 86.37

Научное издание

Сергазина Карлыгаш Толегеновна

«ХОЖДЕНИЕ ВКРУГ»

Ритуальная практика первых общин христоверов

Редактор *Т.В. Рютина*

Корректор *О.Н. Картамышева*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 31.03.2015

Уч.-изд. л. 14,9. Усл. печ. л. 14,2

Тираж 200 экз. Заказ № 36

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел. 8-499-973-42-06